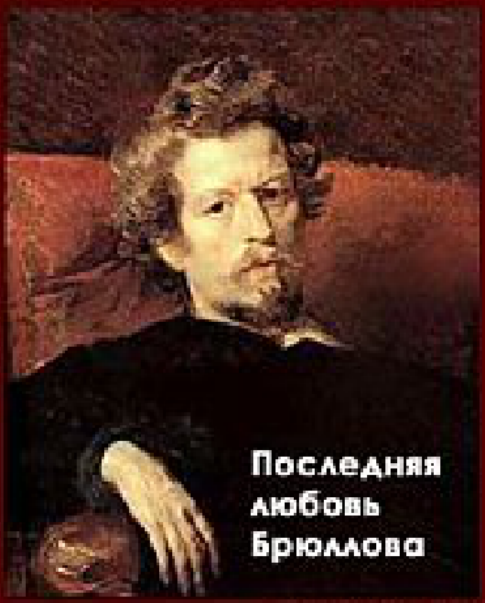
Анатолий ЧУПРИНСКИЙ



маленькие повести о великих

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Оригинально, непринуждённо и доходчиво автор повествует о великих русских художниках, произведения которых навсегда вошли в историю и сокровищницу мирового искусства.

- Анатолий Чупринский
  - ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ БРЮЛЛОВА
  - НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАНИ АЙВАЗОВСКОГО
  - ВАСНЕЦОВ ГЛАЗАМИ СКОМОРОХОВ
  - МОЙ МИЛЫЙ ЛЕВИТАН

Анатолий Чупринский
Маленькие повести о великих художниках

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ БРЮЛЛОВА

Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом
Толпами, стар и млад, бежит из града вон…

Александр Пушкин

1

Извержение Везувия было назначено на последнюю пятницу восьмого месяца. Конкретное число знал только один человек в Помпеях. Он сам его и назначил. Вернее, вычислил. После долгих наблюдений и кропотливых расчетов, астролог и городской сумасшедший Деций пришел к неутешительному выводу. Любимому городу осталось процветать всего ничего. Каких-то полтора месяца.

Более всего старика Деция поражало и даже чудовищно раздражало, поведение самих горожан. Никто из них и внимания не обращал на то, что земля под ногами периодически трясется мелкой дрожью и гудит, как растревоженный улей. Хотя, чему удивляться. В Помпеях увидеть на улице трезвого человека такая же редкость, как встретить пингвина в полдень посреди пустыни Сахара. Курортный городок на берегу лазурно-бирюзового залива был центром виноделия. Своим знаменитым «помпейским» славился по всему Средиземноморью. И даже далеко за его пределами.

В Помпеях пили все, начиная с крохотных младенцев и кончая дремучими старцами. Пили рыбаки, перед выходом в лазурный залив и после возвращения на берег. Пили торговцы, разложившие свои товары прямо на берегу и вдоль всех центральных улиц города. Пили рабы и их надсмотрщики, знатные дамы и служанки, гладиаторы и зрители… Пили даже домашние животные, собаки, кошки, петухи, индюки. Стоило любой нерадивой хозяйке чуть зазеваться, как какой-нибудь кувшин с вином, которых повсюду в изобилии, опрокидывался, и

вся свора домашних четвероногих и пернатых бросалась утолять жажду.

В любом дворе можно было увидеть умильную картинку. Расположившись где-нибудь в тени раскидистого дерева, молодая мамаша, кормит орущего младенца отнюдь не грудью, она меланхолично вливает ему в рот малыми дозами «помпейское» из миниатюрного кувшинчика. Налакавшись, тот, естественно, успокаивается.

Самое поразительное, дети росли здоровыми, веселыми и почти никогда не болели. О стариках и говорить нечего. Они доживали до глубочайшей старости, сохраняя, ясность ума и веселость нрава, коим отличались все жители Помпей.

Хотя, исключения все же были. Астролог Деций был по всеобщему признанию человеком мрачного мироощущения. Вечно ему мерещились катаклизмы, катастрофы и прочие напасти. Жители Помпей его слегка недолюбливали и старались избегать общения с ним. Многие даже, увидев его на улице, заблаговременно переходили на другую сторону. Или попросту сворачивали в ближайший переулок.

Астролог Деций был небольшого роста. Со спины вполне мог сойти за щуплого подростка. В толпе, только обогнав его и оглянувшись, увидев седую бороду и густые, нависшие над горящими глазами брови, прохожий понимал, перед ним глубокий старик. Лет пятидесяти пяти, никак не менее.

Недостаток роста природа сполна компенсировала ему задиристым характером и взрывным темпераментом. Деций постоянно ввязывался во всевозможные склоки, скандалы и частенько ходил с внушительным синяком под каким-нибудь глазом.

Но напрасно лохматый старик, сделав своей открытие, пытался вразумить бестолковых жителей Помпей. Втолковывал каждому встречному и поперечному: мол, надвигается страшное землетрясения и извержение, какого еще мир не видывал. Мол, погибнут все, кто не успеет во время покинуть город и его окрестности.

Деция никто не слушал. Горожане пили, пели и веселились, кто во что горазд. Им было глубоко наплевать, о чем там бормочет лохматый старик с горящими глазами.

— Бараны равнодушные!

— Пустоголовые ослы!

Такими эпитетами, а порой и похлеще, награждал астролог Деций жителей Помпей. Правда, некоторые относились к нему с пониманием.

— Ну, выпил старик лишнего! Со всяким бывает.

На второй день после своего открытия Деций решил действовать более продуктивно и целенаправленно. На центральной площади Помпей располагался храм Зевса. Самое внушительное и монументальное здание города. Его стены горожане издавна использовали как доску объявлений.

Чего тут только не было…

«Продается коза дойная. Зовут Профурсета. Молока дает, сколько хочешь. Обращаться в имение Тория, налево за мостом».

«Виргула! Ты разбила мне сердце! Я имею полное право расквасить тебе нос и переломать все ребра! Готовься!».

«Кто проголосует против нашего правителя Полибия, у того вырастут ослиные уши!».

«У тебя уже выросли!».

Деций выбрал самое видное место на стене храма и начертал самыми крупными буквами, насколько позволяла длина рук.

«До извержения Везувия осталось 42 дня! Жители Помпей! Спасайся, кто может! Покидайте город!.. Деций».

Но уже на следующее утро какой-то шутник приписал впереди цифру «9». Получилось, «… осталось 942 дня!».

Увидев приписку, Деций впал в глубокое уныние и назначил себе внеочередной «рыбный день».

Будучи вдовцом, Деций устраивал себе «рыбный день» раз в месяц. В рыбачьем районе города выбирал самую крупную девицу, (чтоб была на полторы головы выше его, не меньше!), и заваливался в ближайший кабачок. Там, среди рыбаков, старых гладиаторов, беглых рабов и торговцев, он чувствовал себя, как рыба в воде. Завсегдатаи знали, лучше не заглядываться на очередную подругу Деция, можно схлопотать кувшином по голове.

«Рыбный день» довольно часто заканчивался скандалом или дракой. Крепко выпив, Деций начинал пророчествовать. Ему никто не верил. Поначалу Деций раздражался на человеческую тупость. Потом гневался. Под конец вечера обычно впадал в откровенную ярость. Бросался с кулаками на собеседников.

В тот вечер Деций сидел в углу кабачка тише воды, ниже травы. Напряженно морщил лоб и тяжело вздыхал. Очередная подруга никак не могла растормошить его. Деций отмахивался от нее, как от надоедливой мухи и лицо его выражало титаническую работу ума.

До извержения Везувия оставался сорок один день.

Правитель Помпей не принял астролога. Весь день лохматый старик провел в приемной. Ему было объявлено, Гай Юлий Полибий работает с документами. Но Деций не привык отступать

и решил ждать до последнего. Уселся прямо на пол в центре на шикарный ковер и весь день всем своим видом демонстрировал, что не собирается никуда уходить. Пусть его хоть на куски режут.

Вокруг сновали слуги, шастали какие-то девицы, все бросали на Деция удивленные взгляды и презрительно пожимали плечами.

Только ближе к вечеру, когда на город уже опустились сумерки, правитель Помпей соблаговолил принять астролога.

Как и предполагал Деций, «документами» оказались сразу три полуголые девицы. Из тех, что вечно отираются возле казарм гладиаторов на окраине города.

Полибий не был назначенцем из Рима. Его выбрали жители Помпей открытым голосованием, как «своего гражданина». Гай Юлий Полибий оправдывал высокое доверие в полном объеме. Как он при этом умудрялся еще и городом руководить, оставалось только удивляться.

— Мы про тебя совсем забыли! — радостно сообщил Полибий, едва лохматый старик возник на пороге.

Правитель Помпей возлежал на широком ложе, в окружении девиц и кувшинов с вином. Лицо его и раньше не отличалось особой бледностью, теперь же вполне могло соперничать с багровым закатом.

— У меня две новости. Хорошая и плохая. — откашлявшись, сказал Деций, — С какой начать?

— Переходи сразу к третьей. — ответил Полибий. И громко захохотал. Ему всегда нравились собственные шутки.

Полуголые девицы в три голоса поддержали своего обожателя.

Деций молчал. Исподлобья смотрел на правителя обреченного города, стараясь всем своим видом внушить ему всю серьезность положения. Или хотя бы для начала, заставить того перестать хохотать.

Наконец Полибий перестал смеяться. Глубоко вздохнул и даже попытался нахмуриться, но с лица его не сходила глупая ухмылка.

— Ладно, давай. Что там у тебя?

Деций решил не откладывать дела в долгий ящик.

— Скоро будет сильнейшее землетрясение. Эпицентр находится как раз в центре нашего города.

Полибий несколько мгновений помолчал, пожевал губами.

— А какая хорошая? — равнодушно спросил он.

— Это и есть, хорошая! — начал тихо звереть Деций. — По окончании землетрясения начнется извержения Везувия. Город погибнет. Потоки раскаленной лавы зальют улицы, град

огромных камней будет сыпаться на крыши домов, на головы жителей, вспыхнут пожары… С небес польются потоки воды, поскольку гроза…

— И гроза затушит пожары… — неожиданно подхватил Полибий.

Увлекшись рассказом, Деций только сейчас заметил, что правитель Помпей откровенно насмехается над ним. И не верит ни единому слову. Насмешек над собой, как и всякий человек невысокого роста, Деций не переносил ни в каких формах и проявлениях. Оскорбившись, он мог наговорить любому, даже самому высокому начальству, много такого, о чем потом сожалел, но ничего не мог поделать со своим взрывным характером и неистовым темпераментом.

Но на сей раз он почему-то, стиснув зубы, сдержался.

— Деций сделал свое дело, Деций может уйти! — мрачно произнес он и направился к двери. — Мой долг предупредить.

— Катись! — поморщившись, бросил ему вслед Полибий.

Не успел астролог покинуть шикарный дворец, как услышал у себя за спиной новый взрыв хохота. И голос Полибия.

— Слуги! Подайте ему осла! — не унимался правитель Помпей. — Ты достоин чести проехать через весь город на осле! — хохотал Полибий, появившись в окружении девиц на ступеньках дворца.

— Передай ослу свою должность. — сдерживаясь из последних сил, ответил Деций. — От него будет больше пользы.

Деций продолжал спускаться по ступенькам дворца, но его опять окликнул Полибий:

— Эй! Деций! А какая из новостей хорошая? — хохотал на ступенях своего дворца правитель. — Землетрясение или извержение? Я так и не понял!

— Землетрясение, пустая твоя башка! — рассвирепел Деций. — При землетрясении еще можно спастись, убежать…

Гай Юлий Полибий продолжал хохотать на ступеньках своего дворца. Схватившись за живот обеими руками, он постанывал, икал и раскачивался из стороны в сторону, чуть не падая на колени. Визгливые девицы поддерживали его под руки.

— А по мне… ха-ха… Что в лоб, что по лбу-у!!!

— Тебе на башку упадет самый крупный камень! — не удержался от пророчества Деций и, не оглядываясь, скрылся в сумерках.

Сквозь ветки лавра и густые заросли терновника, перекрывая оглушительный стрекот цикад, до него еще долго доносился заливистый смех правителя Помпей.

Всю ночь астролог не смыкал глаз. Бесцельно бродил по

городу, будто прощался с ним.

Под утро он сидел на берегу лазурно-бирюзового залива, тяжело вздыхал, со злостью швырял в воду камешки и мысленно вяло переругивался со всеми Богами сразу…

2

… Спустя 1800 лет приблизительно на том же месте у моря сидел русский художник Карл Брюллов. Тоже швырял со злостью в воду камешки и смотрел на расходящиеся круги.

«Тридцать лет! И ничего для бессмертия!». Уже который день вертелась у него в голове эта пустая напыщенная фраза. Карл даже неоднократно встряхивал головой, но вытрясти оттуда эту риторическую бессмыслицу не мог.

Художник находился в глубоком творческом кризисе.

Карл Брюллов уже несколько лет проживал в Италии. Лучший ученик петербургской Академии художеств, в силу каких-то унылых интриг в ректорате, на стажировку был направлен лишь на скудные средства Общества поощрения художников.

Еще несколько лет назад он выставил для отчета «Нарцисса». И все поголовно в Академии, без тени иронии, начали величать его, ни много, ни мало, Великий Карл. Его мощный талант признавали все, и однокурсники, и профессура.

В Риме же Великий Карл влачил довольно жалкое существование. Если б не старший брат Александр, который постоянно помогал ему материально, Карл от постоянных недоеданий подхватил бы какую-нибудь серьезную внутреннюю болезнь.

За два года Карл успел написать и отправить в Петербург две поистине незаурядные картины. «Итальянское утро» и «Полдень». И еще целую кучу набросков, эскизов, копий с полотен итальянских мастеров. Но Обществу поощрения все было мало…

Оглушительный успех «Итальянского утра» и «Полдня» ничуть не менял положение вещей. И Карл начал выдыхаться, терять перспективу, впадать в уныние. И тут явилась Она…

Выручила Карла, как уже бывало неоднократно, графиня Юлия Самойлова. Первая петербургская красавица объявилась в Риме, как снег на голову и мигом вывела из оцепенения.

— Господибогмой, Карл! Вы опять в меланхолии! — вскричала Юлия, едва переступила порог его убогой комнатенки. Эти слова она всегда произносила слитно, на едином дыхании,

вкладывая в них все восклицания, какие только знала. Даже во французский и итальянский, которыми владела свободно, она тоже умудрялась вставлять свое, ставшее знаменитым уже по всей Европе, «Господибогмой»!

Во-первых, Юлия категорически объявила, что «окончательно» порвала с мужем. Хотя Карл по опыту знал, в понимании графини Юлии «окончательно», еще не значит «бесповоротно». Она уже неоднократно порывала с мужем. Их бурные сцены семейные были предметом обсуждения всего Петербурга.

Во-вторых, графиня заплатила все долги художника и даже перевезла вещи Карла в более приличную, чистую и светлую квартиру. С прекрасным видом из окна.

В-третьих, объявила, они завтра уезжают в Неаполь. Карлу просто необходимо подышать морским воздухом. И еще необходимее увидеть развалины Помпей. У нее есть одна «идея»…

Тут графиня Юлия многозначительно улыбнулась. Карл еще больше помрачнел. За долгие годы их отношений он убедился, все «идеи» графини приносили одни только расходы и неприятности. Впрочем, расходы Юлия всегда брала на себя. Неприятности доставались Карлу. Такое сложилось у них распределение обязанностей.

И еще Карл знал, если Юлия что-либо решила, спорить с ней совершенно бесполезно. Еще кто-то из великих сказал:

— Спорить с красивой женщиной, совсем уж… уродом быть!

Уродом Карл не был. Напротив. Большинство считали его красавцем. Стройный, с гривой белокурых вьющихся волос и темными, проницательными глазами, он производил неизгладимое впечатление. Женщины сходили от него с ума. Графиня Юлия была ему под стать.

Темноволосая, темноглазая богиня, которой надоело стоять на своем мраморном пьедестале. Вот она и соскочила с него.

Великий Карл и Прекрасная Юлия были ошеломительной парой. Ими любовались, им завидовали, пересказывали фразы, вскользь брошенные каждым из них.

Их представили друг другу на балу у графини Разумовской в Петербурге. Любовь, как молния, вспыхнула мгновенно, едва они взглянули в глаза друг другу. Юлия протянула ему руку, Карл осторожно взял ее, да так и не смог выпустить.

Вокруг дефилировали пары, кто-то подходил к ним, задавал какие-то вопросы, исчезал… Карл и Юлия стояли посреди залы и смотрели друг другу в глаза. Окружающим было совершенно

очевидно. Они ничего не слышат и никого вокруг не видят.

Звучала музыка, вокруг уже танцевали пары… они все стояли посреди залы и с какой-то настороженностью и удивлением рассматривали друг друга. Порой по их лицам одновременно пробегала странная улыбка. Безусловно, они уже встречались раньше. И не раз.

Но в другой жизни.

Теперь они сидели в небольшом летнем кафе в Риме на Монте-Квиринале, что возле папского дворца.

Карл хмурился и даже не притрагивался к чашке кофе, которая стояла перед ним. Графиня Юлия, напротив, была весела, и все окружающее бесконечно радовало ее.

— Вы слышали, как погибли Помпеи? — неожиданно спросила графиня.

— Так, краем уха…

Как каждая женщина, Юлия иногда задавала чудовищно наивные вопросы. Слышал ли он? С раннего детства деспотичный отец вдалбливал ему в голову Древнюю историю. Вместо сказок на ночь, полуграмотная няня читала маленькому Карлу легенды и мифы Древнего мира, сама порой, восхищаясь и ужасаясь прочитанному.

Уже потом, в Академии художеств, куда маленького Карла как особо одаренного отдали учиться в десять лет, приобщение к древности продолжилось в полном объеме. Карл свободно мог бы читать лекции на эту тему.

— Вы должны написать «Гибель города Помпеи»! Я так хочу!

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!» — промелькнуло в голове Карла, но он только пожал плечами.

— Сделайте это для меня. И для человечества! — невозмутимым тоном сказала она.

Прекрасная Юлия мыслила исключительно глобальными категориями. Карл хотел было в очередной раз что-то съязвить насчет своей исключительности и благодарного человечества, но промолчал.

Прекрасная Юлия без всякого преувеличения считала его гением. И постоянно везде открыто объявляла об этом. Чтоб стать злейшим врагом Юлии, достаточно было в любом из салонов Петербурга что-либо сказать небрежное о живописи Карла. Охотников находилось мало. Ее беспощадного, острого языка опасался даже сам Государь.

Карл, напротив, относился к своей «гениальности» довольно прохладно. Не упускал случая иронизировать над самим собой. Что привлекало к нему женщин и дружески располагало мужчин.

— Я увожу вас в Неаполь! — завершила беседу Юлия.

Поскольку, как уже сказано, спорить с Прекрасной Юлией было совершенно бесполезно, Карл вздохнул и, молча, кивнул головой.

И вот теперь он сидел на берегу лазурно-бирюзового залива, со злостью швырял в воду камешки, смотрел на расходящиеся по воде круги и чувствовал себя совершенно опустошенным, никчемным и несостоятельным художником.

Посещение развалин Помпей ничуть не вдохновило его.

В тот же день вечером Карл и Юлия сидели на маленьком диванчике в уютном гостиничном номере. Вокруг горели свечи.

Прекрасная Юлия, зачем-то оглянувшись по сторонам, показала художнику маленький медальон и прошептала:

— Загадайте желание. Непременно исполнится.

Большой алый камень, величиной с голубиное яйцо, был вставлен в изящную оправу. Графиня часто носила его на шее.

По абсолютному убеждению Юлии, камень принадлежал когда-то китайскому императору и обладал исключительными свойствами. Мог исполнять любые желания. Во всем мире таких было всего-то штук пять-шесть. Не больше.

Графиня всерьез верила во всю эту мистическую чепуху, постоянно участвовала в спиритических сеансах и возила с собой по всей Европе кучу всяческих амулетов.

Совсем недавно на одном из таких мистических сеансов, который проводил в Петербурге всемирно-известный гипнотизер и шарлатан по имени Круиз, графиня Юлия, загадала желание увидеть Помпеи за несколько дней до извержения. Гипнотизер выставил на стол стеклянный шар, испускающий странный бледный мерцающий свет. И попросил всех присутствующих сосредоточиться.

Юлия совершенно явственно увидела в светящемся стеклянном шаре лицо лохматого старика, который стоял посреди какой-то площади, полной спешащего по делам народа и, потрясая в воздухе кулаками, гневно восклицал:

— Бараны равнодушные!

— Пустоголовые ослы!

— Спасайся, кто может!

Но его явно никто не слушал. Изображение было не очень четким, разглядеть детали графиня Юлия не сумела, но гневный лохматый старик заполнился надолго…

Теперь графиня решила приобщить любимого Карла к своему видению, для того и понадобился алый камень.

— Господибогмой, Карл! Давайте же… загадывайте!

Она сняла с шеи цепочку с медальоном и слегка придвинулась с Карлу. Лицо ее было совсем близко.

Карл почему-то подумал; «Побывать в Помпеях» и нацелился на губы Юлии. Они были явно привлекательнее любого алого камня. Со всех точек зрения.

Прекрасная Юлия строго нахмурилась.

— Камень! Камень! Три раза!

И Карл слегка коснулся губами алого камня. Три раза.

Остаток вечера они провели в бесконечных разговорах.

Еще не проснувшись, на зыбкой грани сна и бодрствования, Карл почувствовал какой-то странный запах. Пахло чем-то… чем-то вроде серы. Художник довольно часто в своих фантастических снах видел не только яркие краски, но и ощущал запахи. Правда, чаще всего на утро, ничего не помнил.

Не открывая глаз, Карл пробормотал:

— Юлия! Чем так противно пахнет?

И в ту же секунду получил оглушительную затрещину.

3

Карл открыл глаза и увидел… прямо перед собой разгневанную молодую женщину, поразительно похожую на графиню Юлию. Наметанным глазом художника Карл сразу же подметил маленькую родинку над верхней губой. У Юлии никаких родинок не было. Да и вообще!

Чертами лица женщина походила на Прекрасную Юлию, но глаза были довольно пустоваты и на шее уже наметились преждевременные морщины. «Простолюдинка!» — машинально отметил про себя Карл и опять закрыл глаза, чтоб досмотреть до конца этот нелепый сон.

Но это был не сон.

— Юлия!? Значит, так зовут потаскушку, к которой ты шляешься каждый вечер! — заверещала женщина противным скрипучим голосом.

Карл открыл глаза. И тут же получил еще одну затрещину. Теперь по левой щеке. Это было уже слишком! Левая щека Карла была неприкосновенна. Еще в далеком детстве деспотичный отец так ударил его за отказ рисовать кубы, что мальчик оглох на левое ухо и всю оставшуюся жизнь почти ничего им не слышал.

Карл рывком приподнялся с ночного ложа. Женщина отшатнулась.

— Ты кто!? — рявкнул Карл.

Женщина испуганно отступила на пару шагов и заплакала.

— Совсем с ума сошел!? Уже не помнишь, как собственную жену зовут! — начала рыдать она. — Что с тобой происходит, Кайл?

«Кайл!?» — молнией пронеслось в голове Карла. «Кажется, я схожу с ума! Только этого не хватало!».

Женщина продолжала верещать своим визгливым, противным голосом что-то о пьянстве и распутстве ее мужа, о несчастных детях, о долгах соседям… Карл почти не слушал. С изумлением и страхом он оглядывался по сторонам. Комната была ему незнакома.

Убогая обстановка производила удручающее впечатление. Здесь явно жил художник, явно в нищете и явно быстрыми темпами пропивал свой талант. Неблагополучие просто бросалось в глаза.

— Как тебя зовут… несчастная? — тихо спросил Карл.

— Ливия. — плача, ответила женщина. В ее огромных, почти «самойловских» глазах, пульсировало неподдельное горе.

«Карл и Юлия… Кайл и Ливия… Ничего себе, шуточки!» — почему-то пронеслось в голове художника.

Он рывком поднялся с постели и направился к окну, чтоб глотнуть свежего воздуха. В комнате отвратительно пахло серой.

Карл подошел к окну, поднял глаза и… застыл от ужаса!!!

Перед его взором, вдали возвышался Везувий! Но без кратера!!!

На месте привычного углубления возвышалась вершина горы.

Стало быть, никакого извержения еще не было!? Стало быть, он, в самом деле, каким-то неведомым образом переместился в Помпеи!? Стало быть, алый камень… Стало быть, его легкомысленное желание исполнилось!? А как же… Юлия!? На Карла навалился животный, панический страх. Каким образом немедленно вернуться обратно!?

Схватив какую-то одежду, Карл опрометью выскочил из душной спальни на улицу.

В городе по-прежнему пахло серой. Даже легкий ветерок со стороны залива не разгонял этот противный запах. Карл заметил, из-под камней мостовой, из трещин почти на каждой улице, тут и там, выбивались с громким шипением струйки явно ядовитого газа. Но многочисленных прохожих это ничуть не беспокоило.

В одном переулке маленький мальчик даже играл со струей газа, накрывал его ладошкой. И отпускал. Газ с еще более громким шипением вырывался из-под земли. Мальчик смеялся.

Некоторое время Карл бесцельно бродил по узким улочкам окраины города. Ослики катили свои тележки, доверху нагруженные овощами и фруктами. Громко горланили рыбаки, разложившие ночной улов прямо на земле в больших корзинах. Мелкие торговцы ласково зазывали в свои бесчисленные лавочки хозяек, вышедших прогуляться до обеда. Повсюду с криками и визгами носились вездесущие дети…

Город жил своей обыденной жизнью.

Немного придя в себя от потрясения, Карл нащупал под мышкой свой походный блокнот, и облегченно выдохнул. За долгие годы привычка повсюду таскать его с собой переросла в инстинкт.

Хорошо было бы все это зарисовать.

И художник Карл Брюллов направился к центру города.

Более всего его поразило, что стены общественных зданий, храмов и многочисленные колонны сплошь расписаны надписями…

«Сбежал пес по кличке Нерон! Нашедшему вознаграждение!».

«А Люцилла извлекает из своего тела звонкую монету!».

«Желаю тебе, соблазнившему мою девушку, чтоб тебя сожрали в горах дикие медведи!».

— Варвары! Дикари! — шептал Карл, разглядывая надписи.

Уже на подходе к самому центру города, Карла вдруг поразило одно обстоятельство. Он не только отлично понимает окружающих, но и сам вполне сносно может объясниться на древне-итальянском диалекте, хотя никогда не изучал ничего подобного.

— Кайл! Как поживаешь? — радостно-тревожным голосом обратилась к нему молодая женщина с лицом графини Юлии Самойловой.

«Еще одна!» — подумал Карл и непроизвольно попятился.

Но женщина, улыбаясь, подошла совсем близко и почти приперла Карла к стене какой-то лавочки.

За руки женщина держала двоих маленьких детей.

— Если б ты женился на мне, а не этой своей… Они были бы твоими детьми…

Дети были, конечно, очаровательными. Спорить было глупо.

— Ты счастлив, Кайл? — допытывалась женщина.

Карл понятия не имел, счастлив Кайл или нет. Скорее всего, нет. Достаточно вспомнить эту… как ее? Ливию. Ту, которую он оставил рыдать в душной спальне. Но причем здесь он.

Карл недоуменно пожал плечами и направился к центру города.

На узкой улочке напротив дверей кабачка «Белый слон» внимание Карла привлекла странная группа. Двое мускулистых юношей, закинув руки отца себе на плечи, осторожно вели его по дороге. Старик еле передвигал ногами, но глаза его поразили художника своей абсолютной ясностью и даже ироническим прищуром.

— Помру, что будете делать? Лентяи, бездельники…

Сыновья не отвечали. Видимо, знали монолог отца наизусть.

— Бездельники… Оболтусы, ветрогоны… А надо работать… работать… работать…

Троица поравнялась с художником, старик все талдычил:

— Надо работать… работать…

Самое поразительное, старик умудрялся каждое слово произносить все с новыми и новым интонациями. Заметив художника, старик бросил на него быстрый взгляд и неожиданно незаметно подмигнул.

Троица начала удаляться по улочке, старик гнул свое:

— Работать… работать… работать…

Карл еще долго смотрел вслед, пока они не скрылись за поворотом на следующем перекрестке.

«Какой великий артист погибает!», невольно подумалось Карлу.

Улицы Помпей во многих местах были перегорожены большими камнями. Очевидно, чтоб воспрепятствовать проезду колесниц.

Возле храма Зевса Карл остановился, как вкопанный. Будто наткнулся на невидимый столб и больно ударился головой. Сам храм был так себе. Ничего особенного. Обычное подражание Риму. Да еще с некоторой провинциальной претензией.

Карл увидел надпись…

«… До извержения Везувия осталось 942 дня! Деций!».

Вокруг Карлу уже вертелся какой-то лохматый старик. Заходил то справа, то слева, пытаясь заглянуть в глаза.

— Послушайте, старец! Где мне найти этого… Деция?

— Ты кто будешь? — подозрительно прищурился старик, осматривая Карла с ног до головы. — Приезжий?

— Все мы в этом мире проездом, — уклончиво ответил Карл.

— Деций… я и есть! — с какой-то неожиданной злобой ответил старик. И добавил. — Одолжи пару денариев.

— Насчет извержения, ты написал?

— Будешь насмехаться, получишь в глаз! — мрачно предупредил Деций. И тяжело вздохнул.

Некоторое время художник и астролог оценивающе присматривались друг к другу.

— Где-то я тебя видел, — наконец изрек Деций. И хлопнув себя по лбу, воскликнул. — Ты брат беспутного художника Кайла!

«Я и есть, Кайл!» — чуть было не брякнул Карл, но во время прикусил язык. Во-первых, его самого испугало, что он уже считает себя каким-то «Кайлом». Во-вторых, объяснять почтенному старцу, что он художник Карл Брюллов и прибыл неведомым образом совсем из другого времени, из другого мира, дело заведомо безнадежное. Тем более, Карлу и самому было не до конца все ясно.

— В гости приехал. К Кайлу. — понимающе покивал головой Деций. — Умные люди сейчас уезжают из Помпей. А ты… Брата навестить. Ему уже не поможешь. Пропил свой талант. Одаренным юношей был. Подавал надежды… Ты тоже художник?

— Разумеется. — ответил Карл. Что было абсолютной правдой.

Возле храма было довольно многолюдно. Карла и Деция постоянно кто-нибудь толкал и, не извинившись, шел дальше. Вообще, понимание вежливости и уважительности в Помпеях сильно отличались от петербургских и даже римских. Но горожане об этом явно даже не догадывались, спешили каждый по своим неотложным делам.

— Послушайте, старец! Действительно, до извержения осталось девятьсот сорок… — начал выспрашивать Карл.

— Девятьсот!? — резко перебил его Деций. — Всего сорок! Время уже можно пересчитать в минутах!

Деций удручающе помотал головой и опять глубоко вздохнул.

— А что власти? — возмутился Карл. — Почему бездействуют?

— Работают с документами, — криво усмехнулся Деций. — Любой человек у власти становится негодяем, мерзавцем, вором, лжецом, тупицей, обжорой, глупцом…

— Стало быть, никто не знает? — решительно перебил его Карл, видя, что Деций собрался перечислять все пороки человеческие.

— Почему? — искренне удивился старик. — Все знают. Но никто не верит. В самое худшее не хочется верить.

Художника и астролога вконец затолкали на площади перед храмом. В какой-то момент Деций не выдержал и даже дал пинка под зад наглому мальчишке, наступившему ему на ногу. Тот, даже не обернувшись, продолжал свой путь.

Карл и Деций, не сговариваясь, двинулись в сторону залива.

Весь день Деций, как заправский гид, водил художника по городу и, со смешанным чувством гордости и горечи, показывал достопримечательности. А таковых было немало…

Малый Форум… Главный Форум, окруженный с трех сторон колоннами… Храм Юпитера… налево — трибунал… Прямо напротив него Пантеон… Театры… храм Венеры для молодежи…

Не желая огорчать старика астролога, Карл преувеличенно восторгался и восхищался. Хотя в действительности был крайне разочарован. Вся архитектура города была излишне помпезной, порой даже нелепой в своем провинциальном желании перещеголять Рим или хотя бы сравниться с ним, встать на один уровень. Подражательность местных архитекторов раздражала.

Копия, как известно, всегда хуже оригинала.

Поздним вечером, уже на улице Изобилия в кабачке Азелины, Карл явно перебрал «помпейского» и от обилия дневных впечатлений и чудовищной усталости, уснул прямо за столом…

4

… очнулся Карл в своем гостиничном номере, в просторной постели, с множеством подушек и холодным компрессом на лбу. Возле кровати восседала Прекрасная Юлия с выражением глубокого беспокойства на своем красивом лице. Подле нее, на маленьком столике, стоял кувшин с холодной водой и фарфоровая чаша для смачивания повязок.

В дверях мелькала физиономия любопытной служанки.

— Господибогмой! Вы очнулись! — облегченно выдохнула Юлия.

Графиня Юлия отнюдь не была белоручкой. Еще в детстве на конюшне ухаживала за собственной пони. Потом и за взрослыми лошадьми. Чистила, запрягала, поила… Сменить холодный компресс на разгоряченном лбу любимого человека для нее было поистине подарком судьбы.

— Что с вами было, Господибогмой! — тревожно спросила Юлия. И понизив голос, прошептала. — Я так испугалась…

Сквозь пелену головной боли, Карл долго смотрел на прекрасное и бесконечно дорогое лицо отважной женщины. И молчал.

Наконец через силу проговорил:

— Я был… там!

Юлия мгновенно все поняла. Ее прекрасные темные глаза слегка округлились и, затаив дыхание, она ждала. Но Карл не

произнес больше ни слова. Художник погрузился в долгий сон.

На следующее утро они сидели в уютном кафе, что расположено на улице святого Марка и по традиции пили кофе.

— Что там носят женщины? — начала допрос Юлия.

— Мужчины ходят кто в чем. В основном, в тогах. Довольно неудобное одеяние, надо сказать. Женщины, вообще… без ничего.

— Господибогмой! Совсем!? — восторженно прошептала графиня.

— Абсолютно. — подтвердил художник.

— Вы шутите? — воскликнула Юлия. И уловив в глазах Карла ей одной заметные искорки смеха, разочарованно сказала. — Шутите!

— Жаль, что такой прекрасный город погибнет! — вздохнул Карл.

Вокруг шумела пестрая, горластая толпа Неаполя.

Творческие люди в большинстве своем, живописцы здесь не исключение, люди незащищенные, легкоранимые. Гордый взгляд, высоко вскинутая голова или угрожающего вида борода чаще всего скрывают детскую душу. Они, как никто другой, нуждаются в постоянной поддержке. Неосторожное слово или небрежный, неуважительный отзыв может их просто убить.

Любящим женским сердцем Прекрасная Юлия чувствовала, Карл именно из этой породы людей. Разъяренной тигрицей она бросалась на защиту художника и не уставала по любому подходящему поводу, а подчас и вовсе без всякого повода, твердить о его гениальности. Что, кстати, абсолютно соответствовало истине.

Но полное удовлетворение она испытывала, только когда ей удавалось найти мецената для Карла.

— Анатолий Николаевич Демидов!

— Карл Павлович Брюллов!

Графиня Юлия представила друг другу мужчин и, крайне довольная собой, легко опустилась в изящное кресло.

Карл в некоторой растерянности смотрел на Демидова. С огромной бородищей, тот смахивал на разбойника с большой дороги.

— Карл! Я рассказала Анатолию Николаевичу ваш гениальный замысел насчет написания картины, Господибогмой! О гибели Помпеи! И он, проявив истинную заинтересованность, любезно согласился заключить с вами контракт на покупку будущей картины, если вы, разумеется, ничего не имеете против!

Господибогмой, Карл!

Графиня выразительно смотрела на Карла. Потом бросила не менее выразительный взгляд на Демидова.

Мужчины согласно закивали головами.

Знаменательная встреча состоялась в неказистом кабинете ресторана «Прибой» города Неаполя. И кто знает… Если б не беззаветная, преданная любовь графини Юлии… если бы не щедрость и мудрая дальновидность уральского промышленника Демидова, мир, возможно, никогда бы и не увидел гениального полотна Карла Брюллова…

Карл работал, как одержимый. Уже все стены, столы и стулья, и даже кожаный диван мастерской, которую графиня специально сняла для него, заполонили эскизы, наброски, зарисовки…

Художник даже не пытался восстановить ТЕ свои впечатления. Смутные воспоминания толкали его необузданную фантазию на создание все новых и новых образов… Какие-то новые лица, позы, глаза, детали быта, части одежд вспыхивали в его голове и тут же гасли, прежде чем он успевал перенести их на бумагу.

Карл уже несколько дней не выходил на улицу и на вопрос графини: «Какой вчера был день?», отвечал:

— День был без числа.

Только под напором неудержимой Юлии, не отрывая глаз от бумаги и не выпуская из рук карандаша, продолжая работать, Карл открывал рот, судорожно что-то глотал… что-то жевал из рук графини, чем-то запивал… Он был в каком-то деятельном полусне!

Но общего замысла не было. Разрозненные детали никак не желали складываться в какую-либо общую картину.

Посреди мастерской на мольберте стоял большой холст.

Но на нем не было ни единого штриха. Своей девственной белизной он просто давил на художника. Карл даже избегал смотреть в его сторону.

Наконец Юлия не выдержала. Почти силой вытащила Карла из мастерской и, усадив в свою карету, повезла к морю.

Карл и Юлия медленно брели по пляжу вдоль кромки воды. Море было зеркально неподвижным. Солнце слепило глаза.

Невдалеке какой-то здоровенный детина, лежа на спине и подняв вверх голую ногу, покачивал на ней крохотную девочку. Вверх-вниз, вверх-вниз… Девочка отчаянно визжала и заливалась счастливым смехом. Ее тонкий голосок, колокольчиком, разносился по всему пляжу.

Карл почему-то подумал, ведь у него не было счастливого детства. Отец никогда не возил его к морю. И уж тем более, никогда не «катал» на своей вытянутой ноге.

— Карл! — неожиданно ласковым тоном произнесла Прекрасная Юлия. — Это моя идея, вы согласны?

— Какая-такая, идея? — поднял вверх брови художник. Хотя уже прекрасно понял, куда клонит графиня.

— Господибогмой! Насчет картины о Помпеях!

— Разумеется. Никто не отрицает.

— В следующий раз возьмите меня с собой. Я имею право!

— Следующего раза не будет! — категорически заявил Карл.

И разумеется, ошибся. На следующее утро он опять был…

5

… на том же пляже. Открыв глаза Карл увидел по-прежнему голубое, безоблачное небо. А скосив глаза чуть в сторону, того же здоровенного детину, который на вытянутой ноге покачивал крохотную девочку. Девочка заливалась счастливым смехом.

Карл повернул голову в другую сторону и, увидев пологие склоны Везувия, без кратера, как ни странно улыбнулся.

Он опять был в Помпеях.

— Ты где пропадал? Я весь город исколесил…

Услышал над своей головой Карл уже знакомый, чуть сипловатый голос. И мигом поднялся на ноги.

Деций нетерпеливо переминался с ноги на ногу и, как обычно, раздраженно хмурился.

— Пошли! — приказным тоном произнес он.

Карл отряхнул одежду от песка и, подхватив под мышку свой походный блокнот, последовал за астрологом.

— Как тебя зовут? — не оборачиваясь, спросил Деций. — В прошлый раз ты так и не назвался.

— Карл.

Парочка направлялась прямиком к городу.

— Странное имя. Откуда родом? — допытывался Деций.

— Я из разных мест, — уклончиво ответил художник.

Путь их пролегал через несколько спортивных площадок. Чуть в стороне возвышался храм Венеры, покровительницы молодежи.

Справа и слева от дорожки, по которой топали Деций с Карлом, молодые люди в коротких туниках с усердием наращивали мускулы. Метали, прыгали, боролись друг с другом и, обливаясь потом, поднимали большие каменные ядра.

— Метайте, метайте! — с неожиданным раздражением пробормотал Деций. — «В здоровом теле, здоровый дух!». На самом деле, одно из двух.

— Вы уверены? — изумился Карл.

— Научно доказанный факт, — пожал плечами Деций. — Боги на Олимпе всем поровну отмеряют здоровья. Хочешь быть здоров…

… дальше Деций понес какую-то околесину насчет того, что как раз наоборот, надо очень много пить вина. Что кислая среда внутри организма создает невыносимые условия для мельчайших микробов… и тому подобную бредятину. Карл перестал слушать.

Внимание художника привлекла тонкая линия грозовых облаков у самой линии горизонта. Угрожающе черные, с далекими яростными вспышками молний, они ровной траурной каймой окружали Помпеи, Везувий и все окрестности. Карл никогда не видел ничего подобного. И потому поинтересовался у астролога. Давно ли в Помпеях была гроза? Как часто в последнее время шли дожди? И вообще, что означает эта ровная, черная линия грозовых облаков на горизонте?

Деций ничуть не удивился вопросу. Поморщился и раздраженно передернул плечами. Словно его спросили, каждое ли утро над Помпеями восходит солнце.

— То и значит, что скоро конец света! — не оборачиваясь и не сбавляя шага, ответил астролог.

Карл не стал уточнять, он понял. Черная полоса грозовых облаков на горизонте, со всех сторон окружившая город, самым непосредственным образом связана с надвигающейся катастрофой. На какое-то мгновение ему стало страшно, по спине даже забегали мурашки, но, взглянув на шагающего чуть впереди Деция, который бодро бубнил себе под нос какую-то песенку, (одному ему известную!), Карл слегка приободрился.

Все-таки, извержение будет не сегодня. И не завтра. Еще есть время. Во всяком случае, лично у него.

Художник почему-то был убежден, Деций проживает в какой-нибудь захудалой хибаре. Вроде той, в которой обитал совсем пропащий художник Кайл. Но когда Деций привел его на улицу Изобилия и, распахнув внушительные ворота, пригласил во двор, Карл понял. Внешность, действительно, бывает очень обманчива.

Как выяснилось, Деций проживал в приличном двухэтажном особняке. Стены и веранды были сплошь увиты плющом и виноградом. Во дворе плавательный бассейн и огромный лохматый пес на цепи. Все как у приличных, зажиточных людей. Ремесло астролога, как видно, совсем неплохо оплачивалось.

Деций на ходу потрепал по загривку лохматого пса и, кивнув Карлу, направился по дорожке в дом.

— У меня есть план спасения Помпей! — на ходу бросил он.

Слева от дорожки на небольшой лестнице тянула руку к виноградной грозди пышнотелая девушка с ярким румянцем на обеих щеках. Увидев Карла, она приветливо улыбнулась ему, как старому знакомому и помахала ручкой.

«Чур, меня!» — пронеслось в голове Карла, и он вошел в дом.

Святая святых, кабинет астролога располагался на втором этаже особняка. Чего тут только не было! Карты звездного неба с изображениями зверей и птиц, диковинные таблицы из цифр и вовсе непонятных знаков. Особое внимания Карла привлек письменный прибор стоявший на большом столе. Перья, явно из египетского тростника и чернильница с темной краской из сока каракатицы.

По всему кабинету, тут и там, стояли какие-то странные приборы, понять назначение которых было выше разумения Карла.

Деций разложил на столе несколько пергаменных листов и, грозно сдвинув брови, объявил Карлу:

— До извержения осталось двадцать четыре дня!

Художник развел руками в стороны. Мол, на все воля Богов.

— Читай! — приказал Деций. И не спуская с художника напряженного взгляда, присел чуть в стороне на скамеечке.

Карл подошел к столу и, не присаживаясь, начал читать.

При всей наивности и безрассудстве, план Деция оказался не таким уж глупым. Были даже неожиданные решения.

Например, «всем, оставшимся в городе, повязать на головы подушки или любые другие мягкие ткани, чтоб при падении камней, избежать особенных ушибов…».

Или еще… «Все общественные здания подпереть с четырех сторон большими бревнами, кои можно спилить с бесполезных мачт у судов, находящихся в заливе, и укрепить оные на распорках, чтоб удержать здания от разрушений…».

Или… «Прокопать вдоль улиц канавы, глубокие, чтоб раскаленная лава могла свободно стекать в залив…».

Или… «Заблаговременно обильно поливать крыши домов, во избежании загорания от горячего пепла…».

Закончив читать, Карл повернулся к Децию. Тревожное выражение абсолютно детских глаз астролога, конечно, слегка смутило художника, но, собравшись с духом, он сказал:

— План хороший, но невыполнимый.

Деций подскочил, как ужаленный.

— Не веришь!? — начал он раздувать ноздри.

Как каждая подлинно творческая личность, Деций не выносил даже малейшей критики в свой адрес.

— Как его претворять в жизнь? — мягко спросил Карл.

В этом вопросе для Деция явно не существовало никаких тупиков.

— Подниму восстание рабов! — невозмутимо заявил он.

«Он, мятежный, ищет бури!» — пронеслось в мозгу художника. И Карл отрицательно помотал головой.

— Был у вас уже один… Спартак. Кровь, насилие…

— Когда это было-то! — поморщился Деций. — Двести лет тому назад! И не надо со мной спорить! — неожиданно взвился он. — Я всегда прав! Твой Спартак был необразованным человеком! А я… я ученый! Государствами должны руководить ученые… А не всякие там… Художники, поэты-недоучки…

Кого имел в данном случае в виду астролог, Карл не понял, но предпочел не выяснять.

Деций мерял шагами взад-вперед свой кабинет и с откровенной неприязнью посматривал на Карла. Художник, согласившись, кивнул.

— Где нам, дуракам, чай пить.

— Что пить? — недоуменно переспросил Деций.

— Чай, чай. Есть такой напиток в… в диких странах.

Карл почувствовал, еще немного и они вдрызг разругаются с астрологом. Потому посчитал за лучшее забрать свой походный блокнот и направиться к двери.

— Жду вечером на ужин! — услышал он, спускаясь по лестнице.

Проходя по двору, он опять увидел пышнотелую, улыбчивую служанку. Она уже забралась по лестнице совсем высоко и, придерживая одной рукой юбку, предельно обнажила полные ноги. Разумеется, она опять улыбнулась. Еще приветливее.

Если бы у Карла не было опыта общения с натурщицами, он бы дрогнул. Любой бы на его месте, дрогнул. И как минимум, бросился бы помогать. Проявив себя воспитанным человеком, предложил бы помочь спуститься… И все такое.

Карл выдержал. Он нахмурился и решительным шагом направился к воротам.

Помпеи были как на ладони. Со склона соседней с Везувием горы отчетливо были видны все улицы, площади, большинство храмов и общественных сооружений города. Карл пристроился на небольшом камне, рядом с извилистой тропинкой, ведущей к заливу, и схематично набрасывал план. В прошлое «посещение», в силу стремительности событий, он не успел сделать ни единого

штриха.

Теперь предстояло наверстать упущенное.

Неожиданно перед художником, загораживая ему вид на город, появилась юная всадница. Она резко осадила своего могучего коня в двух шагах от художника и, с трудом удерживая его на месте, начала бесцеремонно рассматривать Карла.

На юной амазонке была туника с широкой пурпурной полосой, что означало: во-первых, она чья-то дочь из аристократической семьи, во-вторых, ей нет еще и шестнадцати. Впрочем, об этом можно было сразу догадаться, едва взглянув в лицо девочки.

— Что скажите? — после длительного молчания изрек художник.

— Ты не тот, за кого себя выдаешь! — был ответ. — Я знаю художника Кайла. Брала у него уроки. У него нет никакого брата.

— Стало быть, меня нет. Забавно, — усмехнулся Карл, внимательно рассматривая юную всадницу. — Забавно…

Самое забавное было в другом. Лицом юная особа тоже до боли напоминала графиню Юлию. Но Карл уже привык к подобным играм судьбы. Принимал их как нечто неизбежное.

— По городу ходят разные слухи, — подозрительно сообщила она.

— Например.

— Что ты лазутчик из далекой страны…

Карл понимающе кивнул.

— Проник в ваш процветающий город, чтоб украсть секрет приготовления помпейского вина?

— Не знаю, не знаю…

— Послушайте, амазонка…

— Я не амазонка! — выпалила всадница. — Я Джованна! Я дочь правителя Помпей Гая Юлия Полибия!

— Сражен! — опять усмехнулся художник. — И преклонен! Не могли бы вы, юное создание, слегка унять вашего скакуна и несколько минут посидеть спокойно.

— Для какой надобности?

— Хочу набросать ваш портрет.

— Как ты смеешь! Недостойный! — гневно воскликнула юная всадница. — Благодари Богов…

И не договорив, бросив на художника взгляд, полный гнева и презрения, всадница, пришпорив коня, скрылась за кустами.

«Жаль!» — подумал Карл. «Мог бы получиться неплохой портрет. В девочке что-то есть… Что-то такое… эдакое…».

Поздним вечером художник опять был в кабинете у Деция.

После обильного ужина его сильно клонило в сон. Вытянув ноги, он удобно устроился на кушетке. Деций сидел за столом, перебирал свои бесконечные таблицы.

— Давай о себе… — приказал он. — Год, число, месяц…

— 24 декабря, тыся… — начал Карл и осекся. — Год не помню, хоть плач.

Деций, не оборачиваясь, мрачно бросил через плечо:

— Мне и не надо. Тебе около тридцати… Числа и месяца довольно.

И астролог углубился в свои расчеты. Чем глубже он углублялся, тем недоуменнее становилось выражение его лица. Несколько раз он даже сильно встряхивал головой.

Наконец бросил на Карла ошалелый взгляд.

— Видишь ли… — начал он непривычно мягким тоном. — Очень странно! Ситуация странная. Тебя… нет!

Карл попытался придать своему лицу озабоченное выражение.

— Так может быть?

— Ошибки нет! Звезды не могут врать! Ты… еще не родился!!!

— Не знаю, что и сказать… — пробормотал Карл.

Деций посмотрел на потолок и произнес с тоской в голосе:

— Почему мне никто не верит! Проклятие какое-то!

— Может, ваша наука… — попытался смягчить напряженность Карл. Ему стало искренне жаль лохматого старика.

Деций мотался по кабинету, воздевал руки вверх и что-то бормотал, сокрушенно покачивая головой. Потом резко остановился.

— Астрология наука будущего! В мире все взаимосвязано! Тронешь цветок на лугу, покачнутся звезды на небе! — почти кричал он. Потом замолчал и, без всякой связи с предыдущим, добавил. — Давай спать! Утро вечера светлее!

Но основательно выспаться им не дали.

Арестовали веселую парочку среди ночи, почти под утро. Четверо здоровенных охранников, в шлемах, латах, с длинными копьями, подошли к дому и начали дубасить кулачищами в ворота.

Залаял лохматый пес, заголосила пышнотелая служанка. Деция вместе с Карлом выволокли из постелей и вывели на улицу.

Деций спросонья начал возмущаться. Мол, свободный гражданин свободного города имеет право… Но огромный

охранник положил ему на плечо свою лапищу и, глядя в сторону, сказал:

— Молчи, пока стоишь.

И Деций смирился. На время.

Так их и вели через весь город, в окружении четырех охранников с копьями наперевес, как особо опасных государственных преступников.

Первый помощник правителя Помпей долговязый Сумий, который день пребывал в растерянности, граничащей с паникой. Приближались очередные выборы. Остаться на второй срок Гаю Юлию Полибию было крайне проблематично. Конкуренты всех мастей поджимали и справа, и слева.

Содружество «любителей долго поспать» выдвинуло на выборы своего представителя, лентяя и бездельница Марка Церриния Ваттия! Вот только этого не хватало! Этот самый Ваттий был отменным демагогом и краснобаем, мог взбаламутить общественное мнение в самый неподходящий момент.

Да еще этот, Деций. Со своими мрачными пророчествами тоже мог вконец испортить всю предвыборную компанию. И правитель Помпей Гай Юлий Полибий потребовал от Сумия решительно разобраться с надоедливым сумасшедшим астрологом.

Карла и Деция подвели к дворцу правителя Помпей и, без всяких объяснений, втолкнули в подвальное помещение с единственным маленьким окошком почти под самым потолком. На полу лежала только охапка соломы.

Карл долго стоял неподвижно, прислонившись спиной к шершавой стене. Деций, напротив, тут же удобно устроился на соломе, достал из-за пазухи лепешку, завернутую в платок, разломил ее пополам и, подмигнув Карлу, протянул ему половину.

Карл отрицательно покачал головой. Еще никогда в жизни он не попадал в подобные ситуации. Никто и никогда его не арестовывал, никто, кроме деспотичного отца, да и то, в далеком детстве, не смел поднимать на него руку. А тут… Сонные охранники несколько раз давали ему подзатыльники и нагло тыкали тупыми концами копий в спину. Правда, как-то привычно, равнодушно и беззлобно.

Но все равно, это ничуть не смягчало ситуацию. Карл только глубоко вздохнул и помотал головой.

«Когда встречаешься с неизбежным, приветствуй его обеими руками!» — некстати пронеслось у него в голове. Взглянув на

астролога, художник невольно улыбнулся.

Деций с аппетитом поедал лепешку. По всему было видно, он не теряет присутствия духа в любых положениях.

В углу подвала показались мордочки двух любопытных крыс. Но Деций топнул на них ногой и те, вильнув хвостами, скрылись.

— Я разочарован в крысах, — вздохнул Деций. — Переоценивают их умственные способности. Если б они обладали такой интуицией, какую им приписывают, давно бы покинули город. А эти… самые заурядные животные. Почти без мозгов.

Карл тяжело вздохнул и опустился рядом с астрологом на солому. Прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. Через час он уже крепко спал.

6

— Где вы были на этот раз, Великий Карл?

Глаза Юлии горели неподдельным детским любопытством.

— В тюрьме.

— Господибогмой! За что-о!? — ужаснулась графиня.

— Паникерство и распространение ложных слухов о, якобы, грозящем городу землетрясении. Ну и все такое.

— Господибогмой! — только и смогла прошептать графиня. Потом осторожно поинтересовалась. — Надеюсь, условия там были…

— Вполне. — успокоил ее Карл. — Любовь моя! Каждый порядочный человек хоть раз должен посидеть в тюрьме. Расширяет кругозор, обогащает. Мне, как художнику, подобное просто необходимо. Я бы обязал всех учеников Академии художеств специально…

— Господибогмой! Что вы такое говорите!?

Искусствоведы любых времен абсолютно не ведают, какого напряжения физических и духовных сил стоит создание шедевра. Им лишь бы гармонию алгеброй проверить. А гармония рождается в муках.

Дважды за одну только неделю от перенапряжения Карл терял сознание. Дважды его на носилках уносили из мастерской и в карете графини Самойловой перевозили в номер гостиницы под присмотр местных лекарей.

И только когда на огромном полотне появился общий композиционный набросок будущей картины, обессиленный Карл «Сдался на милость» графини Юлии. Устроил себе римские каникулы.

Возвращение из Неаполя в Рим заняло бесконечную неделю, в течении которой Карл нетерпеливо вздыхал и, по выражению Юлии, постоянно «бил копытами», пока опять не вернулся к работе.

Графиня Юлия медленно прохаживалась по мастерской художника. Взад-вперед, взад-вперед… Длинный шлейф ее прекрасного нового платья, на которое, кстати, Карл даже не обратил внимания, просто не заметил, шуршал по полу, как волны морского прибоя.

— Может быть, вам стоит пригласить натурщиц? — осторожно поинтересовалась Прекрасная Юлия.

— Моя фантазия богаче.

Карл ни на секунду не отрывался от картона. Из-под его карандаша непрерывным потоком, как из рога изобилия, сыпались все новые и новые наброски… Детали одежд, предметы быта, части зданий, чьи-то глаза, отдельные части лет, куски пейзажей…

Графиня подошла к окну и долго смотрела на крыши вечного города. Был прекрасный яркий солнечный день.

Ах, как хорошо было бы сейчас куда-нибудь поехать!

— Господибогмой! — повернувшись к нему, обиженно заявила графиня. — В чем, в таком случае, состоит моя помощь?

— Просто будьте рядом, — бормотал художник.

Дни летели с такой скоростью, с какой листы бумаги вылетали из-под карандаша Карла.

По Риму начали циркулировать слухи. Карл Брюллов создает нечто масштабное, громоподобное. Наиболее любопытные из газетчиков не раз пытались, под видом разносчиков мелких товаров, проникнуть в мастерскую. Но бдительная Юлия наняла двух дюжих молодцов и поставила их, как «атлантов» на улице у входа.

— Карлуша! Ты опять в запой ударился?

Без стука и приглашения в мастерской художника возникла фигура Михаила Глинки. Будучи ближайшим другом Брюллова, он никогда не утруждал себя уведомлениями, просьбами о разрешении и прочими светскими штучками. Вваливался в мастерскую художника, когда ему вздумается. «Запоем» он называл рабочее, творческое состояние. Кстати, и первичным значением этого понятия не брезговал.

— Когда закончишь? — спросил он, мельком взглянув на разбросанные по всей мастерской эскизы и наброски.

— В четверг. После дождя. — раздраженно ответил Карл, ни

на секунду не прерывая работы. — Ни днем раньше.

— Тебе впору объявление повесить! — веселился великий композитор. — «Работаю всегда!».

— От такого и слышу! — мрачно бросил Карл.

После визита Михаила Глинки, Карл потребовал от Юлии, чтоб ее «атланты» к нему в мастерскую не пускали больше никого.

— Даже меня? — машинально спросила графиня, заранее уверенная в отрицательном ответе.

Каково же было ее изумление, когда ее любимый Карл, не отрывая остановившегося взгляда от полотна, на котором, кстати, ничего вразумительного еще не было прорисовано, пробормотал:

— Никого означает никого.

Графиня Юлия поначалу растерялась. Потом решила оскорбиться, но все-таки сдержалась.

— Господибогмой! Может быть, мне уехать? — холодно поинтересовалась она. — Скажем, на неделю-другую в Париж.

— Лучше в Берлин.

— Чем Берлин лучше Парижа?

— Берлин отдаленнее от Рима, — ответил художник.

Это было уже откровенной грубостью. Карл по-прежнему, остановившимся взглядом смотрел на полотно. Вернее, в одну какую-то, ему одному видимую, точку на полотне.

Графиня вспыхнула и, хлопнув дверью, чего за ней никогда, ни до, ни после этого происшествия не замечалось, быстро вышла.

Уже на следующее утро она объявила всем знакомым, будто немедленно покидает Рим. Но сборы как-то затянулись…

Разумеется, она не уехала ни в какой Париж. И уж тем более в Берлин. Прекрасная Юлия издали наблюдала за мастерской Карла. Для этой цели она наняла двух частных сыщиков, которые с крыши соседнего дома подглядывали в окна мастерской художника и ежевечерне докладывали графине, что там и как.

Кроме того, она каждый день подсылала свою служанку с набором продуктов, которую та, в плетеной корзинке протискивала в щель двери.

Два частных сыщика лежали на крыше дома, напротив мастерской художника, глазели в окна и лениво переругивались:

— Гляди, гляди! Как петух вышагивает! Смех, одно слово.

— Работа, не бей лежачего. Помазал кисточкой, получи деньги. Побегал бы он, как мы, с утра до вечера за каким-нибудь богатым субъектом. Да еще все замечай, запоминай.

— Петух, одно слово! И грозно так поглядывает!

— Интересно, сколько он получит за эту мазню?

— Мильон!

— Ну, это ты хватил. Я бы за такую пачкотню и одной лиры не дал. Все эти живописцы… бездельники. Им бы побегать, как мы…

— Ну, сегодня-то мы не бегаем. Лежи себе, загорай…

— Обидно! Одни трудятся в поте лица, другие деньги направо налево швыряют.

— Ты о ком это?

— О клиентке нашей, о ком еще! Вот уж у кого денег!!!

— Твое дело маленькое. Наблюдай, все подмечай и подкладывай клиентке. Чужие карманы, не твоя забота.

— Интересно, сколько он получит за эту мазню?

— Заткнись! Смотреть мешаешь.

Через два дня композитор Михаил Глинка опять объявился перед дверьми мастерской Брюллова. Но «атланты» сомкнули плечи и не пустили великого русского.

Некоторое время великий композитор втолковывал наиболее крупному из «атлантов», почему-то на дикой смеси из французского и немецкого, что, мол, ему надобно повидать своего закадычного друга художника Карла Брюллова. Крупный «атлант» понимающе кивал. Потом молвил на почти русском:

— Моя твоя не понимайт.

Михаил Глинка поднес к его носу свой кулак, кстати, довольно внушительного размера.

— Щас ка-ак закатаю в лоб, сразу поймешь!

«Атланты» согласно покивали головами, но не пустили. А тот, который покрупнее, достал из-за спины свой кулак, раза в два большего размера, нежели композиторский, и как бы невзначай, почесал им нос.

Великий композитор все понял.

— Мы еще встретимся… на узенькой дорожке! — грозно пообещал он и медленно пошел вдоль по улице.

7

Карл очнулся лежащим на охапке соломы в мрачном подземелье. Рядом, свернувшись калачиком, спал Деций. Но не успел Карл даже зевнуть, как следует в одиночестве, как астролог проснулся.

— Я не храпел во сне? — озабоченно спросил он.

Усмехнувшись, Карл отрицательно покачал головой.

— Моя покойница жена очень во сне храпела. Так переживала, бедняжка. Бывало, вздрогнет, проснется и испуганно спросит…

О чем именно спрашивала жена, Карлу узнать не довелось. Со скрипом распахнулась дверь, на пороге возникла фигура охранника.

Узники, стеная и охая, поднялись на ноги.

Помощник правителя Сумий был худым, как жердь. Обычно он ходил из угла в угол и постоянно потирал свои костлявые руки, как злодейский персонаж из какой-то дурацкой сказки. Казалось, вот-вот так и зашипит: «Ага-а! Попались!».

— Ага-а! Попались! — зашипел Сумий, как только астролога и художника втолкнули к нему в кабинет.

— Как дела, Сумий? — весело спросил Деций. — Интриги все.

— Плохи дела. Твои в особенности, — зло ответил Сумий.

Когда-то Сумий и Деций были друзьями детства. Были даже влюблены в одну соседскую девочку. Теперь же…

— Плохо дела! — продолжал Сумий, потирая руки. — Совсем плохи. Общество расколото. Есть, конечно, истинные патриоты, для которых гражданские права и свободы не пустой звук. И есть другие!

Сумий с какой-то торжествующей злобой посмотрел на Деция.

Ах, как много зависти было в этом взгляде.

Зависти и даже ненависти. Хотя, чему завидовать? Сумия почитали и уважали в Помпеях. Должность первого помощника правителя, куда дальше-то! Выше только Боги. В плане материальном, тоже. Сумий был одним из состоятельных людей города. Входил в десятку и все такое. Жена, множество детей, дом полная чаша. Жизнь состоялась, с какой стороны не посмотри. И все-таки, Сумий до судорог завидовал безалаберному и одинокому Децию.

— Есть некоторые другие! — подняв вверх указательный костлявый палец, вещал Сумий. — Которые с пренебрежением говорят, «этот город»! «Этот город»! А сами не созидают. Нет, отнюдь не созидают. Только разрушают. Но мы не будем сидеть, сложа руки, молча взирать…

— Мы… это которые? — поинтересовался Деций.

— Власть! — жестко ответил Сумий. — Ответственные государственные служащие, истинные патриоты славного города Помпеи!

Деций неожиданно громко захохотал.

— Вытри лысину, Су-умий!

— Зачем? — недоуменно спросил бывший друг детства.

— За твою ложь с Олимпа на тебя плюют! И Нерон великий, и незабвенный Сулла и остальные, после смерти ставшие Богами.

Сумий покраснел и затрясся, как в лихорадке.

— Тебе надо отрезать язык!

— Руки коротки! Прошли те времена! И вообще… Будешь запугивать, объявлю на площади перед всем народом день и час твоей смерти. Повертишься тогда!

Самое смешное, Сумий не на шутку испугался, даже побледнел.

— Зачем же так сразу… Мы ведь друзья детства…

— Таких друзей, сдают в музей! — огрызнулся Деций.

Карлу стоило больших усилий не расхохотаться.

— Приговариваю вас! — возвысил голос Сумий. — К штрафу! В размере двадцати денариев! С каждого!

— Сколько-сколько?! — опешил Деций.

— За возмущение общественного покоя. По двадцать денариев. Пока не заплатите, будете томиться в темнице! Все!!!

Так и сказал, «томиться — в темнице!». Прямо как популярный в том году римский драматург Теренций, не меньше.

Объявились охранники, и повели веселую парочку обратно в подземелье. Деций по пути возмущался и кричал, что в знак протеста объявляет голодовку, но охранники его не слушали.

Очутившись в подземелье, Деций тут же плашмя растянулся на охапке соломы и заявил, что непременно умрет в ближайшие два-три дня! Вот тогда все наконец-то поймут! Все оценят, кого они потеряли и все такое!

Но амбициозным планам астролога не суждено было сбыться. Уже после полудня какая-то богатая матрона выкупила из-под ареста обоих бедолаг. Передала через раба необходимую сумму, и смутьянов взашей вытолкали из подземелья. С угрозами. Что, мол, если еще раз попадутся… В следующий раз… И все такое.

Деций долго ломал голову. Кто такая? Почему она это сделала? Потом пришел к выводу. Некоторое время назад, какая-то из жен «сильных мира сего», наверняка, крупных габаритов, переодевшись в простолюдинскую одежду, пристроилась к нему в кабачке. И весело провела с ним время. Назло мужу. Теперь отблагодарила.

Других идей в научную голову Деция не приходило.

Вырвавшись из заточения на свободу, новоиспеченные друзья тут же распрощались, и разошлись в разные стороны. Деций успел только предупредить художника. До извержения осталось

всего-навсего шесть дней. И он ждет его вечером на традиционный ужин.

— Где мой любимый? — жестко поставила вопрос графиня Юлия перед самой популярной гадалкой Рима, необъятных размеров бабищей по имени Фрида.

Карл пропал несколько дней тому назад. По расчетам Прекрасной Юлии, вернее, по ее внутреннему ощущению, он давно уже должен был вернуться. Но дни шли, тянулись один за другим бесконечной, изматывающей чередой, уже пошла вторая неделя с момента его исчезновения, художник все не объявлялся.

Графиня была натурой решительной и деятельной. Потому, выждав для приличия еще пару дней, без колебаний направилась прямиком к гадалке Фриде.

Ясновидица и предсказательница, вся замотанная в разноцветные одеяния, с бесчисленным количеством бус на кистях рук и шее, восседала на каком-то возвышении посреди неопрятной и темной комнаты, которая ютилась, очевидно, где-то на самых задворках вечного города.

Глаза Фриды, подернутые мутной поволокой, смотрели куда-то далеко-далеко… Словно, сквозь стены и столетия она и впрямь видела то, что ни за какие деньги не удастся увидеть простым смертным.

Кстати, за свои услуги ясновидица заламывала очень приличные суммы. Но графиня Юлия никогда не скупилась ни на какие расходы. Тем более, если речь шла о любимом Карле.

— Где мой любимый Карл? — повторила вопрос Юлия тоном, не терпящим никаких возражений и проволочек.

Фрида вздрогнула, глаза ее слегка прояснились.

— Далеко, далеко… — неожиданно высоким, писклявым голосом нараспев начала она.

Графиня недовольно поморщилась.

— Это я и без вас знаю! — резко перебила ее Юлия. — Где конкретно? С кем? Чем занимается? Какая опасность ему угрожает? Здоров ли? Когда вернется? Я должна знать все! И немедленно!

— Далеко, далеко… — затянула, было опять гадалка, но была решительно прервана решительной Юлией.

— Послушайте, любезная! — повысила голос графиня. — Не морочьте мне голову. Я заплатила вам столько, сколько не зарабатывает ни одна прачка в Риме за три года. За эту сумму я должна знать все!!!

Графиня даже и не думала присаживаться на предложенный ей стул, продолжала нервно расхаживать по темной комнатке.

— Я жду! — со сдержанным гневом, молвила она. — Или вы такая же шарлатанка, как все остальные в Риме? Мне вас рекомендовали с лучшей стороны. Если я ошиблась…

Видя, что дело принимает нешуточный оборот, Фрида тяжело вздохнула и громко хлопнула в ладоши. Мгновенно из-за грязной занавески появилась девочка. На вытянутой ладошке перед собой она держала маленький стеклянный шарик.

— Не знаю, получится ли… — каким-то испуганным голосом пробормотала Фрида и взяла двумя пальцами стеклянный шарик.

Карл торопился поскорее выйти из города, чтоб закончить общую панораму, которую не успел завершить «в прошлый раз».

— Кайл! Когда вернешь долг? Больше ждать не буду.

Карл резко остановился и обернулся. Перед ним стоял дремучий старик с алчными пустыми глазами.

«Ростовщик!» — мгновенно догадался художник. «Наверняка, уже пол города обобрал!».

— Я упеку тебя в долговую тюрьму!

— Верну двадцать пятого! — не моргнув глазом, ответил Карл.

— Двадцать четвертого у нас чего? — медленно прошамкал беззубым ртом алчный старик.

«Двадцать четвертого у вас извержение!» — злорадно подумал Карл. И не оглядываясь, продолжил свой путь.

Угрожающе черная полоса грозовых облаков, кольцом опоясавшая Помпеи и Везувий, теперь уже заметно увеличилась в размерах. Вспышки далеких молний были уже значительно ярче. Временами, сквозь стрекот цикад и веселое пение птиц, можно было расслышать отчетливые раскаты грома. Хотя небо над головой было по-прежнему голубым. Беспечно голубым.

Карл устроился на том же самом месте, что и в прошлый раз. Сзади раздался приглушенный цокот копыт. На сей раз, всадница Джованна появилась из-за кустов пешком, ведя своего ретивого коня под узцы. Она остановилась за спиной художника. Карл не оглядывался, но по тени увидел, это именно она. Дело было уже ближе к вечеру.

— Тебе надо покинуть город! — решительно заявила всадница.

Карл обернулся и не смог сдержать улыбки. Всадница Джованна была в новом наряде. Напялила на себя тогу взрослой женщины. Старшей сестры или матери. Явно на размер больше.

— К чему такая спешка? — беспечно спросил художник.

— Отец приказал убить вас обоих. Наемные убийцы уже

рыскают по всему городу.

«Только этого не хватало! Погибнуть во цвете лет!?».

— Скоро выборы, — продолжала просвещать его маленькая амазонка. — Вы мешаете предвыборной компании. Вас решено убить.

— Вы в этом уверены, дитя мое?

— Собственными ушами слышала.

— Да-а… Выборы дело серьезное… — протянул художник, ни на минуту не прекращая работать карандашом.

Солнце с каждой минутой садилось все ниже.

— Ты покинешь город?

— С одним условием. Только после вас, прекрасная Джованна!

— Дочь Гая Юлия Полибия не приемлет никаких условий! — гневно воскликнула амазонка. И резко отвернувшись, начала гладить по морде своего ретивого коня.

Карл пожал плечами и промолчал.

— Как тебя зовут, пришелец? — изменившимся тоном спросила всадница.

— Карл. Некоторые называют меня, Великий Карл, — ответил художник.

И сам недовольно поморщился. Хвастуном он никогда не был. Совершенно очевидно, присутствие юной всадницы слегка выбило его из привычного состояния.

— Странное имя. И сам ты тоже… очень странный, — недоверчиво протянула девочка. — Сколько тебе лет?

Карл обернулся. Джованна смотрела в сторону, продолжала гладить своего коня по морде и вздыхала.

— Сейчас подсчитаю… — Карл пошевелил губами, потом решительно заявил. — Мне тысяча восемьсот тридцать девять лет.

— Ты хорошо сохранился, — съязвила амазонка. Естественно, она не поверила тому, что Карл говорит сущую правду.

Некоторое время оба молчали. Солнце уже совсем приблизилось к линии горизонта и, того гляди, как это обычно бывает в южных странах, мгновенно опустятся сумерки.

Ретивый конь прекрасной амазонки нетерпеливо вздыхал и фыркал. Наконец девочка сказала:

— Я согласна.

— На что, дитя мое? — нейтральным тоном спросил художник.

— Позировать тебе! Что еще, — округлив глаза, начала было возмущаться Джованна. — Но если узнает отец…

— Не будем о мрачном, дитя мое! — усмехнулся художник.

Девочка резко повернула голову и долго, испытующе смотрела ему прямо в глаза. Карл едва заметно покивал головой.

— Понимаю, дитя мое. Вам совсем непросто было решиться. Ваши обычаи ничего подобного не дозволяют. Понимаю. Но мое условие остается в силе. По завершении работы, вы немедленно покинете город. У нас наверняка есть где-нибудь тетушка, родственница…

Джованна недовольно наморщила носик, но все-таки в знак согласия слегка кивнула головкой.

Тем временем в Помпеях творилось нечто невообразимое. Астролог Деций, от отчаяния, не иначе, взобрался на крышу храма Зевса. Более того, умудрился каким-то непонятным образом вскарабкаться на скульптуру самого громовержца, уселся ему на плечи и принялся орать своим мощным голосом о грядущей катастрофе.

То-то горожане повеселились.

Деций швырял в зевак камнями, доставая их из сумы, перекинутой через плечо. Наглядно демонстрировал согражданам последствия надвигающегося бедствия. Толпа в ответ улюлюкала, смеялась, дразнилась дурными голосами:

— Эй, Деций! Как там на Олимпе? Не дуе-ет?

— Де-еций! Свою подру-угу… прихватить забыл!

Деций сыпал отборными проклятиями, перемежевывая их метанием каменьями. В ответ толпа начала швырять в него фруктами.

На шум прибежали вооруженные охранники. Попытались, было разогнать толпу и снять вконец озверевшего Деция со скульптуры.

Ни то, ни другое не удалось.

Горожане обтекали со всех сторон охранников, как вода обтекает камни, и снова сбивались в кучу у храма. А снять Деция с крыши не представлялось возможным. Как он туда вообще забрался без приспособлений и посторонней помощи, осталось загадкой.

Охранники еще некоторое время пошатались по площади, поддавая особо рьяных своими копьями. Потом, не сговариваясь, пошли в ближайший кабачок, окна которого выходили как раз на площадь. Чтоб в случае надобности быть начеку.

Короче, представление с Децием в заглавной роли продолжалось до самого позднего вечера. Каким способом Деций спустился со скульптуры, и с крыши, тоже осталось загадкой.

Карл и Деций сидели на кухне за большим столом. Под

глазом у астролога красовался синяк. На лбу довольно большая шишка.

После третьей кружки «помпейского» у Карла закружилась голова. Деций, напротив, чувствовал себя превосходно. У художника возникло стойкое убеждение, что астролог пьет пиво как воду. И абсолютно не опьянеет, даже если выпьет целую бочку.

Пышнотелая служанка в этот вечер уже не улыбалась. Она вовсе не смотрела на художника. Сосредоточила все свое внимание и заботливость на хозяине дома. Но увидев, что и на него не действуют «ее чары», по крайней мере, сегодня, и вовсе разобиделась и ушла на кухню.

Художник и астролог остались с глазу на глаз.

— Я понял… кто ты! — неожиданно спокойным тоном заявил он. Но тут же силой помотал головой. — Правда, мне опять не поверят!!!

Карл не нашелся, что ответить. Просто улыбнулся.

— Как я раньше не догадался! — сокрушался Деций. — Ведь это у тебя на лбу написано!

Карл понимающе кивнул. Ему не хотелось обсуждать эту тему.

— Ладно! — вздохнув, сказал Деций. — Давай лучше споем… Вот эту знаешь? «Жила в одной Империи… красотка Люциана…

Ха-ха, ха-ха, красотка Люциана!..»

Карл отрицательно помотал головой. Такой песни он не знал. Деций слегка погрустнел, но тут же весело вскинулся.

— Тогда ты… Что-нибудь из своих… Давай, давай…

Карл на секунду задумался и, неожиданно для себя самого, запел:

«Однозвучно-о… гремит колокольчик…
И дорога-а… пылится слегка-а…»

Карл в общем-то неплохо пел. Да и слухом его Бог не обидел. Давно замечено, если человек талантлив, то талантлив разнообразно.

«И уныло-о… по ровному полю-у…
Разливается… песнь ямщика-а…»

Была глубокая ночь. Над сонными Помпеями, сквозь стрекот цикад, лилась песня…

Два низких мужских голоса старательно выводили…

«А дорога-а… Предо мной далека-а… далека-а…
Предо мной… далека-а… далека-а…»

8

Еще во сне Карл почувствовал, на него кто-то пристально смотрит. Просто сверлит голову чей-то пронзительный взгляд.

Открыв глаза, Карл увидел графиню Юлию, сидящую на стуле у его изголовья. По-прежнему он был в просторной постели в своей римской квартире. По-прежнему чудовищно болела голова. И по-прежнему на лбу лежал прохладный компресс.

— Карл! Скажите правду! — потребовала Прекрасная Юлия.

— Которую?

— Там… вы встретили женщину, похожую на меня?

«И не одну!» — пронеслось в голове художника.

— У вас там… роман? Скажите, я ничуть не обижусь. В конце концов…

«Все-таки, женщины поразительные существа! Как она могла узнать? Женская интуиция и проницательность поистине не имеет никаких границ…» — подумал Карл. Но вслух сказал:

— Юлия. Вы отлично знаете. Я любил, люблю, и всегда буду любить одну-единственную женщину!

— Господибогмой! Остальные не в счет, так вас понимать?

— Кажется, мы начинаем ссорится… А мне надо работать… Работать, работать и работать… — ответил Карл. И вспомнив старика из Помпей с двумя послушными сыновьями по бокам, усмехнулся.

Уже уральский промышленник и меценат Демидов бомбардировал из Петербурга письмами с туманными намеками расторгнуть контракт, поскольку художник нарушает все мыслимые сроки…

Уже Общество поощрения художников известило о прекращении перевода денег пенсионеру Брюллову…

Уже ректорат Академии художеств настоятельно требовал немедленного возвращения художника в Россию, дабы тот мог приступить к росписям Исаакиевского собора…

А Карл Брюллов все никак не решался завершить работу.

Первой созерцательницей картины, естественно, была графиня Юлия Самойлова. Несколько дней Карл даже от нее скрывал, что уже положил последний мазок. Прекрасная Юлия

внутренним безошибочным чутьем все поняла и потребовала немедленной демонстрации.

Они были только вдвоем в просторной мастерской художника. Карл усадил ее в кресло напротив картины на значительном расстоянии. Сам долго бродил по мастерской, прицеливаясь, так и эдак, поглядывая на еще закрытый холст с разных ракурсов и бормоча что-то о недостаточности освещения. Наконец, решившись, резким движением сдернул с картины серое полотно и отошел в сторону…

Прошло довольно много времени…

Графиня Юлия Самойлова, первая петербургская красавица беззвучно плакала, сидя в кресле, прижимая ладони к щекам…

Как минимум в трех женщинах, изображенных на картине, она узнала себя…

— Господибогмой!.. Господибогмой!..

Карл стоял чуть сзади и недовольно хмурился… В его ушах звучали голоса всех людей, изображенных на полотне… И еще множество, множество других…

Яркая вспышка молнии выхватила один только миг чудовищной катастрофы… На фоне огненно-красной лавы, вытекающей из жерла Везувия, по узкой улочке метались обезумевшие от страха люди…

Неслась колесница со сломанной осью, оставляя за собой только обломки. Седок еще старался удержать испуганных коней, но его молодая жена, сброшенная на мостовую, уже была убита смертельным падением…

Молодая мать обнимала двоих дочерей, в ужасе глядя на надвигающиеся потоки лавы…

Двое юношей несли на руках своего отца, дряхлого старика…

Живописец с ящиком красок на голове, портретно похожий на самого автора, оберегал прелестную молодую женщину, уже теряющую сознание…

Алчный старик, подбирал с мостовой, уже никому ненужное и такое бесполезное сейчас, золото…

Молодая чета, с прижавшимся к коленям матери ребенком, пыталась укрыться плащом от огненного пепла и града камней…

Раскачивались и падали скульптуры Богов…

— Господибогмой! — шептала графиня.

Неожиданно Карл схватил кисть, стремительно подошел к

полотну и несколькими уверенными мазками положило на мостовую отблески света от вспыхнувшей молнии… Отчего все фигуры еще, как бы, более выдвинулись из холста.

— Господибогмой! — шептала графиня.

Через два часа графиня Юлия Самойлова покинула Рим. В мастерской на столе Карла ожидала записка.

«Любимый Карл! Мой супруг, царство ему небесное, отдал Богу душу. Я обязана отдать ему последние почести.

Р. С. Камень забрала с собой. Не хочу терять еще и Вас».

Прекрасная Юлия и тут не смогла обойтись без патетики. «Последние почести!». Можно подумать, граф Самойлов был не кутилой, мотом и пустым человеком, а выдающимся полководцем.

Ровно в полдень 24 августа 79 года Везувий взорвался. Оглушительный грохот был слышен на многие сотни километров. Тучи пепла и град камней обрушились на город. Раскаленная лава отрезала большинству жителей путь к спасению. Из десяти тысяч горожан спаслись только несколько сотен.

Ровно в полдень 24 августа 1831 года художник Карл Брюллов выставил для обозрения полотно «Последний день Помпеи».

Впечатление было настолько сильным, что большинство покидало мастерскую художника молча. Дамы плакали, мужчины хмурились и подавленно качали головами.

Погода тоже преподнесла свой сюрприз. Нежданно-негаданно над Римом разразилась чудовищной силы гроза. Оглушительный гром и ослепительные вспышки молний словно аккомпанировали изображенному на полотне. Бурные потоки воды несколько часов падали с небес на вечный город.

К сожалению, на картине не нашлось места лохматому Децию. Карл много раз пытался написать по памяти его портрет, но все как-то не получалось. Безумно трудно было схватить постоянно меняющееся лицо. То гневно-яростное, то по-детски восторженное. С седой бородой и взлохмаченными волосами.

Так бывает. Благородным и честным людям не всегда находится место в истории.

В том году Прекрасная Юлия больше не посещала Рим. И дело было вовсе не в трауре. До Карла доходили слухи, что она уже на третий день катала детей своей подруги графини Разумовской на длинном шлейфе траурного платья по паркету

своего дворца.

В очередной раз она встретились уже в Петербурге.

9

Петербург встретил Карла Брюллова поистине всенародным ликованием. Позади остались бурные восторги Рима и откровенные признания молодых художников: «Мы все должны у него учиться!».

Позади овации Неаполя, чтение стихов в его честь в местном театре и факельное шествие по улицам города.

Позади сдержанно-уважительное признание парижан и награда золотой медалью.

Петербург не ударил в грязь лицом.

«Последний день Помпеи» была повешена в центральном зале Академии художеств. Картину объявили лучшим произведением девятнадцатого столетия. Через парадные двери с раннего утра и до позднего вечера шел народ.

Впервые порог Академии художеств переступали ремесленники и купцы, мастеровые и швеи. Народ все шел и шел… Столетнее здание на берегу Невы не слыхивало ничего подобного…

Куплеты в честь триумфатора, хор академистов, гром полкового оркестра…

С легкой руки Баратынского по Петербургу, а потом и по всей России пошли гулять стихотворные строчки:

«Принес ты мирные трофеи
С собой в отеческую сень…»

Вовсе незнакомые друг другу люди с заговорщицким видом шептали, как пароль:

«И стал „Последний день Помпеи“
Для русской кисти первый день!».

Александр Пушкин написал стихотворение. Николай Гоголь опубликовал в сборнике «Арабески» блистательную статью.

Бюст Карла Брюллова, увенчанный лавровым венком, считалось необходимым иметь в каждой гостиной высшего света. Его имя постоянно было у всех на устах.

Карлу присвоили почетное звание «академика» и профессора.

На балу у графини Разумовской Великий Карл встретился с Прекрасной Юлией. Их отношения всегда отличались стихийностью и неожиданными сюрпризами. Подчас они не виделись месяцами, годами, но, встретившись, даже не замечали пробежавшего времени. Буквально продолжали разговор с прерванной в прошлый раз фразы. Если таковая было, разумеется. Внутренне они вели между собой постоянно диалог, своеобразную, слегка конфликтную беседу. Она не прерывалась никогда, ни на одно мгновение.

Так случилось и в этот раз. Карл был слегка утомлен и смотрел поверх голов танцующих, когда откуда-то справа появилась Прекрасная Юлия. Она была не одна.

— Моя воспитанница, Джованна! — представила графиня Юлия юную особу художнику.

Карл непроизвольно вздрогнул. На него смотрели темные, выразительные глаза отчаянной всадницы из Помпей.

Графиня Юлия тут же куда-то отошла, передав на попечение Карла свою воспитанницу. Воспитанница Джованна, глядя в сторону, как бы невзначай, поправила на шее маленький медальон. Карл успел заметить алый камень, вставленный в изящную оправу. Такой же, как у самой графини Юлии, только меньшего размера.

— Почему не спросишь, сколько мне лет? — спросила Джованна.

— Догадываюсь, — пробормотал Карл.

— Мне тысяча восемьсот четырнадцать лет! — сдержанно, но каким-то торжествующим тоном объявила всадница.

— Вы замечательно сохранились. — констатировал художник.

В эту минуту к ним подошла Прекрасная Юлия и как всегда без всякий предисловий, объявила:

— Господибогмой, Карл! Она превосходно обращается с лошадью. Вы должны написать портрет моей воспитанницы. Я так хочу!

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!». Эта фраза чаще других вертелась в голове Карла при общении с Юлией.

Все проходит. Впечатления блекнут, стираются. С годами Карл Павлович все реже вспоминал Помпеи. Другие замыслы и заботы занимали его. Когда вспоминал, голову почему-то гвоздем буравила одна только мысль. Догадался ли Деций спустить с цепи своего лохматого пса перед землетрясением? Или в спешке, укладывая свои бесчисленные таблицы, забыл? И вообще! Что с

ним самим сталось?

Карл Брюллов покидал Петербург. Навсегда. Хмурились художники, плакали женщины. Подхватив на росписях Исаакиевского собора воспаление легких, по настоянию врачей, Карл уезжал в Италию.

Одному из своих друзей он оставил короткую записку.

«Я жил так, чтобы прожить на свете только 40 лет. Вместо 40 лет я прожил 50 лет, следовательно, украл у вечности 10 лет и не имею права жаловаться на судьбу. Мою жизнь можно уподобить свече, которую жгли с двух концов и посредине держали калеными клещами».

Последние дни Карлу снился один и тот же сон. Он снова в Помпеях. Вокруг пестрая, веселая толпа горожан. Он медленно, никуда не торопясь, бредет по центральной улице. Навстречу четверо юношей несут на носилках какую-то знатную матрону. Она из-за балдахина манит его рукой. Карл подходи ближе и видит… это графиня Юлия.

Она что-то говорит ему, что-то веселое, беззаботное. Но слов Карл не слышит, хотя понимает, графиня рассказывает ему нечто чрезвычайно забавное…

Обмахиваясь веером, Прекрасная Юлия продолжает что-то ему рассказывать.… И Карл начинает смеяться. Весело, радостно, легко. Он смеется, как никогда в жизни.

Карл Брюллов покинул этот мир в «возрасте Вильяма Шекспира». Прах его захоронен в местечке Марчиано близ Рима. Ему не было еще и пятидесяти трех лет.

В каталогах, посвященных живописному творчеству Брюллова, перечислены многие десятки незаурядных, подчас поистине гениальных портретов, написанных художником в разные годы.

Напротив большинства из них бросается в глаза удручающая сноска… «местонахождение неизвестно», «местонахождение… увы!.. неизвестно»…

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАНИ АЙВАЗОВСКОГО

«… в натуре, существует множество явлений, необъяснимых даже для обширного ума!»

Н. В. Гоголь «Мертвые души»

Ваня Айвазовский был начинающим художником. Как и все начинающие, мечтал со временем стать знаменитым. Но пока ему невезло. Во всем. Ваня учился в петербургской художественной Академии и подрабатывал карикатурами в газетах. Денег вечно не хватало, учеба тоже особенно не радовала. Сплошная черная полоса.

Личной жизни у Вани практически не было никакой. Девушки на него просто не обращали внимания. Худой, нескладный, с длинным носом и без состояния. Одно слово, провинциал, приехавший покорять столицу. Хоть он и был слегка похож на Пушкина, на Александра Сергеевича, это обстоятельство не влияло на его невезение.

В то утро Ваня подошел к зеркалу, чтоб хоть отчасти воодушевиться. В глубине души, он считал себя интересным юношей. Эдакая творческая натура, художник!

Ваня подошел к зеркалу, вставленному в створку старого шкафа, и уже поднял руку, чтоб поправить свои густые непокорные волосы, когда увидел… Вернее, он НЕ увидел своего отражения! В зеркале, в той убогой комнатушке, что была точной копией его собственной, которую он снимал у глухой старушки на Пятнадцатой линии Васильевского острова, никого не было!

Ваня закрыл глаза и с силой помотал головой. Потом осторожно открыл… Сначала один глаз, потом… другой… Ничего не изменилось. Пусто… Тот ***же*** дырявый кожаный диван… стол, покрытый газетой с остатками вчерашнего ужина… мольберт с недописанной картиной… холсты… подрамники… гипсовые головы… все на месте… Кроме отражения. Его не было. Начисто. Хотя…

Наклонив голову и заглянув чуть в сторону, Ваня увидел за столом… какого-то типа. Тип с аппетитом поедал «его» ужин.

Несколько секунд, ничего не понимая, будучи абсолютно

уверенным, что… или он, Ваня Айвазовский, сошел с ума, или… просто еще не проснулся… Ваня неподвижно стоял перед зеркалом.

Потом не придумал ничего лучшего, постучал костяшками пальцев в зеркало. Как в окно. Тип в зеркале… то-есть, в «той его» комнате вздрогнул и… медленно повернувшись, посмотрел на Ваню.

Теперь пришла очередь вздрагивать Ване. Тип в зеркале был абсолютным пиратом. Повязка на одном глазу, большие усищи… пистолет и кинжал за поясом. Какой-то детский персонаж из газеты «Северная пчела», куда Ваня частенько относил рисунки.

Пират вышел из-за стола и, стуча деревянной ногой по полу, подошел к зеркалу. Их разделяло только тонкое мутное стекло.

Довольно долго оба внимательно рассматривали друг друга, Ваня с недоумением и растерянностью, пират из зеркала бесцеремонно и как-то оценивающе.

В Петропавловской крепости выстрелила пушка. Стало быть, уже… полдень? Хотя только что было утро… Зима, конец февраля.

— Чего тебе, юнга? — нагло спросил пират из зеркала.

Бедный Ваня совершенно растерялся.

— П-позвольте… представиться… — начал бормотать он, ни к селу, ни к городу.

Пират в зеркале жестом руки прервал его, и даже недовольно поморщился при этом.

— Знаю, юнга! — заявил он. — Я тебя, да-арагой… (Он так и выражался… «да-арагой», почему-то с явным кавказским акцентом!), как облупленного знаю… Ты меня не знаешь… Но скоро узнаешь! — добавил пират с веселой усмешкой, — Скоро вы все узнаете!

Пират в зеркале был явно веселым человеком, энергичным.

В уголках его глаз постоянно прыгали веселые чертики.

— В таком случае… — подбирая слова, недоуменно продолжил Ваня. — … может быть… представитесь вы?

Пират в зеркале снисходительно кивнул.

— Айвазян! Ованес Айвазян! Гроза Средиземноморья! — гордо и торжественно провозгласил он. И добавил, обращаясь неизвестно к кому. — Запомните это имя, господа!

С этого момента жизнь Вани приняла странный оборот.

Несколько раз юный художник пытался наладить добрососедские отношения с пиратом. Пустые хлопоты. Айвазян, нагло усмехаясь, откровенно игнорировал все ванины подходы. Он явно считал себя существом высшего порядка. К Ване же

относился снисходительно. Считал его юнгой. И не более. Но что самое обидное, обозвал бесперспективным художником.

И первый же день так прямо и брякнул:

— Пресный ты какой-то, юнга! Кому нужны эти твои заливчики, лунные дорожки? А где шторма? Бури-ураганы? Где спрашивается, портреты доблестных пиратов?

Ваня действительно писал в основном морские виды. Безумно любил море и надеялся посвятить этому всю жизнь. Но объяснять это невежественному пирату, разбойнику? Нет уж, увольте.

Надо ли говорить, о самом себе Айвазян был чрезвычайно высокого мнения. Достаточно посмотреть ка-ак! он писал. (Он тоже, оказывается, был художником!). Малевал стремительно, будто брал на абордаж купеческое судно. И бубнил под нос какую-то варварскую песню, «… всей команде, камни привязать! И в море!!!», явно не имея ни голоса, ни слуха.

Закончив, стуча деревянной ногой по полу, отходил на несколько шагов от мольберта и одобрительно сам себе кивал. Комедия!

Что именно он там малюет, Ваню интересовало меньше всего. Лишь бы не мешал. Да и вообще! Мало ли художников в Петербурге. На Невском каждую неделю какой-нибудь из художников попадает под лошадь. А меньше их не становится.

И Ваня решил воспринимать пирата как соседа по квартире. Не более того. «Здрасте… до свидания!». Худой мир лучше любой доброй ссоры.

Как жестоко ошибался наш юный друг. В лице пирата Айвазяна судьба уготовила ему недюжинные испытания.

В Академии художеств существовала традиция. Весной в конце учебного года устраивать выставки работ учеников. В выставочный зал обычно стекалось все высшее общество Петербурга. Музыканты, поэты, ученые…

В этом году Ваня Айвазовский выставил две работы. Морские пейзажи. «Берег Финского залива» и «Облака над берегом моря».

С утра Ваня долго чистил свой старенький сюртук и еще дольше приглаживал непокорные, торчащие в разные стороны волосы. Но все равно остался недоволен своим внешним видом. Ну, да Бог с ней, с внешностью. Лишь бы картины понравились.

Ваня слегка припозднился. На выставке каждый из молодых художников с независимым видом уже нервно прохаживался вдоль своих полотен. Незамеченным Ваня быстро встал у своих картин и начал жадно ловить высказывания, замечания.

Было особенно многолюдно. Сдержанный шепот, нервный смех, восклицания, взаимные приветствия…

И вдруг оглушительная тишина… Все посетители, как по команде повернули головы к входу.

В дверях стоял Пушкин под руку с Натальей Николаевной. Он кивнул знакомым и медленно пошел вдоль полотен, развешанных по стенам. Наталья Николаевна была ослепительно красива **в** черном бархатном платье **и** шляпе со страусовым пером.

Подходя к полотнам Айвазовского, Пушкин замедлил шаг. Ваня замер. Сердце его колотилось, и готово было выскочить из груди.

Наталья Николаевна произнесла вполголоса!

— Взгляните, Александр. Этот юноша чем-то похож на вас…

Взгляды Пушкина и юного Айвазовского встретились. До конца жизни Ваня будет помнить этот взгляд. Грустный **и** чуть смешливый одновременно. Александр Сергеевич подчеркнуто уважительно кивнул **и** протянул Ване руку.

— Поздравляю! У вас, наверняка, блистательное будущее.

Ваня был **в** полном замешательстве. Напрасно Наталья Николаевна пыталась незаметно ободрить его улыбкой. Он не смог **в** ответ выдавить из себя ни слова.

Александр Сергеевич задал несколько незначительных вопросов. Откуда он родом, давно ли занимается живописью, откуда такое проникновенное знание морских просторов? Получив односложные ответы, Пушкин еще раз пожал Ване руку **и** продолжил осмотр.

Весь оставшийся день Ваня простоял у своих картин подлинным истуканом. Почти ничего не видел. Н ничего не слышал.

Многие из однокурсников пытались расспросить, о чем они говорили с великим поэтом. Ничего вразумительного Ваня не смог ответить. Только пожимал плечами и растерянно улыбался.

По единодушному мнению профессуры выставка явно удалась.

После первого дня выставки Ваня не просто спешил в свою каморку на Васильевский острове. Летел. Прохожие уже не были такими озабоченными и мрачными, как утром. Сам город посветлел и заиграл всеми цветами радуги. Вечно серое и хмурое петербургское небо казалось высоким и чистым.

Одобрение великого поэта, большого знатока и любителя живописи, дорогого стоит. Не напрасны были лишения и каторжный труд в убогой каморке. Он, Ваня Айвазовский, на верном пути. Еще можно надеяться на свет в конце коридора.

На второй день Ваня не пошел на выставку, здраво рассудив, что уже получил от нее больше возможного. Сбегал только в

ближайшую кондитерскую за булкой хлеба и кульком конфет. Вернувшись, тут же приступил к новой работе, очередному морскому пейзажу. И сам не заметил, как пролетел тот день. И половина ночи.

А на утро третьего дня…

Наутро третьего дня в Ванину каморку вбежал взволнованный Вася Штернберг. Однокурсник и ближайший друг, И прямо с порога гневно бросил:

— Ты что… с ума сошел? Решил опозорить Академию?!

Ваня не нашелся что ответить, поскольку в его планы не входило позорить Академию. Скорее, наоборот. Ваня надеялся стать одним из лучших ее учеников. Достойным и все такое.

А случилось следующее… Со слов Васи Штернберга, вчера на выставку явился какой-то ванин дальний родственник, и (по его поручению?!), повесил в центре экспозиции еще одну ванину картину.

— Какую… картину? — недоуменно спросил Ваня.

— Не прикидывайся! — резко оборвал его Штернберг. — Тебя это отнюдь не красит!

Далее из рассказа Васи Штернберга следовало… Будто бы, этот самый родственник вывесил на всеобщее обозрение совершенно непотребное полотно… Абсолютно голая девица… гигантских размеров… возлежала на пляже, в заливе ядовитого оттенка и, вызывающе глядя прямо на зрителя, поднимала в руке большой кавказский рог с вином. Явно готовилась произнести тост в честь всего рода мужского…

Картина называлась «Пиратская Венера». Подписана «Айвз».

«Пират Айвазян!» — молнией пронеслось в голове у Вани.

Штернберг, между тем, продолжал. Девица, (вернее, картина с изображенной девицей!), была с секретом. Если покачаться чуть вправо-влево, девица начинала подмигивать, и ее рот расплывался в совсем уж непристойной улыбке…

В Академии вспыхнул форменный скандал.

Народу сбежалось… целая толпа. Студенты, профессора, академики… кучковались возле картины и покачивались вправо-влево… Смех, восторженные выкрики, гневные восклицания… словом, скандал.

— Тебя требует к себе… ректор! — коротко заключил Вася.

— Ты, главное, не перечь. Молчи себе… Профессора страсть как не любят строптивых. Мол, виноват, исправлюсь. Мол, затмение нашло. Безденежье проклятое заело… Может и пронесет! — наставлял на ходу Вася Штернберг растерянного

Ваню.

Друзья, перепрыгивая через сугробы, торопились в Академию.

У парадного подъезда Вася остановил Айвазовского. И отвел его за угол. Решил сходить для начала один. На разведку.

Бедный Ваня стоял у стен родной Академии и выглядывал из-за угла, как иностранный шпион. На душе у него скребли кошки.

Штернберг вернулся довольно быстро. Лицо его было бледным.

— Если тебе угодно корчить из себя петрушку, изволь! Но меня избавь от этого балагана. Мы, кажется, друзья. Я не заслужил подобного к себе отношения, — сходу заявил Василий.

— Ради Бога!.. — взмолился Айвазовский. — Умоляю, объясни…

И Штернберг объяснил. Недоверчиво щуря свои светлые глаза, он изложил другу дальнейшее развитие событий. Будто бы этот одноглазый родственник уже успел побывать на заседании совета и забрать картину. Более того! Даже не извинившись и, гневно стуча по паркету деревянной ногой, он объявил профессорскому составу:

— Обидеть художника может каждый!

И вышел, сильно хлопнув дверью. Через секунду вернулся и назидательно добавил. Когда юнгу Ваню признают за границей, дескать, всем вам, сухопутным крысам, будет стыдно. И что, вы еще ему в ножки поклонитесь. И уже на самом пороге добавил. Дескать, он лично никого вешать на реях не будет. А следовало бы.

Будто бы все это он сотворил по поручению самого Вани.

— Ваня! Ты действительно сошел с ума! — покачав головой, закончил рассказ Василий Штернберг.

— Нет! — вдруг разозлившись, сказал Айвазовский. — Я вовсе не сошел с ума! У меня нет никаких одноглазых, одноногих родственников! Но кое кто… у меня ответит за эту выходку! Я не позволю порочить свое имя!

И отодвинув изумленного Штернберга, Ваня направился на заседание совета Академии. Прямо так, не снимая шинели.

Твердая решимость Вани заметно уменьшалась по мере приближения к кабинету ректора. Увидев строгие лица профессоров, портреты выдающихся живописцев по стенам, выпускников Академии… Кипренского, Брюллова, Иванова… А за спиной ректора портрет самого Государя Императора Николая I в полный рост, бедный Ваня окончательно стушевался.

«Пиратская Венера» Айвазяна, естественно, произвела скандал. Вся профессура была в шоке. Преподаватель Вани, милейший Максим Никифорович Воробьев заикался и пил воду.

Сам ректор Оленин гневно сверкал глазами и мерил шагами кабинет. Взад-вперед.

Как только Ваня предстал пред их очами, ректор резко остановился и повернулся к нему:

— Извольте объясниться… милостивый государь!

От решимости Вани уже не осталось и следа. Под грозными взглядами портретов великих художников он сник.

— Это… это… непостижимо!.. Невозможно! — бормотал Ваня.

— Что «непостижимо»? Что «невозможно»? — продолжал гневаться ректор Оленин. — Милостивый государь! Вы не один в кабинете… Извольте выражаться таким образом… чтобы… чтобы вас можно было хоть как-то понять.

Ваня попытался было объяснить, что сроду не писал никаких «пиратских венер». И что обнаженная женская натура вообще не его стихия. Его никто не слушал.

— Извольте отвечать по существу! — бушевал ректор Оленин. Но ничего вразумительного бедный Ваня объяснить не мог. Он только виновато улыбался, разводил руками в стороны. И время от времени резко встряхивал головой, будто хотел согнать с макушки надоевшую муху.

Короче, всем профессорским составом Ване было высказано категорическое требование. Чтоб впредь одноглазых родственников в стенах Академии никто не видел. И стука деревянной ноги не слышал.

— Кое-кто… дорого заплатит за все это! — продолжал бормотать Ваня Айвазовский уже на улице.

Друзья топали под неуютным петербургским небом на Васильевский остров. Оба снимали комнаты невдалеке друг от друга.

— Надо тебе невесту сыскать! — подвел итог Вася Штернберг. Вася был из обрусевших немцев. И как все немцы, любил во всем ясность и порядок. У каждого мужчины должны быть жена и дети.

Он прекрасно понимал, в особо запущенных случаях, таких как у Вани, положение спасти может только женщина. Во-он… сколько их на Невском… Так и шастают, туда-сюда, туда-сюда… И каблучки как на зло, стучат очень даже призывно.

Но бросив взгляд на своего друга, Вася Штернберг решил до поры отложить это кардинальное средство. Одного взгляда на Ваню Айвазовского было достаточно, чтоб понять, время для принятия универсального лекарства еще не пришло.

Юный художник, втянув голову в плечи и сильно ссутулившись, брел по тротуару рядом со Штернбергом и глаза у него были, как у побитой собаки…

Вернувшись в свою холодную и неуютную каморку, Айвазовский не нашел в зеркале никого. Айвазян отсутствовал.

Ваня со вздохом поставил стул прямо перед зеркалом и, не раздеваясь, уселся на него, готовый ожидать появления пирата хоть до самого утра, если понадобится.

«Где он шляется, этот… тип?» — со злостью думал Ваня.

Впрочем, в Петербурге довольно много мест, где можно весело и содержательно провести время.

Пират Айвазян появился неожиданно. Ближе к ночи. Ваня уже начал задремывать, сидя на стуле. Увидев пирата Айвазяна, Ваня мгновенно вскочил со стула и решительно заявил:

— Сударь! Кто вам позволил являться в Академию?! Кто позволил вывешивать свое бездарное творение под моим именем?!

— Хотел помочь, — невозмутимо отозвался пират. — Ты, юнга, не в ту сторону гребешь. Но… ничего! Я сделаю из тебя настоящего морского волка. Я беру над тобой шефство!

Айвазян, очень довольный собой, повернулся к Ване спиной и начал выставлять на стол разнообразные бутылки. Ваня требовательно постучал в зеркало.

— Сударь! Я не нуждаюсь в подобной опеке! Я требую…

— Юнга-а! — повысил голос Айвазян. — Мне некогда-а! У меня сегодня сбор старых боевых друзей.

Валя открыл, было, рот, но пират совершенно неожиданно перед самым его носом задернул занавеску. С той стороны зеркала.

Несколько мгновений бедный Ваня стоял, как громом пораженный. Не в силах сдвинуться с места. Через несколько минут занавеска чуть отодвинулась в сторону. Из-за нее показалась самодовольная физиономия пирата. Он строго погрозил Ване пальцем, как мальчишке.

— Па-апрошу не беспокоить! — нагло заявил он. И опять скрылся за занавеской.

Это уже переходило все допустимые пределы. Ваня Айвазовский долго раздумывал. Потом решил действовать по плану. Записал его на бумаге. План состоял из трех пунктов.

С понедельника — начать новую жизнь.

Закончить новый морской пейзаж.

Избавиться от пирата Айвазяна.

Последний пункт Ваня подчеркнул тремя жирными чертами.

С наступлением сумерек на Невском проспекте возникает особая атмосфера. Гуляющим по нему во всем мерещится какой-

то загадочный смысл. Кажется, обычное дело. Дворники поднимаются по лестницам и зажигают фонари. А большинство гуляющих воспринимают это как сигнал к действию.

С некоторых пор в витринах иных магазинов и сомнительных салонов стала появлятся «Пиратская Венера». В различных вариантах. С подписью «Айвз.». «Сны пиратской Венеры», «Венера берет на абордаж греческое торговое судно», и тому подобное. Айвазян явно поставил свое творчество на поток.

Ваня Айвазовский перестал бывать на Невском. Обходил его стороной. Поди, потом доказывай, что ты не верблюд.

Другое дело Вася Штернберг. Он и не думал оставлять своей идеи насчет кардинального лекарства. Как истинный друг, настойчиво занимался поисками подходящей невесты.

Кто ищет, тот всегда найдет.

В одном из художественных салонов Вася Штернберг познакомился с необычной девушкой. Англичанкой. В Петербурге она служила простой гувернанткой. Но само ее имя несло в себе некий налет романтизма. Ее звали Юлия Гревс.

Тысячу раз прав тот француз-философ, который утверждал, все англичанки похожи на лошадей. Не иначе, потому что каждое утро трескают овсянку. Что есть, то есть. Не отвертишься. Взаимное влияние, взаимное проникновение. Собаки ведь походят на своих хозяев. С англичанками та же история. Только наоборот.

Короче, англичанка Юлия Гревс смахивала на породистую лошадь.

Вася Штернберг с Юлией Гревс нагрянули в каморку Айвазовского ранним утром. Ваня еще глаза продрать не успел, как следует. Что неудивительно, всю ночь работал. Юный художник изумленно таращился на эффектную девушку, разговаривающую с чудовищным акцентом, и никак не мог прийти в себя.

Штернберг прозрачно намекнул. Дескать, гостей следует угощать чаем. Хотя бы. И не проснувшийся Ваня побрел к глухой старушке, клянчить чай. И что-нибудь к нему.

Штернберг и Юлия Гревс, между тем, вели светскую беседу.

Юлия Гревс любопытствовала:

— Почем… все художники… так поздно… просыпаешься?

— Лентяи! — был ответ Васи Штернберга. — ***Им*** бы только на печке лежать…

— И никакой способ разбудить? — удивлялась Юлия Гревс.

— Почему! — пожимал плечами Штернберг. — Есть способ!

Врезать дрыном по кумполу. Всего и делов-то.

— Варварский язык! — морщилась Юлия Гревс. — Что есть… «дрын»?

В глазах Васи Штернберга мелькали веселые искорки. Он явно развлекался, приобщая иностранку к экзотике родной страны.

— Дрын… такая большая палка с утолщением на конце.

— Что есть «кумпол»? — продолжала расширять познания Юлия.

— Калган. Качан. Башка… то-есть! Голова, по-вашему.

— Чудовищно! — потрясалась Юлия Гревс. — Чтоб разбудишь… вашего друга… нужно ударить ему… палкой по голова?

— А что делать! — кивал Вася Штернберг. — Азиаты мы… У нас даже будильников нет. Встаем по петухам.

— Петух? Я знаю «петух»! — оживилась Юлия. — Это такой вкусный птица… наподобие… курица?

— Именно! — поддержал ее Вася, — У нас даже поговорка есть. Курица не птица… леди не джентльмен.

Англичанка нахмурилась. Она опять не поняла.

— Разумеется… леди не джентльмен. В чем соль… ваша поговорка? Какой скрытый смысл?

— Ну… если по гамбургскому счету… джентльмен… как бы, не годится в подметки леди…

— Что есть… «подметки»? — любопытствовала Юлия.

Вася Штернберг на секунду задумался. Кажется, он сам уже слегка запутался в хитросплетениях великого русского языка.

— Тут что имеется ввиду… у нас… в дикой России… леди делают подстилки для обуви… из кожи джентльменов! — наконец-то выкрутился из щекотливого положения Вася.

— Какая… дикость! Ваши леди… все… такой жестокие?

Глубоко вздохнув, Вася Штернберг кивнул.

— У нас… так! У нас любая леди… и коня на скаку остановит, если что… И в любую избу на прием без доклада войдет… На то она и леди…

— Очень жестоко! — сокрушалась Юлия Гревс. — Делать из кожи джентльменов подметок… И негигиенично.

— Что делать! — вздохнул Вася. — Да, скифы мы… Да, азиаты…

Юлия Гревс быстро оглянулась на дверь и понизила голос.

— Скажи… Васил! — зашептала она. — А которые девушки… импонируют твоего друга?

— Импонируют!? Не было этого! Вот те крест! — испуганно прошептал в ответ Вася. И даже перекрестился. — У нас… в

дикой России это вообще не принято…

— Я имеешь спрос… — продолжала шептать Юлия, — … которые девушки… нравишься твоему другу? Умный или… француженки?

В этот момент в каморке появился Ваня Айвазовский. Он ногой распахнул дверь, поскольку в руках держал поднос с тремя чашками свежего, только что заваренного, дымящегося, исконно английского напитка. В смысле, чая.

В начале той весны в Петербург прибыл Карл Павлович Брюллов, Великий Карл. Эта новость с быстротою молнии пронеслась по городу и привела всех поклонников живописи в неописуемый восторг.

В Академии художеств все было в движении, все в волнении. Самого художника встретили аплодисментами. Проводили в отдельную залу, где была повешена его картина «Последний день Помпеи».

Картину объявили лучшим произведением искусства 19-го столетия. Трагическое событие из жизни римского народа до глубины души потрясло всех, побывавших на выставке единственной картины.

«И стал последний день Помпеи, Для русской кисти первый день» — как пароль шептали друг другу вовсе незнакомые люди.

Ваня Айвазовский одним из первых имел счастье насладиться великой живописью. Молодых художников более всего потрясло, что Брюллов изобразил и самого себя среди жителей гибнущей Помпеи с ящиком красок на голове.

Вот оно! Истинное место настоящего художника. Быть среди людей. И на празднике, и в смертный час. Это чувство на всю жизнь засело в душе начинающего художника.

Уходя домой, он решил посещать выставку каждый день.

Пират объявился на выставке сразу же после ухода Вани. Наверняка специально так подгадал. Айвазян явился светской публике с какой-то накрашенной вульгарной девицей, которая ежеминутно визгливо хохотала, бесцеремонно разглядывала в лорнет мужчин и теребила его за рукав.

— Оник! — морщилась девица. — Пойдем! Здесь все ясно…

— Оник! Мне надоело-о…

Сам пират Айвазян, бегло осмотрев полотно, подошел к великому Брюллову, стоявшему рядом, и во всеуслышание заявил:

— Эта штука… посильнее «Фауста» Гете будет!

Одобрительно кивнул и даже похлопал Карла Павловича по

плечу.

И уже уходя, заметил, мол, раму для картины следует сделать посолиднее, побогаче.

Сказать, что светская публика Петербурга была шокирована, ничего не сказать.

Великий Карл долго не мог прийти в себя. Ежеминутно утирал вспотевший лоб и недоуменно пожимал плечами. Но не произнес, ни слова. Воспитанные люди тем и отличаются от прочих, они никогда не выказывают своих чувств прилюдно.

Когда Ване на следующий день доложили об очередной выходке «его родственника», он впал в отчаяние. Влиять на поведение пирата было никак невозможно. Как невозможно было даже предугадать его дальнейшие поступки.

Ночами Ваню Айвазовского мучили кошмарные сны. Из всех углов являлись голые «пиратские Венеры» и беспрерывно произносили тосты в его честь.

Ваня похудел, осунулся. Под глазами появились синие круги.

Весна в Петербурге стремительно вступала в свои права.

Ваня Айвазовский получил любовное послание. Не совсем традиционное. Письмо начиналось словами. «Я к Вам пишу! Чего же боле? Что я могу еще сказать?». И так далее, и тому подобное.

Роман Александра Сергеевича еще не был напечатан, но уже ходил по рукам. Тысячи юных курсисток переписывали от руки «письмо Татьяны» и рассылали первым попавшим в поле зрения юношам.

Почта Петербурга в те дни работала с чудовищной перегрузкой. Белыми ласточками порхали по всему городу любовные послания пушкинской героини. Страстно любить не запретишь!

Ваня тоже получил. И был чрезвычайно счастлив. Хотя и понимал в глубине души, послание адресовано не ему конкретно. Скорее какому-то выдуманному юноше. Но все равно, приятно.

Письмо было явно от очень юной особы. Поскольку пахло не какими-то там… французскими духами, а самым натуральным турецким мармеладом, что продается в любой кондитерской на Невском.

В последний день выставки учеников к Ване стремительно подскочило очень юное существо. Настолько юное, что кроме огромных глаз ничего и не было. И пахло от нее турецким мармеладом.

— Как вы смеете… так дурно думать о нас… женщинах?!

— Вы… женщина? — не подумав, удивленно воскликнул Ваня. Скорее от стеснительности, нежели от нахальства.

— Я тоже… представительница… — смутилось юное создание. Юной представительнице прекрасной половины человечества на вид было… очень мало. Не более… впрочем, ладно. Не в том суть.

Суть в том, что юная разгневанная особа чрезвычайно понравилась Ване Айвазовскому. Сразу. Он почувствовал себя рядом с нею настоящим мужчиной. Сильным и талантливым. Они разговорились. Он проводил ее. По Невскому. Сначала в одну сторону. Потом в другую.

Выяснилось. У них чрезвычайно много общего. Оба безумно любят море. Оба родом с юга России. Только Ваня из Феодосии. Анна, (так звали юное создание!), из Керчи. Соседи, можно сказать.

Анечка стояла посреди каморки, прижав руки к груди, и в ее огромных глазах застыл такой же огромный страх.

— Вы хотите, чтоб я… разделась?

Большого красноречия стоило Ване переубедить юное существо. Ничего подобного у него и в мыслях нет. Он хочет только написать портрет. Вот… до сих пор. Не более.

— Сядьте поближе к окну. Там больше света. Вот так!

Ваня усадил Анечку на стул, развернул ее прелестную головку к свету и встал за мольберт. Работа закипела.

Обычно работая, Ваня разговаривал сам с собой. У многих художников есть такая дурная привычка. Одни поют себе под нос, чаще всего, не имея ни слуха, ни голоса, другие разговаривают.

Теперь Ваня разговаривал с прелестной моделью. Анечка изредка кивала, поскольку ей было запрещено менять выражение лица и даже открывать рот.

Ваня и сам не заметил, как выложил Анечке все, что было на душе. Так и вывалил на чистую, доверчивую девушку всех своих айвазянов, пиратских венер и прочие напасти.

Наивная Анечка верила и не верила. Она едва заметно кивала, ее огромные глазищи становились еще огромнее. Изредка от удивления она даже открывала рот.

Тогда Ваня Айвазовский очень сердился.

— Анечка! Закройте рот! — строго говорил он. И хмурился.

Через несколько недель они расстанутся… А еще через два десятилетия встретятся вновь. Ваня уже станет знаменитым, известным всему миру художником, абсолютно одиноким и глубоко несчастным. А Анечка превратиться в эффектную молодую женщину. И все у них будет прекрасно… А пока…

— Анечка! Закройте рот!..

По окончании сеанса, в ответ на откровения Вани, девушка, (неожиданно для самой себя!), призналась. Это она написала Ване Айвазовскому письмо. Она давно (и тайно!), наблюдает за ним и его творчеством. Посещает все выставки учеников Академии. Его морские пейзажи… самое восхитительное из всего, что когда-либо видела Анечка в своей жизни.

Короче, автором признательного «письма Татьяны» является она. Анна Саркисова. Не в том смысле, что она является Пушкиным. А совсем в другом смысле…

Той же весной в Александрийском театре состоялась премьера «Ревизора». Николая Васильевича Гоголя. Спектакль тот был отмечен сразу несколькими скандалами.

Во-первых, сам автор почему-то не счел нужным присутствовать на премьере. Во-вторых, все зрители разделились на две группы. Восторженных сторонников и оскорбленных противников. В первой группе преобладали студенты, мелкие чиновники, девушки-швеи. Самая разношерстная публика. Во второй высший свет Петербурга. В ложах и креслах сверкали мундиры военных, шикарные туалеты дам…

Ваня Айвазовский с друзьями однокурсниками тоже прорвался на премьеру. Устроились, естественно, на галерке.

Высший свет мгновенно узнал в персонажах пьесы самих себя. И негодовал, негодовал… По партеру разносились реплики:

— Безобразие!.. Клевета!

— Запретить!.. Наказать!

Разночинная публика ликовала. Наконец-то нашелся смельчак, бросивший в лицо продажному чиновничеству — правду! Имя автора у всех на устах. Гоголь!.. Гоголь!!!

— А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

— Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!

Половину первого действия Ваня Айвазовский, не отрываясь, смотрел на сцену. Жадно впитывал в себя гениальное произведение.

Каково же было изумление нашего героя, когда, бросив взгляд вниз, он увидел в партере… в восьмом ряду… Александра Сергеевича Пушкина! А рядом с ним… (О, Боже!)… пирата Айвазяна!!!

Айвазян вел себя просто вызывающе. Из всей публики партера выделялся своей развязностью и дурными манерами.

Но самым странным, даже диким, показалось Ване поведение самого Пушкина. Казалось, великого поэта ничуть не смущает

бесцеремонность и панибратство Ваниного «родственника».

Веселая парочка громче всех хохотала на каждую реплику и неистово аплодировала после каждого эпизода.

В антракте Ваня незаметно наблюдал за ними из-за колонны. Стоя в самом центре залы, великий поэт и пират Айвазян хлопали друг друга по плечам и весело хохотали, явно пересказывая каждый на свой лад только что виденное. Гуляющие по вестибюле вздрагивали и сторонились их. Не иначе на Пушкина произвел ошеломляющее впечатление «Ревизор» Гоголя. Пушкин вообще был крайне впечатлительной натурой. Слава Богу, на спектакле не было Натальи Николаевны. От стыда Ваня был готов провалиться сквозь паркетный пол.

После того спектакля, однокурсники, (разумеется, кроме Васи Штернберга), начали сторониться Айвазовского. Если и подходили, то с заметной усмешкой докладывали об очередных «подвигах» пирата.

— Говорят, он уже с самим Пушкиным на дружеской ноге?

Что было делать бедному Ване? Втолковывать каждому встречному, лично он не имеет ко всем этим безобразиям ни малейшего отношения? Это проделки пирата «живописца» Айвазяна? И что у него нет подобных родственников? Кто б ему поверил.

Оставалось только терпеть. И ждать подходящего случая, чтоб расквитаться с наглым и бестактным пиратом.

Погода в Петербурге всегда отличалась большой переменчивостью. Весной того года она показала свое непостоянство во всей красе. Не успели горожане сменить зимние одежды на более легкие, как задул с Финского залива холодный ветер и, оказалось, что вернулась зима. Вроде, весна на дворе, снега давно стаяли, а холод несусветный, и ветер до костей пронизывает. В такие дни прохожие особенно торопятся по домам. Улицы почти пусты.

В глубокой задумчивости продрогший Ваня медленно брел по улице в свою каморку. Черная полоса в его жизни продолжалась, расширялась и, казалось, конца ей не будет. Единственное светлое пятнышко, Анечка, куда-то исчезла. По легкомысленности, Ваня даже не спросил ее адреса. В остальном… Профессора, при виде Вани, поголовно хмурились и укоризненно покачивали головами. Друзья однокурсники просто откровенно смеялись за спиной. Подобное невезение кого хочешь выбьет из колеи.

Сзади раздался цокот копыт. Ваня по привычке посторонился и скорее машинально, чем из любопытства, оглянулся.

Но это была не лошадь. Это была англичанка Юлия Гревс. Ее каблучки цокали по тротуару, как копыта лошади по мостовой. Что неудивительно. Англичанки ведь все… А-а, ладно. С этим ясно.

— Почем ты избегаешь меня? — спросила Юлия Гревс, даже не ответив на приветствие юного художника.

Ваня пожал плечами, В его планы не входило, избегать Юлию. Они и виделись-то всего один раз. Тогда, у Вани в каморке. Но Юлия Гревс, кажется, была другого мнения на сей счет.

— Так не можно обращаться с приличным девушкой!

Ваня открыл было рот, чтоб разубедить англичанку. Дескать, лично он, Ваня Айвазовский, ко всем представительницам прекрасного пола со всем уважением. В том числе и к ней, Юлии Гревс.

— Итак! — решительно перебила Юлия. — Я есть согласна!

— Согласны? — недоуменно переспросил Ваня.

— Перестань повторять сзади меня! — тоном строгой учительницы сказала Юлия.

— Повторять?

— … это не есть прилично!

— Да, да… Вполне вероятно.

Бедный Ваня никак не мог взять в толк. Что собственно хочет от него эта крупная иностранная девушка. Пока не услышал от нее совсем уж из ряда вон выходящее заявление.

— Я есть согласна получить твой руку и сердце!

— Руку? — машинально, как попугай, переспросил Ваня.

— И сердце тоже, — подтвердила Юлия Гревс.

Ваня не нашелся что ответить. Очевидно, англичанка просто его с кем-то перепутала.

— Я есть согласна совершить с тобой свадебный путешествий. На пиратском шхуне. Это есть романтично…

Юлия Гревс, прижав к груди свой внушительный ридикюль, покачивалась с пятки на носок. И загадочно улыбалась.

И вдруг Ваню Айвазовского как громом шарахнуло! Он понял!!! Он мгновенно все понял!.. Беспардонный и бесцеремонный пират и в самом деле решил взять над ним шефство! Более того, решил по своему разумению устроить его, Вани Айвазовского, личную жизнь! Даже не спросив его мнения, решил женить!!!

Бедный Ваня отшатнулся и чуть не вскрикнул. Англичанка удивленно вскинула брови. Юный художник замахал на нее

руками, будто увидел привидение и бросился бежать.

Ваня Айвазовский стремительно бежал по пустым, однообразным улицам Петербурга. Быстрее зайца, быстрее лани. Словно какой-то камень, пущенный из пращи.

Холодный ветер свистел у него в ушах. Вскрикивали в испуге редкие прохожие. Ваня бежал.

Сворачивал направо, налево, но постоянно слышал за спиной стук каблучков…

Порой Ване казалось, сзади уже не каблучки стучат настойчивой англичанки, а сам Медный Всадник соскочил с пьедестала, и преследует его цокотом своего могучего коня…

Бедный Ваня!.. Бедный Ваня!

— Да ты, Ваня, прямо Дон Жуан! — заявил с порога Штернберг. По праву друга Вася заходил в каморку Айвазовского когда ему вздумается. Днем и ночью. Он плюхнулся на старый диван, уселся в привычную позу, нога на ногу, и с усмешкой продолжил:

— Твоя англичанка во всем призналась.

Если б юный Айвазовский мог в этот миг посмотреть на себя в зеркало, он бы увидел ка-ак! изменилось его лицо. Но зеркало было занавешено. С той стороны.

— В чем… призналась? — почти шепотом спросил Ваня.

— Оказывается… — продолжил со смехом Штернберг, — … у вас уже свадьба назначена. Не в прямую, разумеется, сказала. Все так, намеками, намеками… Но английские девушки так умеют намекнуть, самый тупой француз поймет.

«Час от часу не легче!» — пронеслось в голове бедного Вани. К слову сказать, Ваня еще не посвящал своего друга во все неприятности, ополчившиеся на него с момента появления в зеркале пирата. И о самом пирате Айвазяне не говорил ни слова.

Теперь время пришло! Далее скрывать от лучшего друга ужасное положение не имело смысла.

— Василий! Ты мне друг? — решительно спросил Айвазовский. Штернберг удивленно вскинулся и уселся поудобнее, ожидая продолжения. И продолжение последовало…

Ваня Айвазовский рассказал все. Подробно, обстоятельно, как того и требовала ситуация.

Неурядицы российской жизни часто заводили немецкие мозги Васи Штернберга в абсолютный тупик. В такие мгновения Вася цепенел и надолго выпадал из реальной действительности. Но то, что поведал Ваня Айвазовский превосходило все мыслимые фантазии.

Выслушав исповедь друга, Ваш Штернберг повернул голову, и довольно долго смотрел на шкаф. Потом поднялся с дивана, подошел к нему и попытался что-либо рассмотреть в зеркале. Но оно, как уже сказано, было занавешено. С той стороны.

— Ты утверждаешь, он реально существует? — наконец изрек Штернберг.

Как сказку про белого бычка, пришлось бедному Ване снова и снова пересказывать… Появление в зеркале… «Пиратская Венера»… дикие выходки на ректорате… с Карлом Брюлловым… Панибратство с самим Пушкиным… и так далее. О том, что уже добрая половина витрин Невского проспекта увешана бесстыжими девицами, Ваня умолчал.

Вася Штернберг сел на стул и глубоко задумался. Думал он долго. Не менее получаса.

Айвазовский успел за это время совершить утренний туалет, приготовить незатейливый завтрак, состоящий из чая и бутерброда и проглотить его. Наконец Штернберг очнулся.

— Я б на твоем месте на дуэль вызвал этого типа! — задумчиво протянул Штернберг, и лицо его просветлело от этой мысли… — «К барьеру! Милостивый государь!..». И без всяких экивоков!

— В самом деле… — все более воодушевлялся Штернберг. — Дуэль… это превосходно! Я секундантом буду… Где б только пистолеты раздобыть? — неожиданно озабоченным тоном спросил он. И опять надолго задумался. Теперь уже не менее, чем на час.

Весь вечер Ваня намеренно с грохотом переставлял мебель. Топал ногами и вообще, пытался произвести как можно больше шума. Надеялся привлечь внимание Айвазяна. И тот не выдержал.

Занавеска дрогнула и отодвинулась в сторону. Из зеркала на Ваню смотрела уже привычная наглая физиономия.

— Юнга-а! Нельзя ли потише…

— Сударь! Как вы посмели!!! — зашелся от гнева бедный Ваня.

Пират не сразу сообразил, даже нахмурился. Через секунду понял и лицо его расплылось в довольной ухмылке.

— Из англичанок получаются хорошие поварихи, — уверенно заявил он. И подмигнув, добавил. — И жены тоже. В походе пригодится.

— Вы должны немедленно вернуть все в исходное положение.

Ваня уже приготовился по пунктам перечислить. Во-первых, извиниться перед наивной девушкой. Во-вторых, забрать у нее обратно предложение руки и сердца… Но пират Айвазян просто

пропускал мимо ушей все ванины возмущения.

— Пора жениться, юнга! — настаивал он. — Англичанка нам подходит. Но всем статьям. Готовься к отплытию, юнга!

От такой вопиющей наглости Ваня чуть не начал заикаться.

— С чего вы решили, будто я собираюсь…

— Пора становиться настоящим мужчиной.

Пират уже собрался задернуть занавеску, но Ваня, (неожиданно для себя самого!), трахнул об пол стулом. Да так, что тот разлетелся на части. Однако пирата это ничуть не смутило.

— Что ты видел в жизни, юнга?! — вскричал он. И тут же сам ответил. — Ты ничего не видел в жизни. Я покажу тебе весь мир! Кроме того, мне пора кое с кем посчитаться на Средиземноморье!

И пират задернул занавеску. Окончательно и бесповоротно.

Ваня Айвазовский был юношей самых честных правил. Помолвка с Юлией Гревс состоялась втайне от общественности. Штернберг поклялся молчать, как египетская мумия. Юлия и Ваня тоже решили до поры объявлять о своих намерениях. Но сие событие уже через день стало известно всей Академии. Не иначе болтливый Айвазян растрезвонил, больше некому.

Сдержанно, но с глубоким чувством поздравил Ваню учитель, милейший Максим Никифорович Воробьев. Расцеловал в обе щеки и даже прослезился. Очевидно, вспомнил себя в юности. И пожелал Ване совершенствовать свой дар живописца. При любых обстоятельствах! многозначительно подняв брови, добавил учитель.

Самое странное, с этого момента отношение к Ване окружающих стало заметно меняться в лучшую сторону. Однокурсники уже не насмехались за спиной, профессора перестали хмуриться, при встречах даже улыбались. Да и «пиратских венер» в витринах Невского проспекта заметно поубавилось. Словом, черная полоса невезения, если и не рассосалась окончательно, то дала глубокую трещину.

По итогам весенней выставки Ваня получил золотую медаль. И естественно, возможность поехать в Италию на стажировку. Существовала в Академии такая замечательная традиция, отправлять наиболее одаренных учеников за границу, довершать свое художественное образование.

Как известно, лучшее средство от уныния — чашка шоколада в Филипповской булочкой. И золотая медаль на итоговой выставке. И то, и другое Ваня Айвазовский получил. Правда, медаль была малой. И шоколад излишне горячим, (он даже обжег

верхнюю губу), но настроение юного художника заметно улучшилось. Как никак, ему предстояла поездка за границу. В вечный город Рим. Город художников и архитекторов.

Бедный Ваня рано радовался.

Получив в ректорате извещение о стажировке, Ваня бросился в свою каморку собирать вещи.

Как ни старался, вещей набралось несметное количество. Ваня пытался разом все впихнуть в чемодан, (даже прыгал на нем!), но проклятая крышка никак не желала закрываться.

Увидев как Ваня мучается, любопытный пират не выдержал, подошел к зеркалу. Так и прилип к нему носом.

— Тщательнее надо, юнга, тщательнее! — как всегда тоном знатока строго указал он.

— Вас не касается, — сухо ответил Ваня.

— На твоем месте, юнга, я бы взял минимум, — философски заметил Айвазян. — После первого же абордажа будешь иметь все что захочешь. Любые вещи. Всех басонов, расцветок и размеров.

Пират по-прежнему, (почему-то!), был абсолютно убежден, Ваня почитает за счастье, отправиться на разбой и грабеж. Наверняка он очень бы удивился, если б Ваня изложил ему свое понимание «пиратства» на море. Но Ваня решил в общении с Айвазяном избрать другую тактику. «Молчание — золото!».

Айвазян между тем расхаживал по «своей» комнате и отвратительно стуча по полу деревянной ногой, напутствовал юношу:

— Поезжай, юнга! Я выдвинусь вслед за тобой. Отплытие назначаю через десять дней. Из Неаполя.

Пират несколько секунд молчал. Потом, усмехнувшись, добавил:

— Повариху свою не забудь прихватить!

Ваня вскипел и бросился с кулаками на зеркало. Но коварный пират задернул занавеску. И бедный Ваня опять остался ни с чем.

У него возникло ощущение, будто он в который раз! опять! наступил на те же грабли. И опять получил по лбу.

Италия, конечно, превосходная страна. Старинная архитектура, соборы и все прочее. Но уж очень много итальянцев. Услышать русскую речь на улицах итальянских городов случается крайне редко.

Хорошо Вася Штернберг всегда рядом. Слава Богу! его тоже направили на стажировку. С таким другом, хоть на край света. Он и комнаты снимет из всех дешевых, самые чистые и просторные. И с питанием никаких проблем.

— Тут за углом… есть одна приличная забегаловка!

В любом городе Вася Штернберг отыскивал «за углом» одну приличную забегаловку, где всегда дешево и сытно кормили.

В Венеции юные художники раскрывали свои этюдники и ставили мольберты прямо на площади святого Марка. Четырехугольная площадь со всех сторон окружали старинные здания 14-го и 15-го века. Она напоминала собой огромный, мраморный зал. В глубине стоял сам древний собор святого Марка. Пятью золочеными куполами он поразительно походил на русские церкви.

Доверчивые, ручные голуби такая же достопримечательность площади, как и сам знаменитый собор. Одна беда. Местные голуби имели подлую привычку садиться прямо на голову. Попробуй, сосредоточься. Но со временем друзья привыкли.

Работали много. С раннего утра и до самого позднего вечера. Не обращая внимания на голубей и туристов.

В один из таких рабочих дней Ваня Айвазовский услышал у себя за спиной удивленный возглас:

— Ва-анечка-а!.. Айвазовский!..

Каждый, кто хоть однажды видел Николая Васильевича Гоголя живьем, невольно улыбался. Он на всех производил впечатление рассеянного и абсолютно незащищенного человека. Впрочем, как известно, первое впечатление только от заурядных личностей всегда точно. Сущность гения всегда скрыта от посторонних глаз.

Ваня Айвазовский тут же загородил свою картину спиной. Даже раскинул руки в стороны, дабы великий писатель не смог ничего разглядеть. Ване казалось недопустимым показывать самому Гоголю что-либо незаконченное, незавершенное. До него доходили слухи, что Николай Васильевич, (большой знаток и любитель живописи!), издали внимательно наблюдал за его учебой и творчеством, и даже покровительствовал ему.

Увидев Ваню Айвазовского, раскинувшего руки, прячущего свою картину, Гоголь громко и весело засмеялся.

В тот же день он увез с собой молодых художников **в** Рим.

Рим — великий город. Каждый камень его развалин, зданий и виадуков до предела насыщен энергией созидания. Именно потому художники и поэты, писатели и философы всего мира так стремятся в этот вечный город.

Обычно замкнутый и молчаливый Николай Васильевич, встретив в Риме соотечественника, мгновенно превращался в полную свою противоположность. Становился общительным,

разговорчивым и очень веселым. Знакомые и друзья величали его лучшим гидом всех времен и народов.

В первую же лунную ночь, подхватив под руки Айвазовского и Штернберга, Гоголь поволок друзей на осмотр Колизея. На узких улочках редкие прохожие шарахались от стремительной троицы.

Только взобравшись по полуразрушенной лестнице на самый верх амфитеатра, с высоты третьего этажа, увидев все грандиозное величие этого древнейшего здания, друзья поняли, почему Гоголь выбрал именно лунную ночь для осмотра.

Колизей пуст. Нет болтливый, назойливых туристов. Тишина. Нет, не менее назойливых и болтливых торговцев сувенирами. Если прислушаться, можно услышать рев многотысячной толпы, жаждущей крови, крови, крови… Услышать рев диких животных, уже почуявших запах добычи… Услышать стоны раненых и умирающих гладиаторов… Десятки тысяч смелых и отважных людей были убиты на этой арене для развлечения толпы… Тишина Колизея кричит…

Древний цирк. Символ величия человеческой души. Символ низости человеческой натуры…

Друзья долго сидели в ту лунную ночь на ступеньках лестницы Колизея. Молчали. Слишком велико было впечатление от увиденного.

В ту ночь по традиции учеников Академии друзья поклялись друг другу в вечной дружбе.

— Я счастлив, Ваня! — неожиданно сказал Василий.

… вернувшись в Петербург, Штернберг всеми правдами-неправдами убедит профессуру Академии продлить ему стажировку еще на один год… И опять уедет в Рим… Теперь уже навсегда… Он просто растает в воздухе от двустороннего воспаления легких… Он уйдет из жизни совсем юным, только начинающим жить художником. Лишь несколько изящных эскизов останутся после него…

— Я счастлив, Ваня!

Лунная ночь в Риме. Лишь несколько окон слабо светятся в разных концах города.

Вон… едва пробивается из-за занавески полуподвальной комнаты тусклый свет свечи… За мольбертом стоит молодой русский художник Василий Штернберг… Он неподвижно застыл перед только что начатой картиной… Еще мгновение и он

поднимет кисть… он будет писать всю ночь…

Совсем на другом конце города, на холме в просторной, но неуютной мастерской, сидит на табурете перед величественным полотном «Явление Христа народу» русский художник Александр Иванов. Вот так он каждую ночь часами сидит перед полотном и неподвижным взглядом смотрит прямо перед собой…

А на другом холме вечного города в просторном кабинете до потолка, заваленного книгами, за письменным столом сидит русский писатель Николай Гоголь. Две свечи освещают лишь лицо писателя, да пару страниц какой-то рукописи. Гоголь тоже застыл в неподвижной задумчивости…

На окраине города, в наспех снятой комнатенке, разложил на полу в беспорядке многочисленные рисунки и наброски русский художник Ваня Айвазовский. Сзади него на мольберте картина. Но какая именно, не видно. Картина еще не раскрыта, занавешена полотном. Ваня будет всю ночь перекладывать рисунки и наброски, так и эдак, выкладывая одному ему известную мозаику…

Странная атмосфера висит в воздухе ночью в Риме… Как минимум, полгорода спит, другая половина погружена в мучительные творческие поиски…

Лишь отдаленные крики раненых гладиаторов из Колизея, да рев диких животных могут потревожить покой вечного города…

Пират Айвазян объявился в Риме как снег на голову. Ваня случайно увидел в витрине одного сомнительного заведения картинку, сильно смахивающую на «пиратскую венеру». Приподнятое настроение его мигом улетучилось.

А на утро следующего дня в ванину комнату вошел Штернберг и непривычно тихим, голосом поведал.

Вчерашней ночью многочисленные жители Рима могли наблюдать разудалую компанию, которая шаталась по улицам древнего города и, в окружении невесть откуда взявшегося цыганского хора, с бубнами и плясками, не давала уснуть сразу нескольким кварталам.

— Эх-х! Ра-аз! Ды… еще ра-аз! Еще много… много ра-а-аз!!!

Разудалая компания горланила на улицах вечного города всю ночь. Вязалась к прохожим, переворачивала скамейки и урны.

Не желая травмировать лучшего друга, Вася Штернберг не уточнял, ка-ак! именно во главе этого сборища, с бутылкой рома в руке, отплясывал одноглазый пират Айвазян, собственной персоной. И ка-ак! буйное веселье переросло в потасовку с местными карабинерами. Друзья одновременно глубоко

вздохнули и задумались.

Работа лучшее лекарство от всевозможных бед. Не сговариваясь, юные художники с головой окунулись в творчество. Ведь именно для того они и были направлены за границу. На казенный счет.

Выставку своих картин Ваня Айвазовский готовил с особым рвением и тщательностью. Безжалостно браковал негодные, (с его точки зрения!), работы и постоянно менял местами полотна на стенах, ища наиболее выгодное расположение. Вася Штернберг, помогавший другу, зверски устал, по сто раз на дню спускаться и влезать по шаткой скрипучей лестнице под самый потолок. Но не роптал.

Выставка морских пейзажей юного русского художника в Риме произвела эффект разорвавшейся бомбы. Темпераментные итальянцы размахивали руками, переходя от полотна к полотну и говорили, говорили, говорили… Никак не могли взять в толк, откуда у этого юноши из далекой северной страны такое тонкое ощущение морской стихии? Как ему удается столь ярко и красочно запечатлевать ИХ пейзажи? И вообще… откуда это знание загадочной итальянской души?

Уже на следующее утро Ваня Айвазовский проснулся знаменитым. О нем писали в газетах. Местные поэты посвящали ему стихи. Многочисленные поклонницы одолевали с требованиями автографов.

Вершиной успеха стало приглашение в Ватикан. Сам Папа римский Григорий 16-тый решил приобрести одно из его полотен для своей картинной галереи.

Мгновенный и оглушительный успех вскружил юному художнику голову. Ваня Айвазовский порхал в облаках… Начал путать дни недели, людей и события. Даже трезвый Штернберг не мог вернуть лучшего друга в исходное состояние.

Отрезвление пришло внезапно. В один из дней Ваня должен был явиться Ватикан на прием к самому Папе римскому. Получить из его рук почетный диплом признанного живописца.

Каково же было потрясение юного художника, когда накануне вечером Вася Штернберг положил перед ним на стол кипу газет, в которых черным по белому, на чистейшем итальянском языке… (услужливые газетчики снабдили каждый экземпляр подстрочным переводом!), было написано! Вручение почетного диплома в Ватикане уже состоялось! Вчера!!!

Из газет следовало… Вчера после полудня в резиденции Папы римского Григория случилось скандальное событие…

На все лады римские газетчики описывали возмутительное, бестактное поведение самозваного представителя интересов русского художника. В воздухе запахло международным скандалом.

Нарушая все мыслимые правила приличия, одноглазый пират, даже не дослушав выступление Папы римского, выхватил из его рук почетный диплом и, небрежно сунув его себе под мышку, заявил:

— Э-э… да-арагой! С этим ясно. Садись, давай… поговорим!

Пират уселся первым, закинул здоровую ногу на деревянную и жестом (!) пригласил Папу римского присесть рядом.

Папа римский застыл в неподвижности. Пират продолжал:

— Скажи… монах! Что есть истина?

Из газетных строчек явствовало. Так прямо и брякнул, «монах»! Хотя каждому просвещенному человеку ясно, Папу римского следует называть «ваше высокопреосвященство». И никак иначе.

Надо отдать должное Папе римскому Григорию. Он внимательно посмотрел прямо в глаза Айвазяну и, едва заметно усмехнувшись, ответил:

— Истина… в Христе… безбожник!

На том аудиенция и закончилась.

Ваня стремительно шагал, почти бежал, по узким улочкам вечного города. Шел мелкий, противный дождь, но юный художник не обращал на него ни малейшего внимания. Сам того не замечая, он постоянно поворачивал направо. Наматывал круги вокруг центра.

Необходимо было срочно избавиться от чувства беспомощности и обиды, охватившего его после прочтения газет. Лучший друг Штернберг не мог помочь. Сам пребывал в оцепенении.

«Надо с этим покончить!», — в ярости шептал Ваня, даже не замечая, что топает прямо по лужам. «Этот пират Айвазян, кажется, и не собирается отплывать в свое грабительское плавание. Кажется, он просто задался целью — исковеркать художническую судьбу, мою! Надо что-то предпринимать! Решительное и конкретное!».

Ваня нашел Гоголя в одном из уютных кафе, что расположено под шатрами в первом переулке от Колизея, если идти строго на север. Великий писатель мелкими глотками пил кофе из

фарфоровой чашки и смотрел прямо перед собой в одну точку.

Напряженно думая, Николай Васильевич всегда тянул двумя пальцами кончик носа, будто пытался вытянуть его еще больше.

Увидев промокшего до костей Ваню, он встрепенулся и, радостно улыбнувшись, жестом пригласил юного художника составить ему компанию. Это было очень кстати. Ване было необходимо с кем-то посоветоваться. Иначе его просто могло разорвать изнутри. И Ваня сходу начал рассказывать.

На удивление Гоголь слушал очень внимательно и даже сосредоточенно. Понимающе кивал. И Ваня, постепенно успокоившись, подробно, шаг за шагом, рассказал Николаю Васильевичу все свои злоключения, начиная с того момента, когда впервые столкнулся с пиратом Айвазяном в зеркале.

Закончив излагать похождения пирата и свои неприятности с этим связанные, Ваня устало замолчал и поднял на Гоголя глаза, полные мольбы о помощи или хотя бы сочувствия.

Николай Васильевич недаром был великим писателем. Он ничуть не удивился исповеди. Даже наоборот, обрадовался! Перестал тянуть себя за нос и слегка шлепнул левой рукой правую, как шлепают расшалившихся детей.

— Вот что, голуба моя! Дело житейское! — спокойно сказал он, (Николай Васильевич всех, к кому относился с симпатией, без различия чинов и звания, называл «голуба моя»). — Не берите сие в голову…

Ваня ожидал чего угодно, только не такой обыденной реакции. Он даже слегка обиделся.

— Да… как, же так, Николай Васильевич!

Гоголь, еще секунду назад казавшийся абсолютно спокойным, вдруг резко переменился.

— А знаете ли вы, голуба моя… — неожиданно с раздражением спросил он, — … такого писателя, Г. Яновского?

Такого писателя Ваня не знал, отрицательно помотал головой.

— Так вот, голуба моя, этот самый Г. Яновский… — продолжал Гоголь с откровенной злостью, — … существо полумистическое. Таких я называю «мистиками». Разумеется, к чему я клоню, голуба моя?

Ваня не догадывался. Пока.

Николай Васильевич между тем все более распалялся.

— Пользуясь своей полуреальностью, этот… с позволения сказать, писатель Г. Яновский шляется по всем редакциям, заходит в светские салоны и морочит уважаемым людям головы! Будто бы… автор «Ревизора» он и есть! И будто… «Н. Гоголь», всего лишь… псевдоним! Это я-то — псевдоним!!! — возмущался

великий писатель. — … Наглость несусветная! Предлагает свои бездарные литературные поделки, и требует гонораров… ни с чем несоизмеримых!.. Как вам это понравится, голуба моя?

В знак солидарности Ваня Айвазовский возмущенно запыхтел.

Николай Васильевич продолжал, все более распаляясь.

— Берет взаймы крупные суммы, голуба моя, а отдавать-то мне! Был бы талантливый литератор, Бог с ним!.. Так ведь, бездарщина беспросветная!.. Представляете, голуба моя, какая обо мне молва идет по Петербургу?

— Я ничего такого не слышал… — попытался успокоить Гоголя Ваня, но безуспешно.

— Например! — возмущался Николай Васильевич, — … этот… Г. Яновский сделал предложение руки и сердца одной очень милой особе. Не буду говорить ее имени, чтобы лишний раз… вы понимаете? Голуба моя! — пытливо заглядывал в глаза Ване Николай Васильевич. — … Занял у ее отца сумму в ассигнациях и был таков!

Внезапно Гоголь вздрогнул, оглянулся по сторонам и резко понизил голос.

— Он тоже… где-то здесь бродит… — прошептал он.

— Кто? — не сразу понял Ваня.

— Г. Яновский… Он меня преследует…

— Не может быть!

— А письма отсюда… в Петербург! — яростно шипел Николай Васильевич. — Мне доподлинно известно… Г. Яновский послал отсюда, из Рима письмо самому Государю!.. Дескать, проигрался в карты в пух и прах, нахожусь в бедственном положении! И потребовал (!!!)… чтобы сам Государь… — Гоголь совсем понизил голос, — … создал фонд спасения великого писателя Н. Гоголя. А собранные средства направил сюда… на имя Г. Яновского…

Довольно долго оба собеседника молчали. Мелкий и противный дождь белесой пеленой покрывал вечный город.

Неожиданно Гоголь встрепенулся и посмотрел на Ваню таким взглядом, будто увидел впервые в жизни.

— Вы своих предков знаете? До какого колена? — спросил он.

— Ну… маменька, папенька…

К своему стыду Ваня плохо знал собственную родословную.

— Покопайтесь в своих предках, голуба моя. Наверняка, какого-нибудь Айвазяна откопаете… — заключил Гоголь. — … Переселение душ! «Мистики» и есть абсолютное переселение. Ничего другого. Мой Г. Яновский является моим прадедушкой по материнской линии… Ваш, наверняка, тоже. «Мистики» все на

одну колодку.

Честно говоря, ни в какое переселение душ Ваня Айвазовский не верил. Но существование «мистиков» реальный факт. А факты, как известно, упрямая вещь. От них не отмахнешься.

— Самое смешное… — горько усмехнулся Гоголь, — … что я сроду в руках карт не держал… — но увидев недоверчивый взгляд Вани, поспешно добавил, — Разве только так… по мелочи… Вовсе не для денег, а чтобы вечность провести…

Напрасно Николай Васильевич оправдывался. Всему Петербургу было известно, он страстный, картежник и мистификатор.

Собеседники опять долго молчали. Николай Васильевич жестом пригласил официанта, заказал себе еще кофе, а Ване Айвазовскому большую чашку куриного бульона. Что было очень кстати. Наш юный друг, промокнув до костей, находился на грани заболевания.

Великий писатель и начинающий художник сосредоточились каждый на своем напитке. И довольно долго не произносили вслух ни слова. Хотя у обоих было ощущение, будто беседа их продолжается.

— Подозреваю, голуба моя… — опять зачем-то оглянувшись по сторонам, продолжил Николай Васильевич, словно они и не прерывали разговор, — … что и у самого… — Гоголь выразительно потыкал пальцем вверх, — … даже у самого Государя Императора «мистик» есть!

Гоголь поспешно перекрестился. Ваня тоже. За компанию.

— Посудите сами, голуба моя… С одной стороны… умница, знаток искусств, тонкий ценитель музыки… С другой… солдафон, грубиян, ни одной юбки мимо не пропустит… и вообще! Как подобное укладывается в одной личности? — спросил он. И тут же сам себе ответил. — А никак! «Мистик»!.. — Гоголь вздохнул и даже сокрушенно покачал головой. — У всех «мистики». Век такой! А вы, голуба моя, говорите…

Полегчало ли на душе у Вани после откровенной беседы с великим писателем? Да и нет. Согласитесь, маловероятно, что ваша зубная боль утихнет, если вдруг увидите, как другому щеку разнесло. Всем известно, зубную боль каждый обречен переживать в одиночестве. Что ж тут говорить о «мистиках». Каждому свой.

«Господи!» — шептал бедный Ваня, бредя в свою мастерскую на окраине вечного города и поеживаясь от мерзкой погоды. «Скорей бы уж в Россию вернуться! Этот пират Айвазян, как ни верти, человек южный… Может в нашем северном климате

угомонится?».

Наивный Ванечка! Коварный и наглый Айвазян и не думал унимать свой пиратский темперамент. Он явно и жить торопился, и чувствовать спешил. Знал, ему отпущено совсем немного.

Но еще долго итальянские газеты с восторгом описывали пьяные дебоши и дикие выходки представителя молодого русского художника.

Петербург встретил юных художников необычайно теплой осенью. Будто по заказу, пора очей очарованья держалась в том году до самого первого снега. Друзья с головой окунулись в работы.

Ваня организовывал свою первую выставку в стенах Академии. Штернберг помогал и хлопотал о продлении своей заграничной стажировке. Дни кружились и мелькали, как листья в Летнем саду.

Первая персональная выставка в стенах родной Академии, это не кот начихал. Ваня Айвазовский волновался до дрожи в коленках. Признание за границей дело хорошее, но признание, (или НЕпризнание!), своих — приговор на всю жизнь.

Но все свершилось самым наилучшим образом. Морские пейзажи, привезенные Ваней из Италии, были одобрены высокой комиссией.

Общественность Петербурга приняла молодого художника. Конечно, на выставке не было того ажиотажа, что сопровождал выставки Брюллова или Иванова. Не было и ярких личностей из поэтических и литературных кругов. Но факт рождения талантливого художника-мариниста признали все. Газетчики писали об этом с откровенной доброжелательностью. Что, честно говоря, не очень-то свойственно газетчикам.

Не преминул сунуть свою ложку дегтя в общую бочку с медом разбойник Айвазян. Уже на следующий день после открытия выставки на базарах (?!) и толкучках появились жалкие, уродливые копии всех Ваниных итальянских пейзажей. Ваня был вне себя! Если бы (не дай Бог!) столкнулся с Айвазяном, разорвал бы на куски. Но пират предпочитал не показываться в зеркале. Словно чувствовал, терпение юного художника лопнуло. Близок финал.

За час до закрытия выставки перед Ваней возник некий субъект. Довольно противной наружности. С бегающими глазками.

— Позвольте представиться! Г. Яновский!

Ваня мгновенно напрягся, весь подобрался.

— Автор скандального «Ревизора». Слышали, небось? — усмехаясь, продолжил субъект.

Ваня Айвазовский вспыхнул, как шведская спичка. Даже ярче.

— Сударь! — дрожащим от волнения голосом произнес Ваня, — Вы… вы, сударь, негодяй и мерзавец! Я вызываю вас!

Ваня начал судорожно шарить по карманам, совершенно забыв, что никаких белых лайковых перчаток у него сроду не водилось. И швырять в лицо подлому Г. Яновскому совершенно нечего.

«Мистик» великого Гоголя до жути перепугался и мгновенно растворился в толпе.

— Молодец, юноша! — одобрил поступок Вани какой-то проходивший мимо офицер с угрожающего вида усами.

— Шулеров и самозванцев… канделябрами надо! Канделябрами!

Только глотнув холодного осеннего воздуха, Ваня смог перевести дыхание. «Канделябрами надо!.. Канделябрами!» — звучал в его ушах голос бравого офицера. И Ваня Айвазовский решился…

В маленьком магазинчике, что на Гороховой улице, Ваня долго приценивался. Выбирал канделябр покрупнее, поувесистее!

Легкая заминка возникла, когда приказчик неожиданно объявил. Канделябр продается только в паре с другим. Продать один он никак не сможет. Накладно и все такое.

В кармане у Вани никак не хватало на оба канделябра. Это он знал совершенно точно. Не оставалось ничего другого… Ваня схватил канделябр с прилавка, прижал его к груди и с такой ненавистью взглянул на приказчика, что тот мигом стушевался. Начал извиняться, кланяться и даже проводил до двери.

Увидев юного художника, стоявшим посреди каморки, дрожащим от праведного гнева, с канделябром в руке, пират Айвазян испугался.

— Юнга-а! Юнга-а! Не нада… волноваться! Давай решим наши разногласия… консенсусом! — начал бормотать он, выставляя вперед себя руки, в надежде сдержать порыв Айвазовского.

Но было уже слишком поздно.

— Ничтожное существо! — вскричал Ваня, не двигаясь с места, презрительно глядя на пирата. — Ты исковеркал всю мою жизнь!.. ***Ты*** погубил мою молодость!.. Если б не ты… низменное создание, из меня бы получился великий художник!.. — бедный

Ваня уже плохо контролировал себя, выкрикивая справедливые обвинения, — Я бы мог стать Орестом Кипренский!.. Карлом Брюлловым!!! Все погибло!!! Но я расквитаюсь с тобой… карикатура на человечество!!!

Ваня сделал решительный шаг к зеркалу. Айвазян неловко поджав под себя деревянную ногу, опустился на колени.

— Юнга-а!.. Ванечка-а!.. — испуганно зашептал он. — … Что ты делаешь?.. Неужели ты до сих пор не понял?!

— Знать ничего не желаю… — медленно, сквозь зубы, пробормотал Айвазовский.

Он сделал еще один шаг к зеркалу. Пират схватился за голову.

— Ведь ты… это я!.. А я… это ты! В другом воплощении!!!

Но удержать юного художника уже не смогло бы даже внезапно случившееся землетрясение во всем Петербурге.

Ваня Айвазовский сильно размахнулся и изо всей силы трахнул канделябром прямо по зеркалу…

Прогремел какой-то странный гром…

Ослепительно вспыхнуло и тут же погасло хмурое небо за окном…

Зеркало разлетелось на множество осколков…

Ваня Айвазовский прикрыл глаза ладонью, и несколько минут стоял так, в неподвижности… с канделябром в руке…

В Петропавловской крепости выстрелила пушка… Странно. Ведь было около десяти часов вечера… Отнюдь не полдень.

Наутро стекольщик вставил в створку старого платинного шкафа новое зеркало. В нем отражалось только то, что было в действительности. Никаких пиратов, никаких «мистиков».

Ваня аккуратно собрал осколки прежнего зеркала в коробку из-под обуви и выбросил на помойку за углом дома.

Странное дело. Никакого облегчения юный художник не ощущал. Более того, возникло странное чувство, будто он собственноручно вырвал из груди кусок собственной души. И в том месте, (где-то чуть справа от сердца), образовалась пустота-а…

Это место непонятным образом ныло… болело… подчас не давало свободно и легко дышать…

Ваня Айвазовский всегда много трудился. После происшествия в убогой каморке на Васильевском острове стал просто одержимым. Друзья поражались фантастической работоспособности. Из-под его кисти выходили все новые и новые незаурядные полотна… Известность пришла к нему

стремительно, но Ваня будто и не заметил ее.

Будто на старых черно-белых фотографиях мелькали перед ним события его собственной жизни… Но ни одно из них не трогало.

Как сторонний наблюдатель взирал он на собственную свадьбу с англичанкой Юлией Гревс. А через несколько лет, после череды унылых скандалов, на тянувшийся бесконечно долго, развод…

Со спокойным достоинством внешне и с откровенной скукой внутри, уже в тридцать лет Иван Айвазовский, как бы со стороны, наблюдал за вручением ему звания почетного академика в Петербурге…

Работа, работа… Выставки, выставки… Поездки по всему миру… Париж, Лондон, Нью-Йорк, Мадрид, Лиссабон, Прага, Москва…

Толпы людей в разных концах света восторженно рукоплескали Ивану Айвазовскому…

Ничто не затрагивало его души… Ничто не волновало, как прежде. Будто весь мир потускнел и померк. Яркие краски и чувства бушевали только на его картинах… Жизнь же Ивана Константиновича была сплошной бесконечной серой полосой… Пока однажды…

… однажды после очередной московской выставки, уже на улице его окликнули.

— Иван Константинович! Вы… меня не узнаете?

Иван обернулся. Перед ним стояла совершенно очаровательная молодая женщина. Сам бы к такой Иван ни за какие коврижки не посмел подойти. Внутри он так и остался застенчивым подростком.

Иван виновато пожал плечами и отрицательно помотал головой.

— А та-ак… — со смехом спросила женщина. И неожиданно очень широко раскрыла свой очаровательный рот. Будто бы от удивления.

Иван мгновенно вспомнил.

— А-анечка-а! — радостно вскричал он.

Без всякого преувеличения можно утверждать, от улыбки Анечки Саркисовой в ушах Ивана Константиновича зазвучали сразу несколько оркестров, исполняющих симфонию на всех мыслимых инструментах, какие только есть в наличии у музыкантов всего мира. А сам мир мгновенно стал разноцветным и заиграл всеми цветами радуги.

Женщины существа высшего порядка. Этот тезис даже в научных кругах не обсуждается. Женщина, самим фактом своего существования, даже ничтожное существо способна возвести в ранг достойного гражданина. Добропорядочного и законопослушного. Что уж говорить о такой творческой личности, как живописец.

Восторженно встретила провинциальная Феодосия молодую жену известного художника. В день их свадьбы полк наездников-джигитов даже устроил конные состязания в ее честь.

Иван Айвазовский с первого дня развил бурную деятельность. Купил участок земли, и начать строить на берегу моря свой дом. Медовый месяц прошел под знаком строительства.

По замыслу дом должен быть просторным и светлым. С мастерской и небольшим выставочным павильоном.

Строители во все времена были самым бестолковым народом. За ними нужен глаз, да глаз. **Иван** Константинович отслеживал все этапы строительства. Вносил коррективы, изменения… Анечка постоянно рядом. Так они и ходили, взявшись за руки…

Иван Константинович был особенно придирчив при возведении мастерской. ***У*** него уже возникли мысли о молодых художниках, его будущих учениках. Молодых должна привлекать его мастерская, как перелетных птиц свет маяка.

Весной следующего года, по завершении строительства, Иван Константинович устроил для жителей Феодосии большой праздник. Повод самый основательный!.. Двадцать лет его творческой деятельности. Можно подвести кое-какие итоги.

Праздник получился пышным, веселым, многолюдным. Весь день празднично одетые феодосийцы группами собирались во дворе и на улице около дома художника. В родном городе и его окрестностях не было человека, который бы не знал Айвазовского в лицо. И не гордился бы своим знаменитым земляком.

На море, напротив дома художника, постоянно барражировали лодки с рыбаками. Женщины и девушки бросали цветы. Отовсюду звучала музыка. И вдруг… тишина. Все повернулись к морю…

В бухту входила эскадра кораблей. Это Севастополь прислал своих представителей поздравить художника. С кораблей доносилась громкая военная музыка.

А в полдень открылась выставка картин знаменитого художника в его новой мастерской…

Вечером в саду был устроен бал… Поздно ночью… фейерверк!

Еще долгие годы жители скромного провинциального городка вспоминали тот праздник, который им подарил художник…

Айвазовский всегда много работал. Порой изнурительно много. Можно только поражаться, откуда он черпал силы еще на так называемую, «общественную деятельность»?

Городской водопровод, железная дорога, благоустройство порта, детский приют, городская гимназия… всего и не перечислишь. На собственные средства Айвазовский выстроил в родном городе здание для Музея древностей. И несколько фонтанов.

Каждый день в один и тот же утренний час, знаменитый художник совершает прогулку по городу. Его узнают и здороваются все. По завершении прогулки Иван Константинович направляется в свою мастерскую. Работать, работать.

Но иногда, особенно в дни полнолуния, великий старик выходит к морю и, глядя куда-то на линию горизонта, тоскливо шепчет:

— 0-оник! 0-они-ик! Где ты?.. Отзовись…

Жители провинциального городка почему-то считают, у великого художника кто-то погиб на море.

В эти же дни его часто видят в беседке на самом берегу моря. Наиболее любопытные, незаметно подойдя к ней, могут услышать, как преклонного возраста художник вдохновенно беседует сам с собой. Причем, на разные голоса.

Обычно обвиняющим тоном говорит один. Звонким, почти юношеским голосом. Ему, со смехом, отвечает другой. Более низкий, и с явным кавказским акцентом.

Подслушивающие ничего не понимают в этом разговоре. Потому как обсуждаются проблемы дней давно минувших.

Жители маленькой Феодосии снисходительно относятся к этой причуде великого художника. Почему бы и нет… Почему не побеседовать с умным человеком…

ВАСНЕЦОВ ГЛАЗАМИ СКОМОРОХОВ

«… Чтоб в городе, и в слободе, и в уезде мирские люди, и жены их, и дети в воскресные дни к церквам Божиим приходили и стояли смирно, и слушали церковного пения со страхом и смирением, и скоморохов с домбрами и с гуслями, и с медведями, и со всякими играми к себе в дом не призывали. В карты и шахмоты не играли, и никаких бесовских игр не творили, и сами не плясали, и в ладоши не были, и кулачных боев меж собой не делали, и на качелях никаких не качались, А где объявятся домбры и гусли, и хари, всякие бесовские инструменты велю вынимать и, изломав, жечь!..»

Из Указа царя и великого князя всея Руси Алексея Михайловича.

1

О том, что скоморохи давно вымерли, как динозавры, Витя Васнецов слышал с самого раннего детства. Старенькая бабушка каждый вечер приобщала его к собственному устному творчеству. Не мудрствуя лукаво, старушка всех великанов, богатырей и просто добрых людей скопом зачисляла в скоморохи.

Так в сознании мальчика и отпечаталось на всю оставшуюся жизнь. Скоморохи — это веселые, смелые и безусловно необычные люди. Через всю жизнь мальчик Витя Васнецов пронес этот интерес к далекому и загадочному племени. Каждый раз, сталкиваясь с незаурядной личностью, с неординарным человеком, в его голове мелькала мысль, «Не скоморох ли?».

Едва выучился читать, им тут же овладела страсть. Застать в книге картинку врасплох. У мальчика было абсолютное убеждение, если резко открыть ту или иную страницу, в ней можно подловить движение. Ведь в книге, пока она закрыта, наверняка, все как в жизни. Иначе и быть не может. Деревья

качаются, люди разговаривают, размахивают руками, лошади скачут…

Раз за разом подловить жизнь на картинках все не удавалось. Но юный Витя не унывал. Быстро разочаровываться было не в его характере. Он начал перерисовывать картинки. Создавать собственные варианты. И таким способом «оживлять» застывшую жизнь.

Чем больше мальчик читал, тем настойчивей искал сведения о скоморохах. Во что одевались? Где жили? Что ели? Где ночевали? О чем мечтали? Искал. И ничего не находил. Почему его так влекло далекое и загадочное племя, он и сам толком объяснить не мог.

Знакомство со скоморохами откладывалось на неопределенное время. Но, кто ищет, тот находит.

Рябово деревенька маленькая. Дворов-то всего ничего. На руках пальцев хватит, чтоб пересчитать. Зимой снегом завалит по самые крыши, ее и вовсе не видать. Можно мимо проехать и не заметить. Только трубы из-под сугробов торчат, слегка дымятся. Да церковная колоколенка возвышается над снегами.

В особо снежные зимы у рябовцев две заботы. Как откопаться поутру. И как дров успеть заготовить к вечеру. Наколоть двор, это вам, не кот чихнул. Уметь надо. Попадаются такие сосновые чурки, в три обхвата. Ни топором, ни колуном ее не возьмешь. Тут без клина никак не обойтись.

Едва научившись ходить, мальчик Витя уже за топор хватался. Чтоб силу богатырскую добыть. Весь скоморохи, как известно, все сплошь богатырями были.

Развернись плечо, размахнись рука! Мальчуган Витя, (сам от горшка два вершка!), отчаянно сражается с чурбаками всех пород. С сосновыми полегче, а вот с березовыми, просто беда. Хитрят, так и норовят улизнуть в сторону в самый последний момент.

Развернись плечо, размахнись рука! Это только со стороны кажется, мальчуган Витя дрова колет. Чудо-Богатырь, сам Виктор-Победитель сражается со Змеем Горынычем! А голов у того не три, а целых тридцать три. Да и другие набегают… Кикиморы болотные, оборотни всех мастей. Так и проходит детство в сражениях со всякой нечестью.

Одна беда, вчера, вроде, всех победил, всех уложил. Во-он какая поленица в сенях возвышается. А сегодня поутру опять все снова-здорово. Опять набежали Змеи Горынычи. Ох, много сил иметь надо, много отваги и терпения, чтоб всякую нечисть победить.

Иной раз до слез обидно, зла никак меньше не становится.

— Не боюсь! Не боюсь! — шепчет мальчуган, богатырь-Витя, а у самого душа давно в пятки спряталась.

Лесная дорога плавно вьется сквозь строй высоченных стволов. Середина дня, а в дремучем бору сумерки. Справа и слева от дороги зеленые огоньки вспыхивают. Волки совсем обнаглели. Средь бела дня норовят на дорогу выскочить. Подвывают из чащи. Не в полный голос, правда, не как ночью, но все равно, страшно.

— Не посмеют! Не нападут! — шепчет Витя и заставляет себя топать по зимней дороге размеренно и спокойно. Маменька отправила в соседнюю деревню больную бабушку навестить.

Над головой полоска неба голубого, вдоль дороги ели все в инее. На редких полянах сугробы горами возвышаются.

Сзади гулкое топанье копыт, фырканье лошади. Витя отступил в сторону, в сугроб по колено. Мимо мужик на санях проезжает.

Мальчик, радуясь живому человеку, приподнял шапку. Мужик, не выпуская вожжей, приподнял свою.

«Как богатырь богатырю!» — пронеслось в голове Вити.

Мужик натянул вожжи, остановил сани. Явно нездешний.

— Не страшно, одному-то?

Мальчуган Витя отрицательно замотал головой. Мужик усмехнулся, жестом пригласил в сани. Мол, вдвоем веселее.

Гулко топают копыта по твердому насту дороги. Мелькают стволы деревьев-великанов. Сказочные места. Только конь недовольно фыркает, кося глазами направо налево. Волков недолюбливает.

В десятилетнем возрасте Витю Васнецова отправили в Вятку. В Вятское духовное училище. Торной дорогой дедов и прадедов. Куда еще-то мог пойти сын сельского священника.

Вятка город древний. Раньше Хлыновым назывался. Екатерина Великая переименовала. Основали Хлынов еще семьсот лет тому назад. И не какие-то добрые поселяне, а новгородские ушкуйники. Ушкуйник тоже самое, что разбойник. Хлыновцы жили вольно, Москве покорились чуть ли не самыми последними. Даже против Золотой Орды лихо воевали, но в свой город так и не допустили.

Витя по городу ходит стремительно, быстро. На прохожих поглядывает с опаской. Как никак, потомки разбойников. В своей деревне в одиночку ходить никогда не страшно. А здесь… Дома-хоромы разбегаются на улицы — крест-накрест, крест-накрест, да

все теснятся, друг к дружке прижимаются, будто боятся чего.

В Рябове все свое. Свой простор, свой лес, свои луга. Там ничего не страшно. А здесь сплошное многолюдье. Все куда-то спешат, торопятся. Так и норовят оттолкнуть в сторону.

Тишина и спокойствие только у стен Трифоновского монастыря. Здесь и передвигаются не так стремительно. И разговаривают не так громко. Только возле стен монастыря и чувствует себя Витя Васнецов увереннее.

Первое же занятие посетил необычный человек. Ректор! Лицо у него строгое, глаза глубокие. В них тайна светится, недоступная простым смертным. Тайна сильных мира сего.

— Будущая ваша жизнь принадлежит Богу и людям, — властным и сильным голосом объявил он ученикам. — Не познав божественного, вы не сможете быть полезным людям. Не познав человеческого, не сможете служить Богу. Помните об этом.

«Из скоморохов!» — определенно заключил мальчик Витя. Ведь дураку ясно, только скоморохи могут так просто и доходчиво объяснить самое сложное.

Риторика, богословие, физика и математика. И, наконец-то! урок рисования. Тайная страсть — оживлять свои фантазии, когда-то виденные картинки, отнюдь не угасла в мальчике. Напротив. С каждым уроком вспыхивала все ярче.

Учитель Николай Александрович Чернышев был из другой, но тоже явно «скоморошьей» породы. По классу ходил, ничего не видя перед собой. Ни учеников, ни стульев. Часто спотыкался, натыкался на столы. Весь в себе.

Ученики его вовсе не боялись. Знали, он добрый. Не накричит, не накажет. На его уроках можно хоть на голове стоять. Некоторые и становились… В буквальном смысле ходили на руках по проходам между столами. Николай Александрович и на это не обращал ни малейшего внимания.

— Посмотрите! — увлеченно говорил он. Скорее самому себе, нежели ученикам. — Вот куб! Поглядите внимательно. Какие тени на нем, какие от него. Рисуйте, рисуйте!

Одни щелкали семечками, другие читали книги, листали журналы. Рисовал только один. Витя Васнецов.

— Недурно!

Витя вздрогнул. Возле его стола, склонив голову, стоял учитель.

— Штрих излишне жирен. Легче надо… Вот так…

Николай Александрович взял из его рук карандаш, быстро подправил рисунок. Витя, затаив дыхание, наблюдал.

Но урок быстро кончился. Учитель, забрав куб, никого и

ничего не замечая, ушел из класса. Витя Васнецов тут же побежал к старшему брату, благо он всегда рядом, тоже ученик училища. Возмущенно рассказал о недостойном, «небогатырском» поведении учеников.

— Бог с ними! У каждого свой путь. Тебе интересно, ты рисуй. Николай Александрович художник талантливый. Заметит твое старание, пригласит к себе в иконописную. Вот увидишь!

В иконописной мастерской Николай Александрович уже совсем другой человек. Ходит быстро, глаза горят, говорит вдохновенно. Каждый урок начинает с изучения старых икон.

— Вот, посмотрите! — жестом приглашает он небольшую группу учеников. — Васнецов! Подойди ближе. Вот! Это и есть… строгановское письмо! Посмотрите на нимбы вокруг головы. Это не золотая краска, это сам свет. Здесь от всего исходит свет. От рук, ног, одежды… Посмотрите на лицо. В глазах… мировая печаль. Верно? Скорбное лицо. Но скорбь тоже должна быть светлой. Утешительной. Наши предки это прекрасно понимали…

Николай Александрович говорит, говорит… Ученики, раскрыв рты, слушают. Внимают. Лицо Вити Васнецова светится счастьем. Его учитель, Николай Александрович Чернышев, явный «скоморох и богатырь». Иначе и быть не может.

Учитель заставляет учеников копировать иконы. Трижды, четырежды повторяет непонятное. Радуется, как ребенок, когда получается. Огорчается до слез, когда не выходит…

И вдруг, удача! Заказ на целую серию рисунков для альбома народных пословиц и поговорок. Сам господин Трапицын, местный меценат, собирается издать альбом маленьких жумчужин народного творчества. Но задача трудна. Рисунок должен иллюстрировать мысль. А мысль должна рождаться рисунком.

Еще на первой встрече Трапицын экзаменовал Виктора:

— Вот вам расхожая мудрость. Человек предполагает, а Бог располагает. Как нарисуете?

Ответ Васнецова был мгновенным.

— Речка, мужик и лошадь, провалившаяся под лед.

Трапицын секунду подумал и одобрительно кивнул.

— Я не ошибся в вас!

Везение! Ему, еще семинаристу, уже доверили сложный заказ. Несколько десятков рисунков для альбома. Удача!

Юный Виктор еще не знает другой мудрости. Удача приходит только к тем, кто ее заслуживает. Но это потом. А сейчас…

Виктор Васнецов вприпрыжку летит по улочкам Вятки. Никогда не умел просто ходить, гулять, прохаживаться. Всегда летел. Хотя иногда спохватывался, приказывал себе идти медленно, степенно, обозревая окрестности. Но через минуту, увлеченный новой мыслью, новой картиной в воображении, опять переходил на пробег.

До последнего дня жизни этой стремительной походкой он будет выделяться в толпе любого города. Вятки, Петербурга, Москвы…

— Надо тебя со Слюнкиной познакомить! — неожиданно заявил на очередной встрече Трапицын.

— Зачем? — недоуменно спросил Виктор.

— Хозяйка писательница, красавица. Что само по себе уже… А потом. У нее такие люди собираются! Сплошь либералы!

Трапицын почему-то от восторга даже руки потирал.

— Вы семинарист? Значит, веруете?

— Я верую. — ответил Виктор.

Его допрашивала молодая красивая девушка. Хозяйка квартиры. Глаз не поднимала, перекладывала на столе свою рукопись. Виктор и Трапицын слегка опоздали, читка уже началась. Было неудобно. Все-таки, хозяйка известная писательница.

«Я не люблю попов, ни наших, ни чужих —
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви, иль попы свободы —
Все подлецы. Всех к черту! Что нам в них?»

Вдруг раздался из угла протяжный и довольно противный голос.

Виктор обернулся, посмотрел на читавшего подобное. В ответ на него вызывающе вытаращился смешливый, ехидный тип с зелеными кошачьими глазами. Явно ждал ответа.

— Если вы веруете во что-то дурное, я лучше уйду! — твердо ответил Виктор.

Хозяйка поднялась из-за стола и медленно подошла к Виктору. Протянула руку. Виктор взял руку и не знал, что с ней делать. Поцеловать или что? Просто пожать.

— Меня зовут Мария Егоровна.

— Виктор. Васнецов.

— Не обращайте на них внимания. — девушка небрежно кивнула в сторону гостей. — Они скучные. А вы, кажется, нет.

Но ее опять прервали. Опять тот тип, который сидел в углу, разразился цитатой:

— «Каждый: кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду».

Довольный собой, откинулся на спинку дивана, закинул ногу на ногу. И опять вызывающе вытаращился на Васнецова.

Спас положение Трапицын.

— Васнецов! — воскликнул он каким-то торжественным и даже официальным голосом. — Нарисуй портрет Марии Егоровны. Ведь грех не запечатлеть такую красоту!

— Я… не знаю, — пробормотал Виктор.

— А если я сама попрошу вас? — спросила хозяйка.

— Сложно.

— Чем же? — удивленно настаивала Мария Слюнкина.

— Да тем, что красавица! — вставил Трапицын.

Опять по гостиной смех, смех. Какой-то нехороший, злой.

— Да, нет. Дело в том… Возможно я бы и рискнул. Но ваше лицо знать надо. Много смотреть надо.

— Так бывайте у меня! — строго сказала Мария. И жестом прервала смех своих друзей.

— Мне нужно смотреть на вас, когда вы одни. — искренне и просто ответил Виктор.

В тот вечер Виктор ненадолго задержался в веселой компании. Не понравились они ему. Все, поголовно.

«Они против Царя. А всякая власть от Бога. Они, кажется, и против Бога. Нет, нет…» — покачивая головой, обегая лужи, в избытке разбросанные по всей Вятке, шептал Виктор.

Впоследствии он довольно часто вспоминал чистую и светлую квартиру Марии Слюнкиной. Но ее гости были явно «не богатыри». «Скоморошьего» духа в той квартире не было и в помине. В ней витал другой дух, либерализма. А к либералам Виктор инстинктивно относился настороженно. С подозрением.

В одно прекрасное утро в семинарию влетел взмыленный архиерейских служка. Потный и испуганный.

— Васнецов! Забирай все, что намалевать успел и бегом! Бегом к Самому! Немедля требует!

Виктор не на шутку испугался. Наказать хотят? За что? Из рисунков отбирал самые лучшие. Служка подгонял, приплясывал на месте от нетерпения.

— Скорей, ради Бога! Он опозданий не терпит!

До архиереевских покоев оба вприскочку рысью шпарили. Обгоняя редкие коляски с лошадьми.

У архиепископа лицо сухое, морщинистое. А глаза молодые и лучистые. В самых их уголках даже «скоморошинки» прыгают. Или так только кажется.

— Кладите рисунки прямо на пол. Удобнее будет.

Виктор послушно разложил рисунки на полу вдоль стены. В порядке очередности написания.

Архиепископ медленно идет вдоль ряда. Наклонятся, внимательно разглядывает. Вокруг толпятся священники рангом пониже. Но смотрят не на рисунки, на Самого.

— Выразительно. А вот этот печальный ангел, думаю, надолго в памяти останется.

— Лепо, владыко! Лепо! — хором запели священники.

Архиепископ долго и внимательно смотрел в глаза Виктору. Неожиданно вынул из кармана глиняную свистульку, что мастерят бабы в Дымковской слободе.

— Скажите, молодой человек. Что вы думаете по этому поводу? Откуда в простой бабе чувство меры, ритма, цвета?

— Думаю… — неожиданно для себя хриплым голосом ответил Виктор. — … все это от радости, от сказки.

— Вам поручается расписать новый храм. — медленно и спокойно сказал архиепископ. — Не одному, разумеется! Будете под началом у прекрасного художника, мастера. А потом… Поглядим потом.

— Подойди под благословение! — шепнули Виктору.

— С Богом, Васнецов! С Богом! — сдержанно молвил архиепископ.

Кивнул кому-то из окружения. Ему тут же подали большую книгу. В руках архиепископа оказалось прекрасное издание «Слово о полку Игорева».

— Не читывали?

Виктор отрицательно помотал головой.

— Завидую завистью лютою. Вам предстоит прикоснуться к непревзойденной красоте слова. «Дети бисови кликом поля перегородиша!». Это подумать только! — Архиепископ даже руками всплеснул. — Дети кликом поля перегородиша!

Васнецов во все глаза на архиепископа смотрит. А от того, как от иконы, свет золотистый исходит. Свет радости.

Радостный и восторженным уходил семинарист Васнецов от архиепископа. Как бы зараженный его золотистым свечением. Шел по Вятке медленно, рассеянно глядя куда-то вперед… Впервые в жизни шел медленно, не торопясь.

Будто боялся расплескать переполнявшее его.

Но уже через день навалилось иное состояние, иное самочувствие. Горбом своим ощутил, что это за каторжный труд, художество.

До судорог сводит мышцы на спине, рука просто немеет от постоянного напряжения, глаза слезятся. Кажется, мешки на баржу таскать и то легче, нежели за кисточку с утра до вечера держаться.

Засыпал мгновенно, будто в темную яму проваливался. Зато просыпался с радостью в душе необыкновенной. Петь хотелось и кричать на весь свет. По пути в собор, казалось, чуть оттолкнись от земли и полетишь. Полетишь…

Книги, книги, чтение. Рисунки, рисунки, учеба. Как-то вовсе незаметно детство перетекло в отрочество. А оно, в свою очередь, преобразилось в юность.

Время, особенно в ранние годы, не просто стремительно течет. Галопом скачет, будто тройка обезумевших от свободы лошадей. Вырвались во чисто поле и мчат, все дальше и дальше…

А что там впереди? Бог ведает.

Перемены всегда сваливались на Виктора неожиданно. Только потом, задним числом осознавал. Отнюдь Ненеожиданно. Все закономерно. Одно тянет за собой другое. Одно вытекает из другого.

В один из дней вызвал к себе в кабинет Ректор. Тот самый, с глазами, в которых большая тайна светилась.

Сказал уж вовсе неожиданное:

— Подготовка к священному сану, дело благое. Но священников и без вас на Руси много. А Рублев один. У вас дар, юноша. Им пренебрегать никак нельзя. Вам в Петербург надо в Академию художеств. Если закопаете свой дар в землю, рано или поздно, ожесточитесь. И священника путного из вас не выйдет. Подумайте об этом. Если решитесь, поезжайте. Только разрешение у батюшки спросите. Без родительского благославения никакого дела начинать не следует.

Замолчал и к окну отвернулся. Видимо, самому нелегко было подобные слова произнести.

— Я готов благославить вас на стезю живописца. Только прежде посоветуйтесь с отцом. Его слово решающее.

Ничего больше не сказал Ректор. Даже и не смотрел на Виктора. Что-то за окном разглядывал. А что за окном? Чистое поле, да дорога до самого горизонта тянется.

2

Дорога до Петербурга была бесконечно долгой. Из Вятки пароходом по Каме, по Волге до самого Нижнего Новгорода. Потом по железной дороге до Москвы. Подъезжая в стоглавой, все в окно выглядывал, надеялся Кремль увидеть. Не разглядел.

С пересадкой очень удачно получилось. Приехал на Казанский, а Николаевский вокзал прямо через дорогу. Времени до отхода было достаточно, но с вокзала не уходил. Боялся поезд пропустить. Билет купил и до самого отхода в вагоне просидел.

До Петербурга доехал и дорогу в Академию без труда нашел. Спасибо учителю рисования, Николаю Александровичу. Тот на словах не раз объяснял, как найти. И даже на бумажке нарисовал. Через Невский проспект, через мост по набережной. Там и она, Академия.

В самой Академии тоже не заблудился. Хотя и немудрено было. Коридоры, лестницы, все равно что город. Люди добрые помогли. Подошли, расспросили, откуда? Где остановился? Провели, нужную дверь указали. И даже адрес дали, где дешевые комнаты сдают.

В Академии, оказалось, отнюдь не звери кругом. И неслучайно. Ведь само имя — Академия художеств! — звучало как… Его Императорское величество!

Подлинное счастье густым туманом обволокло Виктора Васнецова. В тот день на жесткой койке в убогой каморке долго уснуть не мог.

В Петербурге все быстрее, поспешнее, нежели в Вятке. А уж о Рябове и говорить нечего. Экипажи, коляски несутся по Невскому, будто на пожар. Прохожие на улицах, в переулках бегают, будто наводнение надвигается. Даже швейцары у парадных дверей и те спокойно стоять не могут, пританцовывают, притоптывают.

В Петербурге и дыхание-то перевести некогда. Поразмыслить, подумать. Оценить окружающее и свое место в нем.

Экзамен в Академию Виктор «с треском» провалил. Вернее, почему-то решил, будто провалил. Никакого «треска» и в помине не было. По ошибке в списки принятых внести забыли. А он по природной застенчивости, постеснялся в ректорат зайти, поинтересоваться. Выяснилась эта нелепость только через год… Но и тут не пропал. Добрые люди посоветовали на курсы к Крамскому пойти. При обществе поощрения художников. Стало быть, Судьба!

Сам Крамской оказался довольно невзрачным человеком. И одет был как-то невыразительно. Но с момента его появления в мастерской тут же возникала приподнятая атмосфера.

Виктор про себя отметил, что «не очень-то он скоморох», но созидательная энергия в этом человеке била через край. Хоть он и голоса никогда не повышал. И руками не размахивал.

Птица-Тройка Времени несется вперед и вперед. Бешено скачут кони. Искры летят из-под копыт. Новые лица, друзья, знакомства…

— Висницо-ов плишо-ол! — радостно приплясывают и кричат дети генерала Ильина на пороге классной комнаты, где обычно учителя дают им уроки. Виктор, улыбаясь, быстро снимает пальто.

— Висницов, милый! Что сегодня рисовать будем?

— Помните Пушкина?

«У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом…»

— Лукомолье… оно какое? — строго спрашивает младший Коля.

— Ах, замечательно! — хлопает в ладоши старшая Машенька.

Из всех многочисленных учеников, дети генерала Ильина самые воспитанные, самые послушные, почти «маленькие скоморошки».

В этой семье Васнецов чувствует себя, как среди родных.

Уже работа сама ищет художника. Наделенный от природы даром простоты, Васнецов теперь нарасхват в популярных журналах. Ему заказывают сразу две азбуки. «Солдатскую» и «Народную».

В первой более тридцати рисунков, во второй около пятидесяти. И каждый прост, выразителен, незатейлив. Успех азбук продолжителен и постоянен.

«Солдатская» за восемнадцать лет будет напечатана в тридцати тиражах. «Народная» за двадцать лет в двадцати пяти. Если только представить, сколько людей, всех сословий, учились в детстве грамоте по рисункам художника, голова может закружиться от их неимоверного количества.

Судьба всегда одной рукой одаривает, другой отбирает. Из Рябово пришла горестная весть, скончался отец. Всего на полтора года пережил матушку. Стало быть, все младшие братья, как ни верти, остаются сиротами. Естественно, Виктор помчался в родной дом. Теперь вся ответственность на нем.

По пути не удержался, забежал в Вятке в местный музей. Посмотреть, что нового. Еще десяток лет назад музей организовал просвещенный вятский человек, Петр Алябьев. Минералы, гербарии, чучела. В семинарский период Васнецов был постоянным посетителем.

Едва переступил порог, к нему на грудь кинулся какой-то вовсе незнакомый ошалелый тип.

— Васнецов! Знаменитость вы наша, вятская!

Рядом в зале весело засмеялись две симпатичные девушки. Виктор как мог попытался отделаться от незнакомца.

— Помилуйте! Какая я знаменитость?

— Как же! — восторгался тип, пытаясь обнять Виктора. — Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Видели ваши рисунки в журналах…

Девушки продолжали смеяться. Тип решительно напирал:

— Вот что, Васнецов! Предлагаю договор. Вы прославляете наш край, вятский. Мы сооружаем вам памятник. По подписке.

Виктор совсем окаменел, как минерал, от такой глупости.

— Идите к нам! — весело позвала румяная девушка со строгими глазами. — Мы вас спасем.

Васнецов решительно направился к девушкам. Энергичный тип, как и следовало ожидать, за ним не последовал.

— Вы кто, писатель? — спросила та, что со строгими глазами.

— Пытаюсь рисовать…

— Вот и напишите портрет моей подруги! — вмешалась другая, смешливая с ямочками на щеках.

— Вот и напишу! — неожиданно для себя заявил Виктор.

По крохотным залам музея протискивались уже втроем.

— Как меня зовут, вам знать не очень-то интересно! — продолжала та, что с ямочками. — А вот ее…

— Александра Владимировна! — строго сказала девушка со строгими глазами. И еще строже добавила. — Рязанцева!

— Виктор. Васнецов! — представился Виктор и уже совсем невпопад брякнул. — Может быть… в храм сходим?

Девушка с ямочками просто зашлась от смеха.

— Уже и в храм зовет. Прямо сразу…

— Я не то имел ввиду… — начал оправдываться Виктор. — Просто посмотреть росписи. Я когда-то тоже участвовал…

Слово, как известно, не воробей. Определенно, сама Судьба

уже при первой встрече с Сашей Рязанцевой, просто вытолкнула из уст Виктора именно ЭТИ слова. А не какие-то там другие.

От Судьбы не уйдешь, не спрячешься.

Деревня Рябово ничуть не переменилось во времени последних каникул. Только домишки, церквушка будто в землю вросли. В родном доме все тоже уменьшилось, обветшало.

Без матери и отца дом и вовсе пуст, неуютен. Куда ни кинь взгляд — все матери или отца. Клубок шерсти со спицами, зонт, туфли, шкатулка… Все на местах, а их нет.

Только в родном доме до конца ощутил — детство кончилось. Младшие братья на него испуганными глазами смотрят. Он теперь вместо отца и матери. Так положено.

После Рябово время полетело еще стремительнее. Как молния несется Тройка-Время… Только мелькают по сторонам картины из промелькнувших месяцев жизни…

Уже и обучение в мастерской Крамского при Обществе поощрения художников позади. И публикации множества рисунков в популярном журнале «Будильник» уже приносит небольшой, но постоянный доход.

Виктор Васнецов худой, стройный юноша. Талантливый художник. Самобытный, ни на кого непохожий.

Судьба уберегла Виктора и от самого страшного испытания. От преждевременного успеха. Ранний успех для художника более губителен, нежели длительное непризнание, замалчивание.

Третья выставка «передвижников» стала для Виктора первой. Его картина «Чаепитие в харчевне» понравилась не только Крамскому. Одобрение высказали Репин, Максимов, Ге. Даже Куинджи похвалил.

Однокурсник Виктора Архип Куинджи. Женатый, обстоятельный человек. Но со странностями. Стены его мастерской всегда были абсолютно пусты и голы. Судя по всему, ему и так хватало красок на холсте и на палитре. Лишнее раздражало.

— Хочу богатства. Надоело быть бедным. — заявлял он каждый раз, как только Виктор переступал порог.

— Откуда свалится богатство-то? — усмехался Виктор.

— Заработаю! — решительно заявлял Архип. — Продам картины. Мы с женой на себя тратим в день по пятьдесят копеек. Куплю землю, недвижимость. Перепродам.

— Спекуляция? — морщился Виктор. — Нехорошо это.

— Деньги нужны для добрых дел. Во-первых, не допущу, чтоб

молодые художники кровью харкали. Куплю землю в Крыму. Вот тебе и курорт для больных. У кого большой талант, за границу пошлю.

— И много денег хочется?

— У меня будет сто тыщ! — широко раскидывал руки Куинджи.

— Сто тыщ?! Скорей бы уж… — нетерпеливо вздыхал Виктор.

Пройдут годы и Архип Куинджи, как ни странно, осуществит свою мечту. Заработает огромные деньги. И до конца жизни будет помогать молодым художникам, своим ученикам.

Птица-Тройка Времени несется вперед и вперед. Бешено скачут кони. Искрами сыпятся из-под копыт дни, недели, месяцы…

Только вспыхнет в памяти строгий взгляд девушки из Вятки, да надолго внесет в душу смятение и грусть. Работа! Работа в мастерской. Теперь она занимает целиком и полностью художника.

Александра Рязанцева недолго прожила в Вятке. Обладая незаурядным упрямством, она покинула родной купеческий дом и одна (!?) уехала в Петербург. Учиться на врача. Что по тем временам, было равносильно поездке в одиночку на Северный полюс.

Некоторое время пути-дорожки Виктора и Александры шли параллельно. Потом, естественно, пересеклись. Судьба.

Рязанцева уже заканчивала медицинские хирургические курсы. Впоследствии, она стала одной из первых женщин хирургов в России. Виктор к тому времени, уже бросил последний курс Академии, (сказались многочисленные задолженности по общеобразовательным дисциплинам. Зубрить которые ему было откровенно скучно). И работал как самостоятельный живописец. Уже и выставки были. И не одна.

Александра вышла замуж по большой любви. Венчалась с Виктором вопреки воли родителей. Стало быть, без приданого. Молодые подсчитали совместный капитал и насчитали ровно 48 рублей. Если снять скромную квартиру и ограничить себя, на полгода хватит.

— Бог поможет. Мы умеем работать, — уверенно втолковывал юной жене молодой муж.

Молодая жена предано смотрела на своего супруга. В уголках ее строгих глаз постоянно вспыхивали смешливые искорки, «скоморошки». И это отнюдь не было фантазией молодого

художника.

Вообще-то, Москва приняла Васнецова не сразу. Постепенно, но как-то основательно завоевывал Виктор Васнецов положение в художническом мире. Приняли в Товарищество, в газетах «известным» величать начали. Одна беда. Денег ни копейки, хоть по миру иди. Для молодой семьи это серьезное испытание.

Чуть полегчало, когда всеобщее увлечение историей началось. Поленов пишет терема 17-го века. Суриков «Утро стрелецкой казни». Репин «Царевну Софью».

Виктор Васнецов именно в это время создает знаменитого «Витязя». Первую свою историческую картину. Хотя это в большей степени фантазия, нежели подробное документальное полотно.

Поздний вечер. За столом в тесной московской квартире сидит Саша. Она уже беременна. Кутается в шаль и неподвижным взглядом смотрит на пламя маленькой свечи. Перед ней на столе целый ворох заштопанного белья.

Услышала шум подъезжающей лошади, встрепенулась. Прямо с порога Виктор ловко бросил на стол толстую пачку денег.

— Витя! Ты никак извозчика ограбил? — улыбнулась она.

— Как же. Ограбишь их. Целковый содрал!

Виктор усмехнулся, начал медленно снимать пальто. Сама осторожно взяла пачку денег, взвесила ее на руке.

— Наконец-то! У нас как раз краски кончились.

— На все хватит! — весело отозвался Васнецов. — Это только задаток. Савва Иванович заказал мне сразу три картины. Для кабинета Правления Донецкой железной дороги. Но самое главное! Полная свобода! Пиши, что хочешь. Начну с «ковра-самолета»!

Глаза Виктора сияют, как у заправского «скомороха».

Нельзя сказать, что Виктор, став Виктором Михайловичем, растерял по дороге детскую веру в очевидное и невероятное. Скорее наоборот. Ребенка в своей душе он тщательно оберегал, холил и лелеял. И верил! Верил в возможность чуда.

Уже и женат. Жена — красавица, умница, истинно русская женщина. Доброты и долготерпения бесконечной. И гордости и достоинства не занимать, недаром из вятского купеческого рода. Повезло Виктору, ничего не скажешь. Все друзья завидуют.

Уже и дети заполонили тесную московскую квартиру смехом, гомоном и тихими беседами вечерами, чтением вокруг матери.

Уже и недоброжелатели, коих у Виктора всегда в избытке, (особенно «западники» неистовствовали. Прямо искусать готовы

были, как волки голодные!), признали в Васнецове самобытность и талант. Словом, жизнь удалась, состоялась.

С какой хочешь стороны посмотри, лучшего и желать не стоит. Признание, известность, все чин чином. Жена, дети, достаток. Пусть небольшой, но есть. Все как и положено у добропорядочного, православного человека, художника. Одна беда. Дома своего нет. Со строительства Дома все и началось…

Мечтал Виктор Михайлович наяву соединить сказку с былью. Чтоб Дом был. Жилой, просторный, с гостиной, спальнями и мастерской на втором этаже. И чтоб сказочный Терем одновременно. Чтоб дети росли в естественной и гармоничной атмосфере. Любви и фантазии. Сказку сделать былью решил, одним словом.

И получилось. Еще, правда, не до конца. Дом-Терем, Дом-Сказка еще недостроенный. Но уже и друзья и знакомые, все поголовно только охают и ахают, переступив порог.

В то лето жена Саша с детьми уехала в Вятку к родителям. Друзья-художники, кто куда, на этюды разъехались. Остался Виктор Михайлович один в недостроенном огромном доме. Если не считать плотников, которые и возводили Терем по его эскизам.

Работники пилы и топора во всем мире одинаковые. За каждым глаз, да глаз нужен. Так и норовят облегчить себе жизнь. Сработать побыстрее и попроще, и вильнуть в сторону.

Короче, плотники, сразу после отъезда жены, (ее они побаивались!), дружно покинули стройку. Нагло заявив, что сами они не местные, из-под Калуги. Дескать, картошку пора копать.

Васнецов смолчал. Хотя прекрасно понимал, картошку а середине лета выкапывают только ненормальные или вруны. Но делать было нечего.

Тут как раз Мария Слюнкина объявилась. Вятская писательница со своей широкой известностью в узких кругах. Она теперь то ли в «суфражистки» записалась, то ли в «феминистки», сам черт их не разберет. Красавица такая же, но почему-то до сих пор не замужем.

Ходит по дому, папироски курит. И пепел прямо на пол стряхивает. Того гляди, Дом-Терем недостроенный спалит. Может, у них так принято, у феминисток, табак смолить, как мужик. Они, вроде, на том и стоят. Мол, абсолютно во всем с мужиками равны. И даже лучше. В некоторых отношениях.

Виктор Михайлович на эти темы спорить не собирался. Спорить с красивой женщиной, да еще писательницей, известно,

кем надо быть.

Вот такая странная компания и подобралась в недостроенном Доме-тереме. Инвалид Митрич, хозяин художник «Михалыч» и писательница-феминистка Мария Слюнкина. Каждый день встречаются, чаи распивают, работают, (каждый свое), и бесконечные разговоры разговаривают. Обо всем на свете.

Погода в тот день на дворе стояла странная. Небо сплошь заволокло белесой пеленой. И дождь непрерывно моросил. Наша троица сидела за столом в гостиной. Беседовали. Обо всем и ни о чем. Митрич с «Михалычем» уже чай допивали. Слюнкина уже третью папироску раскуривала, когда вдруг грянул гром! И пошел на улице снег. Самый настоящий. Это в середине-то июля месяца!

Виктор Михайлович с Марией вышли в коридор и распахнули двери на веранду. Стояли, смотрели в сад. Любовались хлопьями снега. На деревьях, на траве. Митрич в гостиной с камином и печкой начал возиться. (Незаурядное изобретение Васнецова! Печка в коридоре, камин в гостиной. Оба соединены друг с другом, как сообщающиеся сосуды. Как люди, прижавшиеся друг к другу спинами, чтоб теплее было. Камин затопишь, печка слегка нагревается. И наоборот. Короче, Терем всегда был сухим и теплым).

Митрич, как человек стабильной нетрезвости, дела делал обстоятельно. Даже как-то монументально. Если уж брался печку растапливать, часа полтора возился, не менее.

Стояли Мария с Виктором Михайловичем в дверях гостиной и падающим снегом любовались. Очень красиво было. Необычно.

Вот тут-то Мария Слюнкина и услышала тихий скрежет.

— Виктор! У тебя мыши завелись. — пыхнув папироской, задумчиво сказала она.

— Быть не может! — ответил Васнецов. И покачал головой.

— Сам послушай… В коридоре под сундуком шуршат.

Виктор Михайлович прислушался. Действительно, услышал под сундуком скрежет. Будто когтями по дереву царапают.

Надо заметить, сундук в коридоре с секретом был. Откинешь крышку, а там ступеньки, вход в подвал. Еще одно полезное изобретение Васнецова.

Подошли к сундуку, послушали. Сбоку Митрич с поленом в руке пристроился. И все трое явственно услышали тихий скрежет.

— Что я говорила! Там мыши. — брезгливо сказала Слюнкина.

Скрежет между тем нарастал. Послышались даже легкие удары.

— Ничего себе… мышка! — усмехнулся Виктор Михайлович.

— Крысы, наверное! Фу-у! Гадость какая! — поморщилась

Мария.

Все трое застыли в ожидании. Из сундука, вернее, откуда-то из-под него доносились глухие, четкие удары. Били явно чем-то металлическим по дереву. И скрежет все нарастал.

— Витя-а! Мне страшно! — прошептала Мария Слюнкина.

Виктор Михайлович вышел из оцепенения и начал действовать.

— Митрич! — распорядился он — Гаси свечи! И спрячься!

— Ма-ама-а!!!

Это Мария начала от страха подвывать в полный голос, но Виктор Михайлович зажал ей рот ладонью и оттащил в гостиную. Двери прикрыл, только маленькую щель оставил. Митрич с поленом в руке тоже спрятался под лестницей, погасил свечи.

Наступила оглушительная тишина. Было слышно даже как снег в саду на ветки деревьев падает.

Крышка сундука с грохотом откинулась… Из сундука вылетел топор… Упал на пол. Потом показалась какая-то очень лохматая голова. Лица не разобрать, видны были только глаза.

Некоторое время голова напряженно вслушивалась. Потом на пол вывалился лохматый человек, на ногах лапти. Несколько секунд он стоял на четвереньках, прислушивался, принюхивался. Потом тихо постучал кулаком по сундуку…

3

Из сундука послышались шорохи, ахи, вздохи… Один за другим из него вылезали и тут же испуганно опускались на пол еще трое оборванных, в лаптях людей. Двое явно женского пола.

Митрич под лестницей, Слюнкина с Виктором Михайловичем за дверью застыли в напряженно ожидании. Ничем себя не выдавали. Мало ли, вдруг воры пробрались.

Но это были не воры.

Выделялся самый крупный из них, рослый. Он меньше других выказывал свой страх. Поднялся в полный рост, осмотрелся.

Послышался чей-то шепот.

— Рожамята! Где мы? Рожамята!

— Тута я… Цыц! — ответил рослый, которого звали Рожамята. Он продолжал напряженно осматриваться. — Игрец куды подевался?

Из-за сундука выполз еще один. Маленький, щуплый.

— Я-та тута… А вота мы-та где? — шепотом спросил он.

— Ну-кась, слазь наверх… погляди окрест!

Маленький, которого Игрецом кликали, ловко, по-обезьяньи, вскарабкался по строительным лесам. (плотники еще многого не доделали. В том числе, внутреннюю отделку), выглянул в окошко.

Одна из представительниц женского пола неожиданно чихнула. Громко хихикнула. И еще раз чихнула.

— Чечотка, ты? — злым шепотом отозвался Рожамята. — Я те нос оторву!

— Не со зла я… Не можу стерпеть… — опять хихикнула она.

— Вот я тя… суну враз туды, откудова вылезла. Тама начихаешса вдоволь…

По строительным лесам бесшумно соскользнул Игрец. Встал в полный рост, подошел к Рожамяте, схватил его за грудки.

— Ты куды завел? Куды выкопал? Снеги кругом беспросветныя! Восемь ден скачи, ни огня, ни дымка не отыщетца!

Тут же встрепенулась вторая особа женского пола. Черноволосая, с огромными глазищами.

— Ох, пропали мы… От люта огня, пряма в полымя!

— Блажная, цыц! Пришибу! — рыкнул Рожамята.

Он оттолкнул от себя Игреца и легонько стукнул кулачищем по лба Блажной. Та мгновенно смолкла.

— Ты рукам-та много воли дал! Али плешь ее наковальня?! Говорил я те… надоть вправа брать!

— Ну-ка… тиха все!!! — рявкнул Рожамята.

Четверка лохматых замолкла. Только та, которую звали Чечоткой, покачалась из стороны в сторону и опять, от души, чихнула.

Из гостиной, из-за спины Виктора Михайловича ей ответил другой чих. Это писательница Слюнкина не выдержала, тоже чихнула. Чих, как известно, занятие крайне заразительное.

Лохматые замерли на своих местах в самых нелепых позах.

— Кто здеся-а?! — громко спросил Рожамята. — Кто здеся-а?!

В ответ Мария Слюнкина еще раз громко, от души чихнула. Виктору Михайловичу не оставалось ничего другого.

Он широко распахнул дверь гостиной.

Как только Васнецов распахнул дверь в коридор, Митрич чиркнул спичкой и зажег свечу. Лохматые оказались окружены с двух сторон. Они всей четверкой, с криками и визгами, отскочили к стене, упали на пол и затряслись от страха.

Виктор Михайлович тоже зажег свечу и сделал пару шагов перед. Лохматые вмиг поднялись на ноги, в руках у мужчин блеснули топоры. Рожамята, как самый сильный, выступил чуть вперед.

— Вы… чего? — недоуменно спросил Виктор Михайлович.

— Чего-о… Ничего. А вы чего?

— Кладоискатели, что ли? — предположил Виктор Михайлович.

— Веселы люди мы, — мрачно ответил Рожамята.

Выяснение отношений длилось довольно долго. Лохматые упорно рвались из Терема на волю. Виктор Михайлович, еще толком не понимая, но уже предчувствуя, что столкнулся нос к носу с тем самым, очевидным и невероятным, никого из дома не выпускал. Взял, да и запер оба выхода на ключ. И ключ в карман спрятал.

Лохматые, особенно представительницы женского пола, жались по стенкам в коридоре. Ни в какую не желали и шага ступить в сторону.

Доносился только их шепот.

— Иноземцы они… Инородцы… — шептала та, которая чихала, по имени Чечотка. — Вишь наряжены… не по-нашенски…

Виктор Михайлович расхаживал по коридору взад-вперед, поглядывал на кучку испуганных людей, размышлял, что делать дальше.

Рожамята, как старший, пытался пристроиться рядом. Уговаривал хозяина, называя его не иначе, как «Боярин!».

— Отпусти ты нас, боярин, по-доброму! Зачтетца тебе… Перед Богом, перед людьми… Добром не пустишь, кровью умоешса…

Но Васнецов был неумолим. Толи зачуханый вид лохматых его так растрогал, (худые, оборванные, явно голодные!), то ли интуитивно почувствовал, вот оно, то самое! О чем мечтал с детства!

Укрепился Виктор Михайлович в своих предположениях, когда сторож Митрич, ни с того, ни с сего, брякнул:

— Эта, Михалыч! Скоморохи они. — небрежно кивнув в сторону испуганных лохматых, заявил он. — Я эта, одну книжку читал…

Васнецов жестом оборвал Митрича, поскольку прекрасно знал, тот действительно, мог читать какую-то одну книжку. Первую и последнюю в своей жизни. Но чтоб в ней о скоморохах было написано?

На вопросы Виктора Михайловича лохматые отвечали дружно. И довольно складно.

— В холодну нас бросили. Живьем удумали, нелюди, извести. Но мы-та тожа не лыком шытыя. — затараторила самая бойкая,

по имени Чечотка. — Подкопа рыли… Копали долго, страсть… Ан, света все нету, да нету…

— За что ж вас так, болезных? — усмехнулась Слюнкина.

— За дела, боярыня! За дела! — вздохнул Рожамята.

— За веселый нрав, за потешинки. — поддержал Игрец. — Смех-та он, боярыня, всяк о двух концах. Кому в радость, кому слезонки…

— Надо же! Никогда бы не подумала! — хмыкнула писательница.

— И долго вы так, под землей? — спросил Виктор Михайлович.

— Никто не знат. Може, год… Може, Бог ведат. — был ответ.

— Питались чем? — поинтересовался практичный Митрич.

— Крота ловили. Живьем глотали. — огрызнулась Блажная.

— Тьфу! Будь ты неладна! — возмутилась Чечотка. — Пошто ты людей пугаш? Еще подумат чего… Дура, прости Господи! Не подумай чего, дедушка. Припасы были. Были, да все вышли. Мы уж удумали все, конец пришел… Ты не слухай ее, нелюдимка она. Норовит всяк раз каку гадость сказать. Уродилась така, ничего не поделаш…

— По чужим подвалам ради смеха шастаете? — спросила Мария.

— Гонение нашенского брата! — вздохнув, подтвердил Рожамята. И покачал головой. — Ох, гоняют! Батогами бьют, да плетьми. Напереди тычки, назади оплеухи. Со свету сжить живьем хотят.

— Какие страсти! — опять усмехнулась Слюнкина, явственно подчеркивая, что не верит ни единому слову.

— Медведя маво в чисто поле, ох, и выгнали! — пожаловался маленький Игрец. — Да собаками… Пропадет медведь… Он ручной совсем. К жизни дикой-та неприученнай…

Виктор Михайлович взял под руку Митрича, отвел в сторону.

— Давай в кладовку. Надо гостей попотчевать как подобает. Выставляй все, не скупись.

Митрич кивнул и заковылял к двери. Но дорогу ему перегородил Рожамята. Он выразительно поигрывал топором.

— Далеко ль собрался, боярин? — с угрозой спросил он.

— На кухню. Вас покормить. Как никак гости…

— Сладко поешь, боярин! Мягко стелешь…

— Не верь яму, Рожамята! — выкрикнул маленький Игрец. — За подмогой посылат, слепому видать. Повяжут нас как запрошлый раз!

Виктор Михайлович вышел на середину коридора и громко хлопнул в ладоши. Лохматые вздрогнули, замерли.

— Друзья мои! — начал Васнецов доброжелательным тоном.

— Недоброе затеват, зуб даю! — не унимался Игрец.

— Ох, пропали мы! Ох, пропали зря! — поддакнула Блажная.

— Друзья мои! — повысил голос Виктор Михайлович. — Вы ведь, наверняка, голодные, как волки. Приглашаю вас отобедать с нами!

Лохматые собрались в кучу, начали оживленно что-то обсуждать. Говорили вполголоса, слов не разобрать. Толкались, пихались.

Потом вперед выступил Рожамята. Кашлянул в кулак.

— Чего замен потребуешь, боярин? — спросил он.

— Ни-че-го! Споете, спляшите, если захотите. По рукам?

Лохматые опять сбились в кучу, опять долго перешептывались.

Чуть было не испортила «всю обедню» писательница Слюнкина. Она неожиданно выступила из своего угла, швырнула, (зачем-то?!), на пол зонтик и уперла руки в боки.

— Виктор! Ты как знаешь, мне эта комедия уже осточертела! Сам, если хочешь, валяй дурака, из меня идиотку делать не надо!

Заступился за Виктора Михайловича, как ни странно, Рожамята. Он вышел из группы лохматых и, улыбаясь, подошел к Марии.

— Погоди, боярыня! Ты не гневайса, слишком шибка-та! Молвишь так, ажно в ушах трещит!

— Ты… самородок! Вот ему… — Слюнкина указала пальцем на Васнецова, — … можешь болтать, что угодно! Он поверит! Во что угодно поверит. В леших, домовых… У него профессия такая.

— Зачем… Сама-Родок? — обиделся Рожамята. — У мя и тятенька и маменька есть. Оба здравствуют. Хошь, пупок покажу?

Мария Слюнкина дернула плечом и решительно направилась к двери в сад. Рожамята незамедлительно последовал за ней.

— Зачем Сама-Родок? Рожамята мя звать. Сызмальства.

Как-то так получилось, Слюнкина и Рожамята отошли в сторону и уже у двери в сад продолжали пререкаться.

К Виктору Михайловичу, очевидно, набравшись духу, спрятав за спиной топор, осторожно приблизился маленький, щуплый.

— Боярин! У вас сичас чево на дворе? — хитро спросил Игрец.

— У нас!? У нас… лето. — ответил Васнецов.

«А у вас?» — чуть не вырвалось у него.

— Не пойму я тя, боярин. Глаз вродя умный, сам юродивого ломаш. Снеги посередь лета разве бывать?

Беседуя таким образом, Игрец и Виктор Михайлович во все глаза рассматривали друг друга. Васнецов убедился, что Игрец

совсем молоденький, почти мальчик. Игрец утвердился во мнении, что хозяин глубокий старик. Но оба остались довольны.

В другом конце коридора Рожамята и Слюнкина продолжали свой «тет-а-тет». Рожамята, как и каждый нормальный мужчина, норовил подкрепить свои доводы руками. Слюнкина строго одергивала.

— Руки! Убери руки, я сказала! Мужлан! Неандерталец! Привык там… со своими. Чего вылупился?

— Така красива, а бранишса. Нешто хорошо?

— Ох, ох, ох…

— Красива. — подтвердил Рожамята. — Ажно в глазах рябит.

— Тоже мне, дремучий-дремучий, а разбирается.

— И глаза… Глаза-та, словно синь вода!

— Ты мне зубов не заговаривай! Все вы на одну колодку. Сначала глаза, потом… знаю я вас.

— Как тя звать-та, красна-девица?

— Мария мя звать. Мария. Запомнил?

— Не глухой поди.

Виктор Михайлович подошел к Рожамяте, похлопал его по плечу. Тот и не заметил этого. По-прежнему улыбаясь, смотрел на Марию. Во все глаза. Слюнкина, вскинув голову, смотрела в сад. Васнецов еще раз похлопал Рожамяту по плечу. Тот очнулся.

— А!? Чего!? — вздрогнул он. — А-а… ты… боярин.

— У меня к тебе просьба, попроси своих друзей… Пусть споют что-нибудь… Что-нибудь свое.

— Весело али печально? — уточнил Рожамята.

— Уж лучше повеселее.

— Эй, Чечотка! Игрец! Ну-кась, сюда! — повысил голос Рожамята.

Из другого угла к ним осторожно подошли Игрец и Чечотка. Оба с некоторым испугом смотрели на писательницу Слюнкину.

— Спойтя-как частушку каку!

— В животе маковой росинки нету, а ты частушку.

— Препиратца вздумаш!? — возвысил голос Рожамята.

Игрец и Чечотка встали рядом и, выпучив глаза, заорали какими-то дурными голосами:

Еще где жа эта видана, еще где жа эта слыхана,
Чтоба курочка бычка родила, поросеночек яичко снес!
Чтоб по небу-та медведь летел!
Чтоб летел, да и хвостом вертел!
Чтоб слепой-та подсматривал, чтоб глухой-та подслушивал!
Чтоб немой караул закричал, а безногий на пожар

побежал!

Игрец и Чечотка смолкли так же неожиданно, как и начали.

— Как, боярин? Нравитца?

— Очень. — улыбнулся Васнецов. — Спасибо. Большое спасибо.

— Спасибом сыт не будешь. — проворчал Игрец. — Сам угощение сулил, а сам…

— Ты у мя… накушаешса… березовой каши! До отвалу! — яростно зашипел Рожамята. И даже двинулся на него.

— А-а-а! — вдруг диким голосом заорал Игрец, указывая пальцем на Слюнкину. — Пожар у е-ея! Гори-ит! Воды давайтя! Воды-ы!!!

Это писательница Слюнкина сунула по привычке в рот папиросу, чиркнула спичкой и выпустила изо рта струю дыма. Рожамята только поморщился, а Игрец явно очень испугался.

— Воды-ы! Давайтя воды-ы! Гори-ит!!! — со страхом кричал он.

Виктор Михайлович, Рожамята и примкнувшая к ним Чечотка насилу успокоили бедного мальчика.

— Ничего страшного, это игра такая! Шутка! — втолковывал Васнецов.

— Не оры! Сказано те, шутка! Дым! — поддержала Чечотка, треснув для убедительности Игреца по затылку.

Игрец немного успокоился, но в дальнейшем поглядывал в сторону писательницы Слюнкиной с устойчивым недоверием.

— Боярин! А зачем така шутка? Из рота дым пускать? — вежливо обратилась к Васнецову Чечотка.

— Для глупости! — ответил Виктор Михайлович, не придумав более достойного и вразумительного ответа.

Тут в коридоре появился Митрич в кухаркином фартуке.

— Вы, эта… Давайте на кухню… Чем Бог послал.

Бог послал довольно много. Все припасы, что жена Александра заготовила мужу на целую неделю, Митрич, по доброте душевной, взял, да и выставил на стол.

Лохматые поначалу отнекивались, жадно сглатывая и стыдливо опуская глаза. Потом началось нечто невообразимое.

Теперь уже хозяева, Васнецов, Митрич и Слюнкина, жались на кухне по стенкам, с изумлением наблюдая за варварской трапезой. Какие там ложки-вилки, салфеточки! С хрустом и чавканьем лохматые поглощали все, что попадало в поле их зрения. Вырывали друг у друга из рук, издавая

нечленораздельные звуки.

Насытиться лохматые не могли очень долго. Выпучив глаза и прислушиваясь только к своим внутренностям, ничего не видя вокруг, они с неимоверной скоростью поглощали все съедобное на столе. Рыбу поедали вместе с костями, мясные кости обгладывали до зеркального блеска. И все квасом, квасом запивали.

— Однако-о! — покачивал головой Виктор Михайлович.

— Господи-и! — жалостливо вздыхала Мария Слюнкина.

— Саранча! — хмурился сторож Митрич. И виновато разводил руками в стороны, ловя взгляд Васнецова. Но Виктор Михайлович только весело улыбался.

Наконец лохматые насытились. И начали необузданно смеяться. Показывали друг на друга пальцами и просто умирали от смеха.

— Живыя-а… Мы-та… живыя-а… — на все лады повторяли они, вовсе не обращая внимания на хозяев.

— Нас батогами били?

— Еще как! Страшно спомнить!

— Указами царскими стращали?

— Чихать на ихнии Указы! Сами себе указ!

— Собак на нас спущали?

— Спущали-и!!!

— А мы… живыя-а! Вот оне мы! Нас без хрена не слопаш! Наша искусства сколь веков жива?

— Много-о! Не счесть! Завсегда была-а!

— Покуда мы живыя-а! А мы, вот оне — мы!!!

Повскакав с мест, прямо на кухне, вокруг стола, лохматые начали отплясывать какой-то дикий, варварский танец. Васнецов, Митрич и писательница Слюнкина в восхищении только головами покачивали и обменивались выразительными взглядами.

После обильной трапезы и дикого танца, лохматые понемногу успокоились. Начали осваивать новую, незнакомую для себя территорию. Разбрелись кто куда. На некоторое время в Тереме наступила элегическая тишина. Мир и покой.

Но тут со второго этажа донесся дикий крик.

4

— А-а-а-а!!!

По ступенькам винтовой лестницы на пол скатился опять вдрызг испуганный Игрец. Губы его тряслись, глаза расширены от

ужаса.

Все лохматые, в дом числе и Виктор Михайлович с Митричем, подбежали к мальчику, начали ощупывать его, успокаивать.

— Та-ама-а… мужики на конях! За мной погналиса! Затоптать мя удумали-и!!!

Лохматые все, как по команде, повернули головы к Васнецову. На их лицах читался немой вопрос: «Кто тама?».

Виктор Михайлович покачал головой и весело рассмеялся. Он естественно мгновенно сообразил. Игрец увидел его знаменитую картину «Богатыри». Наверняка мальчик никогда не видел настоящей живописи. Кроме того, погода. Колыхание теней от веток по полотнам, игра света и тени, вполне могли сыграть с ним злую шутку.

— Друзья мои! Ну-ка, пошли со мной! Пошли, пошли!

Виктор Михайлович решил разом покончить с подобными недоразумениями. Решил показать лохматым все свои полотна.

Следует уточнить, по мере завершения строительства, Виктор Михайлович собирал лучшие свои работы. Развешивал их в Тереме по стенам. Большинство, разумеется, находилось на втором этаже, в мастерской. Но и в гостиной, спальнях, даже во втором узком коридоре висели его полотна.

Васнецов намеревался открыть, как бы, итоговую экспозицию. Временно, разумеется. Большинство картин уже не принадлежали художнику. Были проданы. Но организовать персональную выставку и совместить ее с новосельем, идея неплохая. Многие друзья-художники одобрили. И даже помогали, чем могли.

Лохматые с превеликими осторожностями, по двум винтовым лестницам, одна группа вслед на Васнецовым, другая вслед за Митричем по обычной лестнице, ведущей из кухни, поднялись в мастерскую. И все одновременно застыли в изумлении, как изваяния.

Безусловно, лохматые никогда настоящей живописи не видели. И Виктор Михайлович решил не торопить процесс их приобщения. Он отошел чуть в сторону, опустился на стул. Молчал, наблюдал.

Это было нечто.

Рожамяте совершенно неожиданно не поглянулся «Иван-Царевич на Сером волке». Причем категорически. Он презрительно скривил губы и нехотя отозвался:

— Хорошо яму… Заимел волка и давай… Сам черт не брат… Так ба кажный… Я ба тожа, може, если ба…

Позавидовал, одним словом. Но как-то уж очень прямолинейно, без затей. В дальнейшем, если входил в

мастерскую, резко отворачивался в сторону. Даже смотреть на «Царевича» не желал. Во, как!

Блажная застыла перед «Тремя Царевнами подземного царства». Слегка поворачивалась, вправо-влево. Сравнивала. И судя по выражению ее лица, сравнение было явно не в их пользу.

Игрец, как самый непосредственный, увидев на противоположной стене «Аленушку», засмеялся счастливыми смехом.

— Пригорюнилася-а… Пригорюнилася-а… — без устали повторял он, дергая всех за рукава и указывая пальцем на полотно.

Потом вдруг неожиданно заплакал. Опустился на корточки, уткнул лохматую голову в колени и долго всхлипывал, утирая ладонями текущие по щекам слезы.

Предвидеть реакцию лохматых было никак невозможно.

Они пребывали в абсолютном убеждении, когда не смотрят на картину, там продолжается жизнь. Но стоит упереть взгляд в полотно, как на нем все застывает. Вроде игры в «замри!».

Чуть позже Игрец чуть не подрался с Блажной. Мальчик увидел картину «Царевна-Несмеяна», сходу понял сюжет и, оценив по достоинству, решил включиться в соревнование.

Как только бедный мальчик не пытался рассмешить Царевну! Какие только рожи не корчил! На руках ходил! Петухом кричал! Собакой лаял! Все бестолку!

Умаявшись, он подошел к Блажной и нагло заявил, будто «Несмеяна» слегка улыбнулась ему. И даже подмигнула левым глазом.

— Брешешь! — огрызнулась Блажная.

— Вот те крест! — вскинулся Игрец.

— Тода сажай ее на медведя сваво и скачи… как Царевич!

Упоминание о любимом медведе сильно обидело Игреца. Он бросился на Блажную с кулаками. Разнял дерущихся, как обычно, самый рассудительный Рожамята. Растащил обоих по углам и пригрозил, что в следующий раз примет решительные меры.

Конфликтующие мгновенно примирились и вернулись к прежним занятиям. Блажная проживалась перед «Царевнами подземного царства». Игрец выводил из оцепенения грустную «Несмеяну». Чечотка пристроилась возле «Аленушки» и беседовала с ней вполголоса с чем-то своем, сокровенном, девичьем.

Сам Рожамята присел на скамью напротив «Витязя на распутье». О чем-то думал, кивал головой, хмурился. Видимо, попал в аналогичную ситуацию, что и сам Витязь.

К концу дня лохматые уже окончательно освоились в Тереме. Комнат, спален, коридоров было огромное количество, потому каждый нашел укромный уголок, любимое место. Если сталкивались в коридоре или в прихожей, радостно приветствовали друг друга дикими криками и тут же разбегались.

Писательница Слюнкина завела Рожамяту в маленькую комнату. Уселась за письменный столик и раскрыла толстую тетрадь.

— У меня к тебе важное дело! — строго сказала она.

Рожамята смотрел в окно, за которым ничего, кроме сплошной зелени сада и видно не было.

— Ты должен рассказать о вас! — сказала Мария и приготовилась записывать. Год назад она окончила модные курсы стенографии и теперь не упускала случая практиковаться.

— Об чем молвить-та? — не оборачиваясь, спросил Рожамята.

— О вас. Обо всех вас. О вашей жизни. Самое главное, самое важное. Понимаешь? — втолковывала писательница.

Рожамята едва заметно кивал.

— Представь себе… Тебя услышат сразу много-много людей. Они должны о вас узнать. Понять вас.

Рожамята повернул голову, бросил взгляд на сосредоточенную Марию и едва заметно усмехнулся.

— Что бы ты сказал им? Самое главное! — настаивала Мария.

Рожамята долго молчал, смотрел в сад. Будто и впрямь видел там множество людей, ожидающих его речи. Потом он начал глухим голосом. Сначала неуверенно. Потом все громче.

— Не забывай нас, братья! Нам тяжко жилося, но мы не плакали. Слез на людях не казали. Мы сами веселилися, как умели. И других радовали. С чистым сердцем, от открытой души… Не забывай нас, братья! Мы по зернышку, по капельки, по крохам малым собирали людишек своих. Богом меченых, в коих искра есть — людям радость несть. Берегли мы их от стужи лютой, от глаза злобного, от дурака завистного, от злодея богатого… Да не уберегли, видать, не сумели. И настал для нас черный день, как ночь. Стали нас сживать недруги со свету… Мало нас теперя осталося… Може, мы и есть — самые распоследния… Не забывай нас, братья! Мы вам радость одарить возмечтали… Не забывай!

Писательница Слюнкина сосредоточенно записывала. Даже кончик языка прикусила от напряжения.

Когда подняла голову, Рожамяты в комнате уже не было. Он тихо и незаметно вышел. Лохматые все поголовно умели бесшумно и незаметно передвигаться.

Мария вздохнула и начала перечитывать записанное. По ходу делала исправления. Стенографические крючки и закорючки требуют повышенного внимания и сосредоточенности.

В последний день «гостевания» лохматых в Тереме Васнецов совершил непростительную, роковую ошибку, за которую казнил себя потом долгие годы. Он ушел ночевать в свою старую квартиру. В Тереме остался только Митрич. Но старик обычно спал таким богатырским, беспробудным сном, что ничего не слышал. И разумеется, ничего видеть не мог. А если бы…

Если бы Виктор Михайлович, скажем, притаившись где-нибудь за дверью свой мастерской, послушал и хотя одним глазом подсмотрел… Он стал бы свидетелем событий… фантастических!

Была глубокая тихая ночь. Сквозь многочисленные окна и оконца по всему дому разливался ровный лунный свет. Кроме богатырского храпа Митрича, волнами доносившегося из каморки под лестницей, ничто не нарушало покоя и тишины сказочного Терема.

Не спал только один человек, Рожамята. Он бесцельно бродил по коридорам и комнатам. Наконец сел на лавку в центре гостиной и замер. Тихо скрипнула дверь одной из спален, на пороге появилась Блажная с распущенными волосами.

— Поджидаешь? — тихо спросила она.

Рожамята не ответил, даже не пошевелился.

— Не бери в башку-та, я не шпионичаю… Любопытство одолело, чем она тя так-та приворожила?

— Уйди… Один быть желаю, — пробормотал Рожамята.

— Вот уж истина — сиплому не аукнетца! Даже видеть мя не желаш… — горько усмехнулась Блажная. — И на том спасибо. Я-та ради тебя, глаз твоих, мужа законного бросила, все оставила — дом, родителев, имя свое позабыла, а ты… Глядеть-та в мою сторону забываш… Хоть ба раз приласкал.

— Сердцу-та не прикажешь. — глухо пробормотал Рожамята.

— То-то и оно… — как эхо отозвалась Блажная. — Я свому тожа приказать не смею.

Она подошла к лавке, осторожно присела рядом.

— Ладна. Ты скажи, чево с нами дальше-та будет?

— Не ведаю. — покачал головой Рожамята. — Думать надобно.

Некоторое время оба молчали. Тишину нарушали только заливистые рулады сторожа Митрича.

Блажная вздохнула, поднялась со скамьи.

— Ладна… поджидай… Скоро явитца.

— Почем ты-та знаш?

— Слышу…

Рожамята поднял голову, прислушался.

— Брешешь ты… Тишина окрест.

— Я не ухом слышу-та… сердцем!

Блажная повернулась и ушла в спальню. Тихо скрипнула дверь. Рожамята еще долго сидел на лавке, напряженно о чем-то думал.

Услышав шаги по коридору, быстро поднялся, пригладил волосы, одернул рубаху, но остался стоять на месте.

Распахнулась дверь, в Тереме возникла писательница Слюнкина. С большим чемоданом в одной руке, сумочкой и баулом в другой. Она тяжело дышала. Поставив чемодан на пол, сумочку и баул пристроив рядом, медленно подошла к Рожамяте почти вплотную.

— Вот! — тихо сказала она, переведя дыхание. — Я так решила. И все. Плевать на условности. Пусть говорят, что хотят. Пойду с тобой. Куда ты, туда и я.

— За тобой гналися, что ль?

Глядя друг другу в глаза, оба осторожно присели на лавку.

— Я так боялась… Думала, приду, а вас никого нет! И тебя нет! Приснилось все…

— Вота он я! — усмехнулся Рожамята.

Слюнкина с нежностью смотрела на него, застенчиво улыбалась.

— Я ведь всю жизнь тебя ждала. Сокол ты мой, ненаглядный…

Рожамята перестал улыбаться, вздохнул.

— Верно молвишь, сокол. Гол, как сокол. В одном кармане вошь на аркане, во другом блоха на цепи.

— Господи! Разве в деньгах счастье?! — воскликнула Мария.

— Тожа верна, — согласился Рожамята. — Счастья на аршин не смеряш. Ты вона явилася, я счастлив. Будет чево спомнить…

Слюнкина вздрогнула, нахмурилась. Внимательно, пытливо посмотрела в глаза Рожамяте. Но тот смотрел в сторону.

— Ты не думай. Я не какая-нибудь взбалмошная дура. Я пришла насовсем. Или ты…

— Твоими ба устами…

— Ты договаривай, договаривай, раз начал… — настаивала она.

Рожамята долго молчал, вздыхал, покачивал головой..

— Не сладитца у нас с тобой, Мария.

— Это почему, интересно знать? — прищурилась Слюнкина.

— Как жа… Стена меж нами… Неужто сама не видишь? Стена неодолимая…

— Глупенький! Ты как ребенок! — неожиданно засмеялась она. И потрепала его по волосам. — Думаешь, если мы такие, новомодные, современные, значит лучше вас? Чушь собачья! Просто мы книжек больше читали. Разве это наша заслуга? Да что там… Отмой тебя, как следует, причеши, приодень, никому и в голову не придет спросить, какого ты года рождения. Кстати, ты в каком году родился?

— Пятьдесят третьего я… — недоуменно поднял голову Рожамята.

— Погоди… Значит, тебе сейчас сколько?

— Двадцать восьмой ужо пошел.

Слюнкина пошевелила губами, что-то подсчитывала.

— А месяц? В каком месяце ты родился?

— Июля я… К чему тебе-та?

— Плохо. — заявила Слюнкина. — Получается, ты старше меня на два месяца. Должно быть наоборот. Мужчина должен быть старше.

Рожамята резко встал, отошел в самый дальний угол гостиной.

— Я и есть старшее! — резко повернувшись, сказал он. — Не два месяца, два века! Извиняй мя, Мария, полюбил я тя, да только… бестолку все. Не сладитца у нас… Ты сичас в каку-та игру играш. А ну как надоест? Тода как? Да и меж нами ты как жить-та собираешса? Наша жизнь, что рубаха эта… Сверху красно, да насквозь потом просолоно. Жестокости неимоверныя, унижения, да поругания. Не сдюжиш ты… Нет, нет.

— Какие еще поругания?! Это у вас там… А мы-то здесь!

— В том-та и дела, Мария, что здеся. Мы оттудова вышли, да до вас покуда не дошли. Как ты нашу жисть здеся представляш? На ярманке нас казать, как зверей диковинных будитя? Как медведей, на цепи водить? А мы-та люди! Люди-и… Вона, содруги мои-та, на улицу носа не кажут. С испугу в щель норовят забитца. Иной може и сдюжит. А другой, слабый который. Игрец, к примеру. Или Чечотка та жа… Они умом тронутца могут. Об том тожа думать надобно. Кто жа за них подумат, кроме мя-та? Я старшой, я в ответе. За всех и кажного.

— Будете постепенно входить в нашу жизнь. Я буду среди вас, как… переводчик, что ли!

— Не сладитца у нас, Мария. Извиняй мя.

— Почему? — воскликнула Слюнкина. — Не понимаю, почему?

Рожамята долго смотрел на нее, едва заметно усмехался.

— Извиняй мя… Женатый я. Ужо который год. И детишки есть. Двоя. Ждут оне мя, не дождутца, когда их тятенька возвернетца…

— Погоди… — протяжно пропела Мария. — Что ты раньше-то?

— Ты разве спрашивала? Женатый я, венчанный…

Слюнкина с усилием потерла лоб. Потом даже головой встряхнула.

— Погоди! Ты женат, ладно, пусть. Но они… Кто они-то? Ты хоть понимаешь, куда ты попал? Ты… в другом веке!!!

— Как не понять, понимаешь. Как тебя увидал, сразу и понял. Не така уж бестолочь.

— Значит… — продолжала Мария. — …их уже нет на свете!

— Тебе нету, мне есть. Ждут оне… ждут… Не могу я так-та… При живой жене…

Тихо скрипнула дверь спальни, на пороге возник сонный Игрец. Начал делать Рожамяте какие-то непонятные знаки.

— Чего тебе? — недовольно спросил Рожамята.

— Мне эта… на двор надобно. — просипел Игрец.

— Тьфу ты! — в сердцах сплюнул Рожамята. — Еще спрашиват.

Игрец застенчиво глядя в пол, на цыпочках прошел мимо них.

— Извиняй, боярыня! — шепнул он Слюнкиной.

Как только дверь за Игрецом закрылась, Рожамята решительно подошел к Марии, взял ее за плечи.

— Давай прощатца, Мария!

— Господи! Почему я такая невезучая! — всхлипнула она.

— Светат скоро. Мне до зари ответ надумать надобно. Как нам жить-та дальше. Я завел, мне ответ держать.

— Не нравлюсь я тебе, да? — прошептала Слюнкина.

— Извиняй, Мария. Не совладал с собой. Уж больно ты красива. Да не в добрый час мы, видать, с тобою стретились. Прощай! Ты така… красива… дух захватыват! Прощай!

— Поцелуй мя! — шепотом попросила она.

Рожамята отрицательно помотал головой.

— Не надо, чево душу-та бередить. Буду помнить тя… до гробовой доски. Прощай!

Мария Слюнкина, громко всхлипнув, подхватила чемодан с баулом и стремительно вышла из Терема.

Не успел Рожамята опуститься на свое место, на лавку посреди гостиной, как открылась дверь спальни, опять появилась Блажная. Уже причесанная, вся какая-то подобранная.

— Ушла что ль? — равнодушно спросила она. И не дождавшись ответа, усмехнулась. — Чем отвадил-та? Про жену,

детей набрехал?

Рожамята едва заметно кивнул.

— Взял грех на душу. Пересеклись дорожки, да разошлись…

Блажная походила взад-вперед, осторожно присела рядом.

— У них жизнь-та… — вздохнул Рожамята. — …вся чистая, светлая, нам недоступная! Эх-х! Пожить ба… как оне… хош недельку! А тама и помирать не страшно была ба… — бормотал он.

Вдруг оба замерли, прислушались. Со двора доносилось урчание какого-то зверя. Буквально через мгновение в гостиную ворвался радостный, ликующий Игрец.

— Эта… Миша-а! Миша-та мой… объявилса-а! — кричал он во все горло. — Нашелса-а! По запаху, видать, нашел! Миша мой! Радость-та кака! Миша мой! Кака радость-та!!!

В спальне взвизгнула Чечотка, выскочила в гостиную. Услышав знакомое урчание, вместе с Игрецом, тут же выскочила во двор.

Оттуда донесся довольный рев медведя. В нем слышались даже нотки восторга.

Рожамята неподвижно сидел на лавке, смотрел прямо перед собой в одну точку. Рядом едва слышно всхлипывала Блажная.

Когда на следующее утро Виктор Михайлович, груженый как мул всевозможными свертками, пакетами, (в руках, под мышками, даже в зубах держал!), вернулся в Терем, он застал одного только Митрича, традиционно раздувавшего непокорную печку. По его глубочайшему убеждению, в деревянных домах печи надо топить летом даже чаще, нежели зимой. Чтоб сырость не заводилась.

— Где все? — недоуменно спросил Васнецов.

— Писательша, не знаю, не заходила…

— А наши гости?

— Ушли они. — хмуро отозвался Митрич.

Свертки так и посыпались на пол из рук Виктора Михайловича.

— Куда-а? — потрясенно прошептал он.

— Не знаю. — мотнул головой Митрич. — То ли в Новгород, то ли в Вологду. Слава Богу, медведя своего забрали… Я их боюсь до смерти.

Виктор Михайлович медленно опустился на стул, потер лоб.

— И что теперь будет? — спросил он самого себя.

— Я ба и сам с ними пошел. — отозвался Митрич. — Да года мои уже не те… Да и нога…

Митрич отвернулся и продолжил свое вечное занятие.

Несколько дней Виктор Михайлович скрывал от жены визит гостей. Таил в себе. Наконец, не выдержал. Однажды вечером выложил все во всех подробностях.

Александра слушала внимательно, не перебивала. Когда Виктор Михайлович выговорился, вздохнула с улыбкой.

— Повезло тебе, Витя! Не каждому такое выпадает.

Долго молчали, рассеянно улыбались.

— Как думаешь, Саша! — спросил Васнецов. — Почему они именно меня выбрали?

— Как же ты не понимаешь, — улыбнулась Александра. — Они тебе эстафету передали. Для того и приходили. Среди художников вас, может быть, и есть всего двое. Нестеров, да ты.

Дом-Терем существует и поныне. Сохранился, вопреки разрушительным преобразованиям разнообразных городских властей. Почти в самом центре Москвы, невдалеке от Сухаревской площади, в одном их тихих переулков, (носящем ныне имя художника), стоит деревянный Дом-Терем, Дом-Сказка. Теперь в нем располагается музей русского художника Виктора Васнецова.

Служительницы музея посетителям, (под большим секретом!), могут поведать. В Тереме, особенно лунными ночами, (или в период других мелких катаклизмов. Ну, там, снег в июле. Или радуга в феврале), и поныне случаются странные события. Могут, например, объявится гости из самых разных времен. Надо только исхитриться и подловить подходящий момент.

МОЙ МИЛЫЙ ЛЕВИТАН

Не то, что мните вы природа,
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык!

Федор Тютчев

1

Охотничья собака Веста люто ненавидела запах масляных красок. Своего хозяина, художника Левитана, любила до самозабвения. И одновременно презирала. Он, видите ли, дня не мог прожить без этих подлых масляных красок.

Ее женская собачья душа постоянно раздиралась на две неравные части. Большую часть заполняла любовь к художнику и страсть к охоте. Сюда же помещалось желание вкусно поесть. Чревоугодие грех, конечно, с этим не поспоришь. Но если люди себе позволяют, то охотничьей собаке, сам Бог велел.

Веста любила хорошо поесть. Здоровое чувство голода сопровождало ее всегда, сколько себя помнила. И на отсутствие аппетита Веста никогда не жаловалась. Правда, ничуть не полнела. Не то, что некоторые собаки, смотреть противно.

В меньшей части души помещалась ненависть к масляным краскам и неприязнь к котам. Зачем их только Бог создал?

Веста обладала фантастическим чутьем. Если б умела, насчитала бы несколько тысяч запахов, которые различала без особого труда. Именно потому, всеми фибрами своей собачьей души, Веста ненавидела масляные краски. Хозяин же постоянно возился с тюбиками, палитрами, кистями… Веста этого понимать не желала.

Где и когда родилась, Веста не помнила. Щенки, как известно, рождаются слепыми. Она помнила только запах. Замечательный запах материнского молока. И еще помнила, было тепло. Очень тепло и уютно. Надежно и безопасно. Рядом с ней постоянно находились ее братики и сестрички. Такие же

маленькие и беспомощные.

У художника Левитана детство было менее теплым и сытым. Жили они всей семьей на маленьком железнодорожном полустанке. Днем и ночью мимо окон проносились составы. Отец, в фуражке станционного служащего, выходил на платформу и поднимал в руке флажок. Встречал и провожал поезда.

Вечерами мать всей семье читала вслух. Эти семейные чтения, волнующие, захватывающие, и запомнились более всего из детства.

Познакомилась Веста с Левитаном в одно прескверное утро, когда все небо было цвета грязной кошки, и за окном моросил дождь. Веста сидела, вместе с братиками и сестричками в большой корзине и ждала, когда их «будут выбирать».

И тут явился он. Высокий, красивый и веселый. С большими, выразительными глазами. При бороде и усах. «Наверняка, охотник!» — подумала Веста. И сразу стало значительно светлее. Даже за окошком.

Веста влюбилась с первого взгляда. «Я помню чудное мгновенье. Передо мной явился ты…», — вполне могла бы процитировать она, но Пушкина она еще не знала. Более того, не знала даже собственного имени. Его еще просто не было.

«Только бы он увидел!», — думала она, — «Только бы заметил, разглядел!». Ее самоотверженность, ее страстное желание любить до самого последнего вздоха. И он каким-то чудом разглядел.

Схватил ее за шкирку, вытащил из корзины и поднес к своему красивому лицу. В порыве благодарности, Веста лизнула его прямо в нос. Левитан засмеялся и тоже чмокнул ее в маленький, похожий на черную пуговку, носик.

— Как мы тебя назовем? — спросил Левитан.

Ей было абсолютно все равно. В голове никаких мыслей. Одни только чувства. Бушующий ураган чувств.

— Я получил неплохую весть. — весело сказал Левитан. — Мою картину приняли на выставку «передвижников». Так и назовем тебя, Весточка! Веста! Согласна?

От радости Веста судорожно завиляла хвостиком. Еще бы, не согласится! Такое счастье выпадает не каждой. Чтоб хозяин был молодой и красивый. И совершенно определенно, охотник.

Так и произошла эта знаменательная встреча.

Хозяин расстегнул рубашку и засунул Весту прямо себе за пазуху на голое тело. Веста тут же мгновенно уснула.

Все-таки день выдался на редкость волнующим.

Саввинская слобода, что в окрестностях Звенигорода, издавна

славилась прекрасными видами. Как только надвигалась весна, сходили снега с полей, художники сюда слетались, как пчелы на мед. Даже из петербургской Академии художеств наезжали писать этюды. Про московское Училище живописи, ваяния и зодчества и говорить нечего.

Только появлялась первая зелень на кустах и деревьях, ученики со всех курсов валом валили под Звенигород.

Стоит ли удивляться, что именно в Саввинской слободе художник Левитан, выпускник московского Училища, снимал целый дом.

Внутри дома Весте понравилось. Много всяких углов, закоулков. Много мебели. Больше всего ей приглянулся желтый абажур с бахромой под самым потолком. Хорошо бы эту бахрому попробовать на зуб.

Левитан постелил ей коврик в углу комнаты, между комодом и диваном, Веста легла и… полетела. Во сне она всегда почему-то летала.

После окончания Училища, жизнь молодого художника стала напоминать извилистую горную дорогу. То к правой обочине бросит, (чуть в пропасть не скинет, только держись!). То влево, и так прижмет к отвесной скале, ни вдохнуть, ни выдохнуть.

«Старик Саврасов нас заметил…», еще совсем недавно шутили два любимых ученика, Костя Коровин и Исаак Левитан. Шутка оказалась почти пророческой.

… Великий Алексей Саврасов. Могучее дерево, разбитое молнией. Типичная болезнь русского человека, пьянство, схватила за горло этого незаурядного художника и душила, как удав.

На пороге выпускного курса Коровин и Левитан остались без наставника, без помощи и поддержки, Саврасова отстранили от преподавания. Обоим выдали дипломы только «внеклассных художников». Учителей рисования, одним словом…

И вот теперь, снимая целый дом в Саввинской слободе, в окружении изумительной природы, художник чувствовал себя прижатым к отвесной скале и не мог решить, как жить и работать дальше.

Выросла Веста как-то сразу. Еще весной, заплетаясь в собственных лапах, гонялась за бабочками и пыталась заловить свой собственный хвост, а к осени уже предстала перед соседями и гостями художника, вполне сложившейся охотничьей собакой. Огненно-рыжей масти, с длинными ушами и большими, выразительными глазами.

Характером Веста обладала веселым. Была общительна и любознательна. Но и чувство собственного достоинства имела.

Кстати, всеми этими качествами, (зеркально!), был наделен и ее хозяин, художник-пейзажист Исаак Ильич Левитан.

2

Весной на Левитана обычно наваливалась «черная» меланхолия. Ничто не радовало, не вдохновляло. В голову лезли только мрачные мысли, настроение резко ухудшалось, нервы гудели, как струны в старом рояле. Ни о какой серьезной работе не могло быть и речи.

Какая тут работа, если руки трясутся, как у пьяницы.

В борьбе с меланхолией, («мерихлюндией», как ее называл друг Антон Чехов), был только один способ. Вспоминать исключительно светлые, положительные стороны жизни, а на неприятности плевать с колокольни Ивана Великого.

Левитан начинал загибать пальцы…

Во-первых, талантом Бог не обидел. Великий Алексей Саврасов считает его лучшим своим учеником. А сам Третьяков недавно купил сразу два его пейзажа для своей галереи. Это вам не кот начихал.

Во-вторых, внешностью родители наградили сверх всякой меры. Женщины только выразительно вздыхают при виде его темных глаз.

В третьих, со здоровьем пока все в норме. Если не считать легкой одышки и внезапных перебоев сердца.

Первое, второе, третье…

Неплохая арифметика вырисовывается. Могло быть куда хуже.

Мог родиться горбуном или карликом. Без всякого таланта. Или вообще не родиться. Тогда ни друзей, ни женщин, ни восхитительной природы вокруг, ничего.

И еще четвертое! Которое вполне может быть «первым». У него появилась Веста. Существо во всех отношениях исключительное. Добрая, умная, красивая, ласковая, нежная, преданная, искренняя, простодушная, тактичная… Жрет, правда, как крокодил. Провианта на нее не напасешься. Но это пустяки.

Короче, если сравнивать Весту с любой из знакомых женщин, сравнение будет явно не в их пользу.

Ближе к осени Веста училась бегать вокруг Левитана. По полю не дальше ружейного выстрела, шагов на пятьдесят. В лесу,

сделав невидимый круг по кустам, еще ближе. Училась отбегать с левой руки, возвращаться к правой руке охотника.

Нелегкая эта работа, бегать, ни на миг не забывая хозяина. Вокруг столько запахов, столько соблазнов. Чувство свободы пьянит. В первый раз Веста носилась по полю, как угорелая и не слушала никаких команд. Потеряв из вида Левитана, она высоко подпрыгивала, и уже в воздухе успевала оглянуться по сторонам, увидеть хозяина и точно определить его местонахождение.

Художник улыбался и укоризненно покачивал головой. Веста тоже улыбалась и виновато покачивала хвостом.

Обычно «учеба» заканчивалась неожиданно. Оба заваливались в густую траву и просто бездельничали. Веста располагалась где-нибудь поблизости, чаще всего под кустом и изредка щелкала зубами на зловредных оводов, которые мешали ей мечтать.

Левитан, закинув руки за голову, лежал на спине, смотрел в бесконечно голубое бездонное небо и перебирал в памяти впечатления детства, юности…

…Стучат колеса, проносятся мимо составы…

На забытом полустанке всегда почему-то шли дожди. Холодно, неуютно, тоскливо. Как-то маленький мальчик не выдержал, взял губную помаду матери и нарисовал на оконном стекле большое солнце. С длинными прямыми лучами. Младшие сестры в восторге зааплодировали юному художнику.

Вернувшийся со службы отец тоже одобрил:

— Жизнь стала лучше, стало веселей. — и горько усмехнувшись, добавил. — Еще бы немного денег.

На следующий день Исаак положил на стол перед матерью целую кучу разнообразных купюр. В основном крупного достоинства.

Мать серьезно поблагодарила сына.

— Очень много денег! Будем тратить их экономно.

— Не экономь, мама! — разрешил мальчик. — Закончатся, я еще нарисую.

На всю жизнь он запомнит эту улыбку матери. Грустную и радостную одновременно.

Под стук вагонных колес, под стук капель дождя по оконному стеклу, под стук швейной машинки матери, детство пролетело быстро и незаметно. Его уже не вернешь…

— Милостивый государь!

Гневное лицо ночного сторожа Училища живописи, ваяния и зодчества, отставного солдата Землянкина, прозванного

учениками «Нечистой силой», краснеет и, кажется, вот-вот лопнет от возмущения.

— Вам здесь Училище или что!?

— А если ночевать негде? — зевая, недовольно бормочет юный художник, выбираясь из-под старых холстов, сваленных на чердаке.

— Нет, вы ответствуйте, милостивый государь! Здесь ночлежка или что!?

— Подумаешь, преступление! — упрямо бормочет Левитан.

Далее ситуация развивалась всегда только в двух вариантах.

Первый. Солдат Землянкин выгонит на улицу, со словами:

— Я очень даже разумею материальное состояние. У меня у самого четверо дочерей.

— И все усатые? — наивно спросит Левитан уже на пороге.

Кому захочется ночевать на скамейке в парке. Или на вокзале.

— Вам, художникам, все смешно. А я при исполнении. — ответит сторож и захлопнет перед носом дверь.

Впрочем, случался и второй вариант. Землянкин оставит ночевать в своей каморке. И даже горячим чаем напоит.

В этом варианте, рассказ о «четырех дочерях», юный художник с энтузиазмом поддержит:

— У меня тоже будут дети! Целых пять! Все сыновья!

— Сыновья гораздо лучше. — согласится сторож Землянкин.

Всю ночь они будут говорить об искусстве пейзажной живописи…

Тонкостей в искусстве пейзажной живописи Веста не различала. А уж если начистоту, ей было абсолютно наплевать. Ультрамарин или кобальт, охра или белила. Лишь бы пахло терпимо. Хотя, конечно, акварель лучше масляных красок.

А еще лучше «пастель». Такие палочки, наподобие куриных косточек. И запах, очень даже ничего себе. Не раздражает. «Пастель» даже пожевать можно, от нечего делать. Но «пастелью» хозяин работал крайне редко. На холсте или картоне начинал обычно углем, потом сразу переходил на эти подлые масляные краски. Приходилось терпеть. Не станешь же лаять во весь голос, хозяин не поймет.

Почему люди так невнимательны к своим ближним?

Еще куда ни шло, когда они с Левитаном работали на природе, писали этюды. Хозяин за мольбертом, Веста поблизости где-нибудь валялась в траве, мечтала. Запах масла тогда не так настырно бил в нос.

На природе в любую погоду хорошо. Здесь у них с хозяином

абсолютное единство взглядов. Левитан, конечно же, тоже любил природу.

— Как считаешь, стоит добавить ультрамарина? — часто советовался с ней художник.

Веста смотрела, не мигая, своими преданными глазами ему прямо в переносицу и мысленно внушала, она одобряет каждый его мазок.

Оба были бесконечно счастливы.

3

Главное событие того жаркого лета произошло в Москве на Ходынском поле. Всероссийская промышленно-художественная выставка! На нее приезжали целыми семьями. Со своим провиантом, маленькими детьми и домашними животными.

Весту на выставку с собой Левитан не взял. Якобы, она еще очень молода, диковата и не приучена ходить на поводке. Да и дальняя поездка из Звенигорода в Москву, (одна железная дорога чего стоит!), может ее сильно травмировать.

Как только Веста поняла, что остается дома, тут же сделала вид, «не очень-то и хотелось». Хотя в глубине души, тоже мечтала побывать на выставке.

Других посмотреть, себя показать!

Несколько дней подряд Левитан ходил в художественные отделы выставки как на службу. Для художника смотреть работы других и есть часть работы. Пропустить подобное событие, равносильно преступлению. Ведь на Ходынке собрали все лучшее, что создано за последние двадцать пять лет в русском искусстве. «Черное море» и «Всемирный потоп» Айвазовского! «Рожь» Шишкина! «Боярыня Морозова» Сурикова! «Заросший пруд» Поленова! «Грачи прилетели» Саврасова…

Почему-то именно эти две небольшие работы по-настоящему, до дрожи в руках волнуют? Больше «Всемирного потопа» Айвазовского, больше «Ржи» Шишкина, даже больше всех тридцати трех этюдов к «Явлению Христа народу» Иванова.

Почему «Грачи прилетели» любимого учителя Саврасова вызывают в душе такой восторг и упоение? Сможет ли он когда-нибудь написать что-либо подобное?

На выставке, тут и там, вспыхивали жаркие споры, диспуты. Сторонники и противники великого русского реализма уже тогда сходились стенка на стенку.

— Реализм, конечно, колыбель живописи! Но нельзя же художнику вечно жить в колыбели!

— Пора идти от реализма к другим формам!

— Надо идти от реализма, к Реализму! С большой буквы!

— Дерево без корней, всего лишь дрова! Дерево не может порхать в облаках! Оторви его от корней и оно погибнет!

Споры и диспуты как-то незаметно перерастали в легкие потасовки. Что неудивительно. Художники народ пылкий, неуравновешенный.

Молодые бородатые люди хватали друг друга за грудки.

— Ты кто такой?

— А ты сам, кто такой?

Пройдет несколько лет и весь художественный мир России расколется, как орех, на два враждующих лагеря. Левитан будет с теми, для кого традиции великого русского реалистического пейзажа останутся целью, смыслом и содержанием всей жизни. До конца.

Художник никогда не кривил душой. На той знаменитой выставке только «Грачи» Саврасова и «Заросший пруд» Василия Поленова его по-настоящему вдохновляли и окрыляли. Молодой пейзажист не мог разгадать секрет их необычайного воздействия на зрителей.

В голове вертелась тревожная мысль. Сможет ли он сам когда-нибудь дотянуться до уровня учителей?

Веста тоже никогда не кривила душой. Просто не умела. Потому выше красот всех пейзажей вместе взятых, она ставила красоту своего хозяина. Его бесконечную доброту и безграничную щедрость.

Когда Левитан приехал из Москвы, Веста во дворе прыгнула ему на грудь, завалила на спину и долго, радостно лая, лизала его прекрасное, романтическое, вдохновенное лицо.

Разумеется, не только Веста отмечала незаурядную мужскую красоту художника. Были и другие. Среди прочих, выделялась Софья Кувшинникова. Женщина замужняя, но неожиданная. Левитан, усмехаясь, называл ее «суфражисткой».

Кто такие «суфражистки» Веста не знала. Но подозревала, они из тех женщин, кто носит вместо юбок, мужские брюки. Веста ни того, ни другого не носила. Но, при случае, примерить не отказалась бы.

Появилась Софья в их доме внезапно. Однажды, ближе к вечеру, Левитан неожиданно начал чистить ботинки черной ваксой. Чего за ним ранее не наблюдалось. А потом вообще, уехал на станцию. И вернулся уже под ручку, (ах! ах! ах!), с этой самой Софьей Кувшинниковой.

Софья была довольно симпатичной женщиной. К Весте

относилась хорошо. Разумеется, она не была охотником. Куда ей. Она наверняка и ружья поднять не смогла бы. Это однозначно. Но пахло от нее привлекательно. Незнакомыми и непривычными запахами.

Дважды в день она обязательно усаживалась в своей комнате перед дорожным зеркальцем и доставала из саквояжа разные интересные предметы. Пудреницы, флакончики, баночки, скляночки.

Веста деликатно присаживалась рядом, нюхала.

— Вы поедете на бал? — неизвестно кого спрашивала Софья.

И сама себе кивала. Вернее, своему отражению в зеркале.

Отражений Веста не любила. От них ничем не пахло. И вообще, глупость какая-то, эти зеркала.

Софья наоборот. Очень любила зеркала и свои отражения в них.

И Левитана Софья тоже любила, однозначно. Веста не раз видела, она делилась с ним вкусными кусками. Любому коту ясно, надо очень любить человека, чтоб поделиться с ним самым вкусным.

По сравнению с другими женщинами, у Софьи было одно неоспоримое преимущество. Она слушалась Левитана беспрекословно. Брала у него уроки живописи и даже ходила с ним и Вестой на этюды.

Если Левитан ей делал замечание, (в смысле, Софье, а не Весте), она только радовалась и говорила:

— Премного Вам благодарны, барин!

Рисовала исключительно акварелью. Что само по себе, говорит об уважительном отношении к Весте.

Левитану следовало бы брать с нее пример.

Через несколько дней, из разговора Левитана с Софьей, Веста поняла. К вечеру приедут гости. Какой-то «Антон». И еще какой-то «Чехов», со своим пенсне.

Гостей Веста не очень жаловала. Приедут, всяких посторонних запахов нанесут. Шум, гам, сплошная нервотрепка. Если бы она пригласила в гости своих знакомых собак? Что бы сказал Левитан?

Антон и Чехов оказались одним и тем же человеком. В пенсне. От него пахло лекарствами. Валерьянкой, касторкой и еще чем-то резким и тревожным. Но человеком он оказался довольно милым.

Сходу почесал Весту за ухом, (очень ласково!), погладил по шерсти, (очень уважительно!), а поздним вечером даже умудрился незаметно выдернуть у нее из загривка клеща,

который очень досаждал Весте все последние дни.

В знак благодарности Веста незаметно лизнула ему руку. Чехов обрадовано улыбнулся и, поправив на носу пенсне, сказал:

— Весточка! Ласточка-а!

Веста слегка повиляла хвостом. А сама подумала, хорошо бы ей тоже где-нибудь раздобыть себе пенсне. Все соседские собаки умрут от зависти.

«Каждый сверчок, знай свой шесток!»

А еще с Чеховым приехала его сестра. По имени Маша. С Софьей они встретились так, будто не виделись двести лет. Хотя Веста сама слышала, они познакомились всего две недели назад.

От двух женщин возник такой водоворот звуков и запахов, что у Весты закружилась голова, она неожиданно для себя самой громко залаяла и начала кругами носиться по комнате. А потом ловить свой собственный хвост. За что и была выдворена в коридор.

«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!..»

Весь следующий день гости сидели за столом, пили, ели и говорили разные глупости. Поразительно, как у людей мало собственных мудрых мыслей. У собак их значительно больше.

Например, Чехов поднялся с рюмкой в руке и начал говорить тост:

— В Левитане все должно быть прекрасно. И лицо, и одежда, и мысли, и ботинки!

Обе дамы со смеху чуть со стульев не попадали. Кудахтали, как курицы у соседа в огороде. Между прочим, ничего смешного.

Потом начали говорить и вовсе непонятное.

Чехов сказал:

— Надо учиться искусству пейзажа у Толстого!

А Левитан сказал:

— Надо учиться искусству описывать природу у Саврасова!

Оба согласились с каким-то «Стендалем», который сказал, «Тот не художник, кому не доступно чувство светлой печали!».

Говорили все сразу и очень долго.

Как много люди болтают!

Веста откровенно скучала и даже злилась. Еще бы! Сиди себе под столом, средь чужих ног, (того гляди, кто-нибудь на лапу наступит!), и жди когда хозяин соблаговолит угостить чем-нибудь вкусным.

Потом Веста съела очень много селедки пряного посола. Кто-то из женщин поставил на кухне тарелку с селедкой не на стол, а на табуретку. Прямо на уровень вестиного носа. Веста подумала, она тоже имеет полное право полакомиться. И сама не заметила, как съела всю селедку. Вкуснотища-а!

А потом, когда уже к вечеру Веста заболела, (да еще с высокой температурой), Чехов влил ей в рот из деревянной ложки какого-то сладкого сиропа, присел рядом на корточки, пощупал ее горячий нос и, осторожно поглаживая по шерсти, начал рассказывать:

— В некотором переулке, в некотором закоулке жил-был столяр. И была у него собачка по имени Каштанка. Приключилась с ней однажды удивительная история…

Историю Каштанки Веста не дослушала. Она почти сразу крепко заснула. А когда проснулась, была уже совсем здорова.

Антона в доме уже не было. Ни в доме, ни во дворе. Уехал. Ни Антона, ни Чехова, ни пенсне. Одна Маша осталась. Да и она на следующий день тоже уехала.

Зачем люди все время куда-то уезжают?

4

Зима тянулась бесконечно долго. Хозяин все время уезжал в Москву. Пропадал по несколько дней кряду. У него там, видите ли, постоянно какие-то выставки. Веста оставалась с хозяйкой и ее маленькой дочкой совсем одна в огромном доме. Лежала на коврике у дивана, смотрела на отблески пламени из печки и слушала завывания ветра.

«Буря мглою небо кроет
Вихри снежные крутя…»

Художническая жизнь Москвы того года кипела, бурлила и периодически взрывалась яркими фейерверками. Живописные выставки возникали, как грибы после дождя. В моду вошло французское слово «пленэр», (что означает всего-навсего «открытый воздух»), и в столице стало престижным иметь свой личный, персональный, художественный салон. Или на худой конец, небольшую выставку.

Состоятельные люди всех мастей оповещали через газеты от открытии экспозиций чуть ли не каждый день. Знатоки, ценители, коллекционеры и перекупщики всех калибров с ног сбивались, бегая из одного конца города в другой. Всюду надо успеть, все увидеть, обменяться впечатлениями, быть в курсе самых последних событий.

Павел Михайлович Третьяков был человеком на редкость молчаливым. Малознакомым людям редко удавалось вытащить из него хоть одно слово. Обычно на выставках, где он отбирал

картины для своей, уже знаменитой галереи, всегда, чуть поодаль, следовали двое-трое любопытных. Пытались разгадать, какая из картин ему понравилась.

Лицо Третьякова всегда было непроницаемо.

Выбор всегда неожиданным, но безошибочным. Вразрез с модными или популярными течениями. Внутреннее содержание, «душа картины» его привлекала более всех ярких форм.

Перед этюдом Левитана «Мостик. Саввинская слобода» Третьяков долго стоял в неподвижности. Молодой художник тоже застыл возле своей картины, как египетское изваяние. Даже дышать боялся.

Мельком взглянув на художника, Третьяков почему-то подумал: «Красив! Ему бы итальянок писать в пестрых одеждах, а он все пейзажи, да пейзажи. Хотя… талант уже очевиден. Что-то будет дальше?»

Третьяков сказал только одну фразу.

— Оставляю за собой право первого зрителя.

Слегка поклонился и пошел дальше. Уже через минуту к Левитану подбежал распорядитель выставки и сообщил, Павел Михайлович покупает его этюд.

В Саввинскую слободу Левитан возвращался вовсе не на поезде.

Он летел! Над заснеженными полями, над сонными лесами. И холодный зимний воздух выветривал из его головы всю «мерихлюндию».

Уже третью его работу подряд знаменитый Третьяков покупает для своей галереи. Немногие маститые художники этим похвастаются.

Веста лежала на коврике в большой комнате, возле дивана, смотрела на отблески пламени из печки и слушала завывания ветра.

«Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя!

То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя!»

Пушкин замечательный поэт. Веста это поняла, когда услышала его стихи в исполнении Софьи Кувшинниковой.

Действительно, «как дитя»! Интересно, была ли у Пушкина любимая охотничья собака? Или только няня?

Веста всерьез взялась за Пушкина. Читала под столом большую детскую книжку с картинками, которую позаимствовала у хозяйкиной дочери. По складам, когда никто не видел. Трудное занятие, листать страницы. Когти не слишком приспособлены. Кстати, большинство людей убеждены, собаки не умеют читать.

Наивное заблуждение! Многие из них являются очень даже начитанными хвостатыми существами.

Поначалу Пушкин слегка разочаровывал.

«И днем, и ночью,
Кот ученый,
Все ходит по цепи кругом…»

Опять про этих зловредных котов!? Почему не написать:

«… Пес ученый,
Все ходит на цепи кругом…»

Но потом, когда Веста добралась до лирической поэзии, оценила в полной мере гениальность великого поэта.

«Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса…»

Невольно вспоминались походы с хозяином на этюды. Запахи прелых трав и тревожные крики улетающих журавлей. И щемящее чувство светлой печали заполняло всю ее большую собачью душу.

И хотелось тихонько повыть.

5

Весной Веста отправилась в «путешествие». Со своим любимым хозяином. Вещей взяли столько, считать, не пересчитать! Чемоданы, баулы, этюдники, коробки с красками. По этому случаю Весте купили новый поводок, ошейник, (свиной кожи!), и даже зачем-то намордник. Дикость какая-то!

Ох, как долго тянулась эта поездка! Сначала в Москву на поезде. Шум, гам, грохот, запах гари… Потом еще по Москве на другой вокзал. Потом опять поезд. Тряска, грохот, гарь, сплошные неудобства.

Левитан всю поездку молчал и смотрел в окно на проплывающие мимо маленькие полустанки.

…Временами ему казалось, на платформе одного из них стоит отец. В форме и с флажком в руке. Десять лет назад отец сильно простудился и заболел. Его увезли в больницу, из которой он уже не вернулся. Так и не вытащил семью из бедности…

Веста поначалу вязалась к хозяину со своим мячиком, чтоб отвлечь от мрачных мыслей. Но Левитан не реагировал. Тогда она демонстративно легла на пол купе и, зажмурив глаза, стоически продолжала ждать, когда эта дурацкая поездка закончится.

В Новом Иерусалиме наняли пролетку, погрузили в нее все вещи и поехали вдоль реки Истры. Куда-то по дороге вверх по течению.

Веста не раз порывалась выпрыгнуть из пролетки и бежать рядом с лошадью. Было бы гораздо разумнее. Ей ноги размять, одно удовольствие. И ему просторнее. Но Левитан крепко держал за поводок и не давал никакой свободы.

Наконец-то, приехали! Деревня называлась Бабкино.

— Гав! Гав! — донеслось со всех сторон. Собак вокруг множество. Но все какие-то невоспитанные. Потому их держали на цепях.

А когда из маленького дома с уютным палисадником их встречать вышел уже знакомый Антон со своим пенсне, и с сестрой Машей, Веста поняла. В прошлый раз Чехов и Левитан не все друг другу сказали. Опять будут долго разговаривать. Для того и приехали.

А вот и флигель Левитана
Художник милый здесь живет,
Встает он очень-очень рано
И тотчас чай китайский пьет.
Позвав к себе собаку Весту,
Дает ей крынку молока
И тут же, не вставая с места,
Этюд он трогает слегка.

Что правда, то правда. В Бабкино Левитан писал много. Это Веста могла подтвердить под любой присягой. Конечно, хотелось бы, чтоб он поменьше работал и пошел с ней на охоту. Или на худой конец, просто побегать вдоль реки. Ведь какое счастье, пробежаться вдоль реки во весь дух. Чтоб ветер свистел в ушах!

Но бегал Левитан чрезвычайно редко. Разве только иногда, наперегонки с ней. Хотя, такое соревнование заведомо нечестно. Все-таки у нее четыре лапы, а у него всего две ноги.

Дни Весты протекали в ожидании и нетерпении!

Наконец-то! Свершилось! Веста с Левитаном отправились на охоту. Поначалу все складывалось замечательно. К Чехову приехали еще много гостей. Старший брат, Николай, (тоже художник!), Костя Коровин, (тоже художник!), с какой-то девушкой, Мария Киселева, жившая неподалеку с своем имении с

дочерью. Людей собралось очень много и потому Левитан вечером заявил. Утром он пойдет и настреляет уток. Чтоб всех прокормить. Веста возрадовалась.

«Веселится и ликует весь народ!».

Вышли рано, когда все еще спали. Дичи вокруг! так и выпархивали из-под каждого куста. Никого не боялись. Во весь голос крякали, перекликались. Совсем обнаглели! После каждого выстрела Веста бросалась в сторону предполагаемого падения птицы и, ошалев от счастья, искала. Все чувства обострились до крайности. Параллельно она слышала даже пение жаворонка над соседним полем за много километров. Левитан стрелял много, но ни разу не попал. Веста устала до ужаса. Побегай, туда-сюда, туда-сюда. И главное, все попусту!

Это издевательство продолжалось бесконечно. Уже и солнце поднялось в зенит.

Когда силы кончились, Веста легла с ног хозяина и демонстративно тяжело дыша, как паровоз, начала сверлить его возмущенным взглядом. Но Левитан почему-то только легкомысленно усмехался. И вдруг страшное подозрение закралось в охотничью душу Весты. Левитан специально стреляет мимо!!! Он почему-то жалеет дичь!

Ужас, позор, несмываемое пятно бесчестья!

Веста напряженно всматривалась в глаза хозяина, но его, слегка виноватая улыбка и недоуменное пожимание плечами, ничуть не прояснили ситуацию.

Ах, как ей хотелось в эту минуту тяпнуть его как следует. За пятку. Чтоб осознал всю ответственность.

Когда вернулись домой, Веста от стыда не могла смотреть людям в глаза. Залезла под крыльцо и не вылезала до самого вечера.

На следующий день у Весты все из лап валилось, а Левитан, (не иначе, из чувства стыда!), решил оправдаться. Заявил, идет в лес по грибы. И вызвал на соревнование Марию Киселеву, что уж совсем глупость. Киселева была местной жительницей и знала грибные места как свои пять пальцев. А Левитан знал только свои краски.

Весь день Веста с Левитаном бессмысленно шатались по лесу. Он набрал полную корзину. Потом снял рубашку, завязал рукава морским узлом и набрал в нее еще столько же. А вокруг, между прочим, глухари и рябчики так и шастали по кустам.

К концу дня все сидели на крыльце и пересчитывали грибы. Веста в этом не участвовала. Во-первых, считать умела только до двадцати с хвостиком. А во-вторых, грибы ее не интересовали вовсе. Мало ли что там в лесу растет.

Следующий день и того хуже. Все пошли собирать ягоды.

Подлинный охотник не может пасть так низко!

Люди вообще крайне неразумные существа. Глядя на них, у Весты постоянно возникали недоуменные вопросы.

Почему они едят за столом? Не проще ли всю еду разложить во дворе на траве. Всем сидеть вокруг, кто где хочет. Зачем все эти тарелочки, вилочки, ложечки?

Зачем сосед выращивает помидоры и огурцы, когда они продаются на лотках возле станции?

Зачем Левитан перерисовывает природу на холсты? Каждый может и так посмотреть. В крайнем случае, можно указать пальцем. Или просто рамочку повесить. И никаких тебе масляных красок!

Ой, что вчера было! Что было!!

Веста легкой трусцой бежала от речки к дому Чеховых, когда в саду под развесистым дубом увидела странную сцену.

На скамейке сидела Маша, сестра Антона, с книжкой в руках и щеки ее пылали, как закаты на картинах ее любимого хозяина. А сам любимый хозяин стоял перед Машей на коленях, (вернее, только на одном колене!), и что-то пылко ей рассказывал. Веста сразу почуяла неладное.

Подобную сцену она видела на картинке в каком-то иллюстрированном журнале. Слышала от одной знакомой собаки, эти сцены заканчиваются угрожающим словом «свадьба». К такому повороту событий Веста была абсолютно не готова. Делить любимого хозяина она ни с кем не собиралась.

Слава Богу, к этому оказалась не готова и Маша. Чуть не заплакав, она помотала головой, поднялась со скамейки и ушла в дом.

А сам Левитан поднялся с колена, сел на скамейку и погрузился в глубокое раздумье.

— Никто нас с тобой не любит, Весточка! — сказал Левитан, когда очнулся от раздумий и увидел перед собой Весту.

С этим Веста никак не могла согласиться. Ее и Левитана любили все. И Антон Чехов, и Софья Кувшинникова, и брат Антона Николай. И еще много-много всяких других художников… Нестеров, Серов, Коровин, Поленов, братья Васнецовы, Суриков… Всех их Веста знала в лицо. И по запаху красок. Все они по очереди, а иной раз и все вместе приезжали к ним с Левитаном в гости.

Но это вовсе не значит, что надо перед всеми становиться на колени. А потом еще «жениться». Или того хуже, «выходить замуж». Гораздо лучше еще раз сходить на охоту. Может, все-таки повезет.

Весту многое просто возмущало в Левитане. Слишком много друзей, застолий, женщин, бесконечных разговоров… Слишком много масляных красок! Слишком мало охоты!!! Но самое искреннее возмущение вызвало у нее известие, у хозяина, видите ли, «болит сердце». Как это!? Чего проще, вышел на поляну, нашел нужную траву, пожевал. Любую болезнь, как корова языком. Сама она неоднократно пользовалась этим народным средством. Была всегда весела и здорова. За исключением случаев, если съела что-нибудь не то. Пару раз Веста приносила в зубах пучок подходящих трав, но Левитан только легкомысленно усмехался. Целовал ее в нос и выбрасывал траву в окошко. Все зло от масляных красок! Все «болезни сердца» от них!

Собрать бы все краски, да закопать!

Веста начала тихо ненавидеть переезды с места на место. В конце концов у нее, (думала она!), есть в Саввинской слободе собственный дом, своя подстилка между диваном и буфетом. Хозяйка, ее маленькая бестолковая дочка. Леса, поля, речки и болота в округе. Все свое, знакомое, родное. И нечего по чужим гостям мотаться без толку. Покидая гостеприимное Бабкино, прощаясь с милым Антоном и ласковой Машей, Веста твердо решила. Это последнее в ее жизни «путешествие».

Наивная душа! Как жестоко она ошибалась. Судьба уготовила ей постоянные переезды с места на место.

6

Поездка на Волгу ошеломила Весту! Что она видела до этого. Хилые речки. Уча, Истра, озера, болотца… А тут… Бесконечная гладь до горизонта. Огромные «дома», (пароходы!), сами плыли по воде и перекликались басовитыми гудками. Пронзительными криками им отвечали наглые чайки. Голова кругом!

Левитан, Софья и Веста почти сутки плыли на пароходе. Веста постоянно перебегала от одного борта к другому, смотрела во все глаза, вдыхала незнакомые речные запахи и не переставала изумляться. Сошли на пристани в маленьком городке.

— Плес! Плес! — восторженно шептали Левитан и Софья.

Из-за шума парохода Весте послышалось: «Пес! Пес!». Шерсть у нее на загривке, (на всякий случай!), встала дыбом. И совершенно напрасно. Поводов для ревности у нее не было никаких. Чуть в отдалении на правом берегу Волги возвышалась покатая гора. С очаровательной церковью на самой вершине. Остановились в единственном в Плесе большом кирпичном,

двухэтажном доме. Из его окон открывался вид на Волгу и покатую гору с церковью на самой вершине.

… Через несколько десятилетий эту гору окрестят «левитановской». В этих местах художник напишет целый ряд выдающихся полотен. Среди них, знаменитая «Над вечным покоем»…

Волжская вода на вкус была значительно вкуснее истринской. И даже любой озерной. Мягкой, чуть терпкой и восхитительно чистой. Каждые полчаса Веста бегала к реке, глотала живительную прохладу и никак не могла утолить жажду.

Следующим утром поехали кататься на лодках. Естественно, далеко не заплывали. Сильное течение могло отнести лодки так далеко, что и к вечеру не вернешься в Плес. Заводи, песчаные отмели! Ах, какой простор! Какой свежий ветер!

Одну из картин, написанных на Волге, Левитан так и назвал. «Свежий ветер!». От нее просто веяло прохладой и свежестью. Весте очень нравилась эта картина!

С возрастом у Весты начал заметно портиться характер. Что неудивительно. Лишите моряка моря, увидите, что будет?

В Болдино Владимирской губернии, где Левитан с Софьей Кувшинниковой, (и разумеется, с Вестой!), тем летом снимал дом, места для охоты были самые подходящие. С точки зрения любой здравомыслящей охотничьей собаки.

В тот день они втроем вышли из леса на какую-то пыльную дорогу. Левитан, потрепав Весту по загривку, весело сказал:

— Завтра идем на охоту! Готовься!

— Га-ав!! — громко и радостно взлаяла Веста. Что в переводе на человеческий означало: «Всегда готова!».

Но хозяин вдруг почему-то нахмурился и начал напряженно всматриваться вдаль. Хотя смотреть было не на что. Дорога, убегающая вдаль. Ничего больше.

— А ведь это… Владимирка! — удивленно воскликнул он.

Подошедшая Софья принялась охать и ахать. «Ох, та самая! Ох, она и есть!». Веста насторожилась. Всю дорогу до дома эта парочка только и говорила, о каких-то «кандалах» и каких-то «арестантах», которых когда-то вели по этой дороге прямиком в Сибирь. А уже на следующее утро Левитан и Софья схватили под мышки этюдники и вприпрыжку побежали на эту самую дорогу. А на ней, кроме пыли, рытвин и ухабов, ничего интересного.

Веста решительно отказывалась понимать. Эта неразумная парочка уселись на обочине и принялись писать этюды. Будто дорог не видели.

Веста не выдержала и, когда Левитан отошел к Софье, что-то там подправить в ее этюде, незаметно потянула зубами за ремень

этюдника.

Этюдник упал с треноги прямо на землю. Краски и кисти рассыпались по траве. Левитан вскрикнул, как раненная чайка, и бросился поднимать тюбики, краски, кисти. Отряхивал их, вытирал от пыли и травы. При этом грозно поглядывал на Весту.

Веста, широко распахнув свои красивые глаза, удивленно смотрела на хозяина и делала вид, будто она вовсе ни при чем.

Левитан строго погрозил ей пальцем и вновь принялся за работу.

Нехороший осадок у Весты остался от «Владимирки».

Суровую зиму пришлось провести в Москве. Самой Москвы Веста, честно говоря, и не видела. Да и особенного желания не было. Шум, грохот, сплошные прохожие, лошади, телеги… Пришлось терпеть. У Левитана появилась собственная мастерская. Савва Тимофеевич Морозов, фабрикант и меценат, уступил ему свою на очень льготных условиях. Он был горячим поклонником Левитана и, тайком от знакомых, брал у него уроки живописи.

Мастерская Весте не понравилась категорически. Не комната, какой-то вокзальный ангар, весь залитый светом. Хорошего, укромного, темного уголка днем с огнем не сыскать. Пришлось устраивать в углу мастерской подобие конуры. Из старого ящика из-под красок и овечьего тулупа. Можно отвернуться носом в угол и выставить наружу хвост. Чтоб все видели и не шумели.

Но постоянные посетители… Абсолютно бестактные люди.

Первым заявился Третьяков, о котором Веста слышала много хорошего и разного. От него, слава Богу, не пахло масляными красками. Только едким мужским одеколоном. И еще пудрой, которой посыпают сдобные ватрушки. Третьяков осмотрел последние картины Левитана, выбрал две из них, («Золотой Плес», «После дождя»), и заявил, покупает обе еще до выставления на всеобщее обозрение.

На Весту Третьяков не обратил ни малейшего внимания. Плохо воспитан. Что неудивительно. Сквозь мужской одеколон, от него за версту несло сразу двумя кошками. Третьякову, (в смысле отношения к сестрам меньшим!), до Антона Чехова, как до звезды.

Не успела закрыться дверь за Третьяковым, ввалился Нестеров. Со своей картиной «Видение отроку Варфоломею». На картину Веста даже не взглянула. В отличии от Левитана, который так впился в нее глазами, будто хотел съесть. Полчаса стоял в неподвижности, как столб у дороги по имени «Владимирка».

Веста уже начала задремывать в своей конуре-ящике, когда Левитан неожиданно громко закричал:

— Картина хороша, успех будет!

И бросился обнимать Нестерова. Тот отбивался, как мог и бубнил невразумительное:

— Бог кистью водил!

Вообще, Нестеров нормально разговаривать не умел. Всегда именно бубнил. Чтоб понять, что он хочет сказать, Весте всегда приходилось очень напрягаться. И пахло от него почему-то древесными стружками и столярным клеем. Хоть он тоже, как Левитан, был художником.

Веста отворачивалась к стене и вспоминала прошедшее лето…

…В лесу куковала кукушка. Софья Кувшинникова остановилась посреди поляны и, рассеянно улыбаясь, начала вопрошать:

— Кукушка! Кукушка! Сколько мне жить на этом свете?

«Это не Кукушка, а Кукух!» — мрачно подумала Веста. «Откуда ему знать, сколько кому жить. У него своя забота, подозвать подругу. Он уже гнездо соорудил, вот и старается».

Но Софья Кувшинникова этого явно не знала. Она стояла посреди поляны и, рассеянно улыбаясь, загибала на руках пальцы.

… Через два года Софья Кувшинникова бросится выхаживать какого-то, совершенно незнакомого ей, одинокого больного человека. Она заразится сама и буквально растает, как свечка в несколько дней…

Ждать Весте на поляне пришлось довольно долго. Софья насчитала уже больше сотни лет и явно перешла на вторую сотню.

Лично Веста была убеждена, они с любимым Левитаном будут жить очень долго. И умрут в один день.

Почему-то в лесу вспоминался очень нелепый случай.

Тем днем хозяин выкинул форменную глупость. Они втроем гуляли вдоль Волги и любовались видами. Левитан взял с собой ружье. Когда Софья присела на скамейку под деревом передохнуть, он зачем-то подстрелил чайку. Положил возле сидящей на скамейке Софьи и сказал трагическим голосом:

— Я имел подлость убить чайку! Кладу ее у ваших ног!

Вообще, чаек Веста недолюбливала. Визгливая, противная птица. Питается исключительно отбросами. Но все равно, подстреливать ее не было никакого смысла. Она не фазан, не тетерев и не кряква.

Люди делают очень много глупостей!

К вечеру втроем пошли в лес хоронить чайку. Очень

торжественно. Только духового оркестра не хватало. Софья даже слезу пустила. И пообещала все рассказать Чехову. Мол, сюжет для небольшого рассказа. Левитан постоянно извинялся и поклялся, ничего такого он себе больше не позволит.

Той суровой зимой Веста только и делала, что вспоминала весну. В ушах постоянно звучал гомон птиц из садов и рощиц, шебуршание жуков в пробивающейся сквозь еще холодную землю траве, в нос наплывали запахи молодых, только что лопнувших почек. Веста дремала. Глазеть на бесконечные морозные узоры на огромных окнах мастерской вовсе неинтересно. Она закрывала глаза. Чаще всего видела один и тот же дурацкий сон. Черный жук в траве внезапно увеличивался в размерах, обрастал шерстью и превращался в огромного черного кота, который нагло помахивая хвостом, убегал от нее по длинной извилистой тропинке. Веста со всех лап бросалась за ним, но никак не могла догнать. «И вечный бой! Покой нам только снится!»

Черный кот внезапно резко останавливался, оборачивался, разевал розовую пасть, вставал на задние лапы и… превращался в Левитана. Приходилось просыпаться и переворачиваться на другой бок. Веста давно заметила. На левом боку всегда одна глупость снится. Устраиваясь удобнее на правом боку, Веста бросала взгляд на хозяина. Всю зиму она видела одну и ту же картину.

Левитан стоит за мольбертом и пишет. Той зимой он работал сразу над двумя полотнами. Посреди мастерской стояли два мольберта. Он постоянно переходил от одного к другому. И обе картины назывались «Золотая осень».

Однажды, когда его не было дома, Веста села между мольбертами и начала сравнивать. Насчитала более пятнадцати различий, хотя на той и на другой была самая обыкновенная осень. Почему Левитан назвал их одинаково? Непонятно!

7

Антон Чехов уезжал на Сахалин. Провожали двое-трое знакомых. И Веста с Левитаном. Перед вагоном по платформе сновали купцы в солидных картузах, мещанки с мешками, крестьяне в домотканых одеждах, тоже с мешками за плечами.

Левитан стоял рядом с Антоном, поскольку решил ехать с ним, проводить до Сергиевого посада. Времени до отхода оставалась совсем немного. Провожающие молчали, все уже было сказано. И вдруг со стороны вокзала показалась фигура доктора Кувшинникова, мужа Софьи. Он шел вдоль вагонов прямо к

Чехову. Провожающие как по команде скосили глаза на Левитана, (всем были известны его отношения с женой доктора), но художник никак не отреагировал.

Доктор Кувшинников подошел к Чехову, обнял и торжественно вручил флягу с коньяком.

— В дорогу! От нас с Софьей! — улыбаясь, сказал он.

Все провожающие облегченно выдохнули. Явно ожидали совсем другой развязки. Чехов поблагодарил и спрятал флягу в карман.

— Клянусь, распечатаю ее только на берегу океана!

Возникла неловкая пауза, нарушил которую все тот же Кувшинников. Он дружелюбным тоном обратился к Левитану:

— Давненько не виделись, Исаак Ильич! Заходите. В моем доме вам всегда рады. Ваш талант для нас источник радости…

Этих слов Веста не слышала. Она стояла в купе вагона на задних лапах, выглядывала в окно и очень волновалась за Левитана. Как бы они с Чеховым не опоздали и не отправили ее одну на Сахалин. Но все закончилось и в этот раз благополучно.

Провожающие одновременно заговорили. Звякнул третий раз колокол. Чехов и Левитан едва успели вскочить в вагон. Провожающие долго махали им вслед.

Слухи о необычайной картине Левитана «Омут» начали гулять по Москве еще задолго до ее написания. Баронесса Вульф, в имении которой гостил художник с Софьей Кувшинниковой, (и разумеется с Вестой!), ежедневно оповещала письмами всех знакомых. Левитан пишет «Нечто»!

Картина действительно получалась необычной. И нетипичной для уже сложившегося известного пейзажиста. Во-первых, размеры! Целых четыре аршина, вместе с рамой. Он никогда не писал таких больших полотен. Во-вторых, сюжет был навеян мотивами «Русалки» Пушкина. С подсказки баронессы Вульф. Что не очень несвойственно пейзажистам вообще, Левитану в частности. И в третьих, Левитан писал «У омута» прямо с натуры. Без предварительных этюдов, «без пристрелки». Что тоже крайне редко встречается в среде живописцев.

Письма баронессы ходили по рукам, пересказывались из уст в уста, читались вслух в гостиных и салонах. Москва художественная волновалась.

Веста была очень довольна. Каждое утро картину, точно икону, грузили на огромную тележку и везли к старой мельнице. Левитан и Софья толкали тележку. Вернее, тянули ее за веревки, как заправские бурлаки с картины Репина «Бурлаки на Волге». Веста бежала впереди и указывала точное направление, чтоб не

сбились с пути. Потому что смотрели они только друг на друга.

Пока Левитан писал, Веста постоянно прогуливалась возле воды, взад-вперед, и напряженно ожидала появления чёртенят. Собственными ушами слышала, «в тихом омуте, чёрти водятся!». Знала, они размером с кошку или небольшую собаку. Тоже с хвостом, но почему-то с рогами на голове. Как у коровы. То-то хозяин обрадуется, когда она вынырнет из воды, вылезет на берег, отряхнется и положит к его ногам чёртенка. Несколько раз она уже делала «стойку» у самой воды, превращалась в сжатую пружину, но все бестолку. Заловить хотя одного чёртенка так и не удалось.

Не водятся они в тихом омуте!

Впечатление от картины было восторженным. «У омута» одобряли все. Кроме одного человека, Третьякова. И хотя он без колебаний купил картину для своей галереи, тактично и крайне деликатно попросил художника «доработать воду».

Левитан и сам был недоволен. Еще долгие месяцы он писал и переписывал «воду». Делал все новые и новые варианты. Пока не добился нужного эффекта.

Весте перестала нравится Софья Кувшинникова. Все началось с раздраженного тона. Почему-то вдруг Софья принялась делать замечания ее любимому Левитану. Это ей не так, то не эдак! Сначала требовала, чтоб Левитан «удалил» Весту! Дескать, она его к ней «ревнует». Не дает уединиться. Вот уж глупость! Никогда Веста не ревновала любимого Левитана ни к одной из женщин. Разве только самую малость.

Пусть себе «уединяется» с кем угодно. Хоть с хозяйкой. И играет с ней в карты, в подкидного дурака. Лично Весте абсолютно все равно. Она не вникала в отношения Софьи с Левитаном. Своих забот полна пасть. Но когда начались постоянные придирки к ее любимому хозяину, решила разобраться. Выяснила следующее…

Антон Чехов написал рассказ «Попрыгунья». Софья почему-то возомнила себе, будто Чехов ее описал в главной героине. «Попрыгунью» Веста не читала, но если б о ней написали рассказ, она бы только радовалась и гордилась.

Софья Кувшинникова наоборот. Оскорбилась и обиделась. И почему-то начинала «пилить» Левитана. Хотя уж он-то здесь абсолютно ни при чем. Левитан обычно тут же хватал ружье и убегал с Вестой в лес. Оставлял Софью одну рыдать в большом доме. Веста радовалась. Во-первых, Софье так и надо. Нечего тут из себя хозяйку корчить. Во-вторых, они с любимым Левитаном наконец-то (!) по-настоящему поохотятся. Но в лесу Левитан постоянно перезаряжал ружье и просто палил вверх. Поначалу

Веста подумала, хозяин сошел с ума. Палить куда попало может только ненормальный. Но потом поняла. Хозяин так выражает свое отношение к Софье.

Веста сидела под кустом и морщилась после каждого выстрела. Ей хотелось закрыть глаза и заткнуть себе уши, чтоб не видеть и не слышать этих «диких» выходок Левитана. «Дикая» охота закончилась неожиданно. Софья собрала свои вещи и уехала на станцию. Левитан не поехал ее провожать. Веста вздохнула с облегчением.

8

Вообще-то, если совсем начистоту, мужчины нравились Весте значительно больше женщин. Взять хотя бы художника Серова, еще одного из друзей Левитана. У него в гостях Веста побывала недавно.

Симпатичный человек. Постоянно напевал себе под нос какие-то легкомысленные песенки: «Ля-ля-ля! Тру-ля-ля!». Подобных песенок Веста не любила. Предпочитала серьезную классическую музыку. Когда Софья Кувшинникова играла на рояле, Веста забиралась под него и вдумчиво слушала. Классическая музыка находила в ее душе самый живейший отклик. Под нее хорошо мечталось.

Серов еще на пороге дал Весте в зубы огромную бычью кость и разрешил устроиться на большом кожаном диване. Сам тут же принялся рисовать портрет Левитана. Полнейшая гармония. Любимый хозяин сидит себе в кресле в глубокой задумчивости, (в своем привычном состоянии!). Серов увлеченно пишет его портрет. Веста на диване разбирается с костью. Каждому свое! Кость попалась невероятных размеров и отменного вкуса. Веста обгрызала ее со всех сторон и была на седьмом небе.

Серов с Левитаном изредка перебрасывались фразами о каких-то «западниках», которые вознамерились «разрушить великий русский реализм». Веста особенно не прислушивалась. Ни одного «западника» она в глаза не видела.

Но если б встретила, тут же бы тяпнула за пятку!

Все хорошо, если бы не дурацкие «путешествия»! На этот раз поехали в Горки. В имение Анны Николаевны Турчаниновой. Веста по наивности надеялась, хоть там не будет женщин. Как жестоко она просчиталась!

У Анны Турчаниновой было целых три дочери. Она другой красивее. И сама Анна тоже, была очень красивой женщиной. Мужчин же в поместье не было вовсе.

«Из огня, да в полымя!».

— Я имел подлость убить чайку! Кладу ее у ваших ног!

Эту фразу Веста услышала, когда неожиданно выбежала из-за угла дома. На скамейке сидела Анна Турчанинова и закрывала лицо платочком. А любимый хозяин стоял прямо перед скамейкой и сверлил Анну пронзительным взглядом. Между ними лежала подстреленная чайка.

У Весты в голове началась путаница. Она могла поспорить, (хоть на мешок костей!), подобную сцену уже видела. Только в тот раз вместо Анны Турчаниновой была Софья Кувшинникова.

— Дорогой, я не понимаю. — говорила Анна. — Очевидно, чайка… это какой-то символ? Вы такой нервный, измотанный…

Левитан присел на скамейку, рядом с Анной и они начали о чем-то долго и нудно разговаривать. Веста не стала слушать, пошла по своим делам. Но в душе у нее образовался абсолютный кавардак.

Бедная Веста! Чтоб с ней сталось, если б она попала на спектакль МХАТа и увидела сцену, где Треплев кладет к ногам Заречной подстреленную чайку. Наверняка бы, громко залаяла. Хотя собаки, (пока еще!), слава Богу, в театр не ходят!

А через два дня Веста услышала, как Анна Турчанинова, плача, умоляла поехать за лекарем. Мол, Левитан стрелял себе в висок из револьвера, но промахнулся. Хозяина Веста не видела целый день. К нему не допускали. Она не очень верила, потому что внутреннее чувство, (интуиция!), ничего такого трагического ей не подсказывало. А интуиции она верила очень.

Только ближе к вечеру Веста проскользнула между Анной и ее дочерью в приоткрытую дверь. Левитан действительно сидел за столом с забинтованной головой и что-то писал. Увидел Весту, виновато пожал плечами и сказал:

— Прости меня, Весточка! Чуть было не сотворил глупость. О тебе и подумать не успел. Ты бы без меня пропала.

Что правда, то правда. Без Левитана Веста не мыслила себе вообще никакой дальнейшей жизни. Собачья любовь умнее и тоньше!

Веста увидела сидящего на заборе соседского кота. И ненавязчиво предложила ему сыграть в жмурки. Или в догонялки. Разумеется, чтоб охотником была она, преследуемым тигром, он. Кот наотрез отказался. Зашипел, как сковородка и даже когти показал. Деревенщина! Всем котам следует на лапы надевать намордники!

Жизнь в усадьбе Турчаниновых текла как и в Саввинской слободе. Тихо, размеренно и скучновато. Без всякой охоты! И ничего такого трагического Весте ее интуиция не подсказывала,

хотя любимый хозяин лежал пластом на кровати и мрачно сверлил взглядом потолок. Даже к завтраку и обеду не выходил.

Анна Турчанинова и, особенно, ее старшая дочь Варенька, явно влюбленная в Левитана, были противоположного мнения. Вечером Веста собственными ушами услышала, как Анна, склонившись над письмом, взволнованно шептала:

«Дорогой Антон Павлович! Умоляю, как только представиться возможность, приезжайте! Левитан совсем плох…»

Антон Чехов, как всегда, бросился вытаскивать друга из болота «мерихлюндии» и был поражен красотой старинного особняка с белыми колоннами и огромным заросшим садом. Красавица-хозяйка и ее милые дочери тоже не остались незамеченными. Впрочем, все это он подробно описал в «Доме с мезонином».

Главной его заботой был, разумеется, Левитан.

Веста, пристально наблюдала за странными манипуляциями доктора с какими-то лекарствами, вслушивалась в его тихие речи и не могла разгадать загадки. Каким таким волшебным способом он приводил в чувство ее любимого хозяина.

После визитов Чехова, к Левитану возвращалось его обычное самочувствие. «Болезни сердца», (заодно с «мерихлюндиями»!), куда-то испарялись. Художник опять становился веселым, бодрым и жизнерадостным.

Каким его Веста увидела в первый раз.

9

Дом Поленовых славился гостеприимством. По Москве ходили легенды о хлебосольстве и щедрости хозяев. Сам Василий Дмитриевич развлекал многочисленных гостей веселыми историями, которые с ним постоянно случались в поездках по Европе. Не отставала от него и хозяйка, Наталья Павловна. Будучи сама талантливой художницей и писательницей, она всегда умела поддержать разговор, легко разрешить любой спор об искусстве или политике. Отличная кулинарка, она своими разнообразными блюдами умела угодить любому гостю.

Левитана с Вестой торжественно пригласили на обед. В письменном виде. Они явились в строго назначенное время и были приняты самым радушным образом. Левитана усадили по правую руку от хозяина. Глаза его начали разбегаться от разнообразия блюд на столе. Весте отвели специальное место в углу гостиной около камина. Поставили перед ней вкуснейшее блюдо из цыплячьих потрохов. Наталья Павловна

собственноручно повязала ей на шею салфетку. Веста была даже довольна, что она обедает отдельно от остальных гостей. Всегда злилась, если глазеют, когда она ест. Поглощение пищи, процесс интимный. И нечего поглядывать!

У Поленовых Веста чувствовала себя очень комфортно. С удовольствием бы осталась у них жить. Но Левитан был другого мнения. Наверняка, из-за сеансов «позирования». Василий Дмитриевич, после ухода Саврасова из Училища, взял под свое крыло Левитана. Стал вторым Учителем. Потому когда попросил Левитана позировал ему для новой картины, разумеется, тот не посмел отказаться. Хотя внутренне сопротивлялся. Перед сеансом Левитана обрядили в странные восточные одеяния. Нахлабучили на голову чалму и даже слегка подмазали лицо гримом. Получился самый натуральный «бедуин».

— Самый натуральный бедуин! — восторженно потирая руки, говорил Поленов. — И незачем ехать в пустыню!

Веста даже позавидовала!

Сама бы с удовольствием вырядилась «бедуином». Пару раз она даже вопросительно заглядывала в глаза жене Поленова, Наталье Павловне, но та, (надо отдать ей должное!), сразу поняв желание Весты, только, молча, прикладывала палец к губам.

10

Веста лежала на открытой террасе большого дома и медленно погружалась в утренний сон. С каждым днем сладостная дрема все плотнее окутывала ее своими ласковыми, нежными объятиями. На другом конце террасы хозяин писал очередную картину. Веста не заглядывала ему через плечо, (уже трудновато вставать на задние лапы, возраст не тот!), но знала, Левитан пишет «Март».

Март замечательный месяц. Таких всего два в году. Сентябрь и март. Март самый волнующий месяц в природе. Еще лежат синие сугробы и привычно поскрипывают полозья саней у крыльца соседнего дома. Но с крыш уже нависли длинные сосульки и с них мерно падают искрящиеся капли. Воздух свеж и чист.

Веста, не открывая глаз, глубоко вздыхает. По человечьим меркам ей уже далеко за семьдесят. Суставы ломит к непогоде, зрение уже не то, да и особенного желания куда-то бежать, как раньше, кого-то преследовать, насыщаться все новыми и новыми впечатлениями, запахами и звуками уже тоже нет.

Веста давно смирилась даже с запахом масляных красок. Если

б он внезапно исчез, испарился, всерьез бы озаботилась. Любимый Левитан и этот запах, отдающий керосином, давно уже стали содержанием ее большой собачьей жизни.

Веста, щурясь от яркого мартовского солнца, вздыхает. Позади огромная, полная тревог и волнений, страданий и бурных всплесков ликующей радости собачья жизнь. Ей повезло, ничего не скажешь. Постоянно рядом, (ну, почти постоянно! Если выкинуть из памяти все его многочисленные отлучки), был любимый хозяин. Друг, товарищ, первая и единственная любовь.

Веста щурится от солнца и улыбается. Сытная еда, теплый дом, любимый хозяин. Что еще нужно охотничьей собаке, чтоб встретить старость.

В марте всегда возникает странное, обманное ощущение, будто все еще впереди. Все еще возможно, достижимо. Именно об этом во все горло кричат с каждой ветки ошалевшие от наступившей весны птицы.

Картина Левитана «Март» была единодушно принята любителями и знатоками, как явление в пейзажной живописи. Художнику, действительно, удалось невозможное. Передать ощущение надвигающейся радости, близких и волнующих перемен.

Той поздней осенью ученики московского Училища живописи, ваяния и зодчества наблюдали необычную картину. Во дворе Училища рабочие сгружали с повозок бочки с посаженными в них березами и елями, целые кусты, горы мхов, различных размеров пни и коряги, горы веток. Командовал разгрузкой недавно назначенный руководителем пейзажной мастерской профессор Исаак Ильич Левитан.

Ему всего тридцать девять лет, но выглядит он значительно старше. Почти старик. Все в Училище знают, Левитан серьезно болен.

Когда на следующий день ученики пейзажной мастерской переступили порог аудитории, их взорам предстала фантастическая картина. Они оказались в настоящем лесу.

— Проходите! Начнем занятия! — весело командовал профессор.

Ученики расставляли мольберты и в легком недоумении переглядывались. Такого в Училище еще не бывало.

— Мой учитель, великий Саврасов постоянно говорил: «Любите природу! Только в ней источник подлинного вдохновения!».

Профессор на секунду замолчал и провел ладонью по лицу, будто хотел смахнуть невидимую паутину. Ему на мгновение показалось, он слышит знакомый, веселый лай. Почудилось,

прямо здесь в аудитории, из-за кустов вот-вот покажется знакомая, улыбающаяся морда.

— Продолжим занятия! — твердым голосом продолжил он. — У нас очень мало времени!

Левитан пережил свою красавицу, охотничью собаку Весту на два года. Он прожил всего сорок лет. Фантастически мало для человека. Катастрофически мало для художника. Но он успел главное. Он создал целую галерею невероятно талантливых полотен. Отныне само понятие «русский реалистический пейзаж» будет неразрывно связано с его именем. Левитан и «У омута». Левитан и «Над вечным покоем», Левитан и «Золотая осень»…

Еще долгие годы в окрестностях Бабкино, что под Новым Иерусалимом на реке Истра, и в полях Саввинской слободы, и в заливных лугах Старого Плеса, местные жители будут вспоминать необычную парочку. Длинноволосого, бородатого художника с двустволкой наперевес и его огненно-рыжую охотничью собаку.

В воспоминаниях местных жителей, они будут носиться по полям и лугам, обгоняя друг друга, и радостный лай будет сливаться в восторженном дуэте с веселыми криками художника…

Неожиданно художник остановится, сорвет с головы широкополую шляпу, высоко подбросит ее в воздух и, вскинув ружье, выпалит по ней из обоих стволов. От двух ударов дроби шляпа взмоет еще выше и полетит далеко-далеко…. Туда, где заливные луга уже вплотную подходят к самой реке…

А художник и его огненно-рыжая собака наперегонки помчатся к реке, кто быстрее. Естественно, первой добежит она, охотничья собака со странным именем Веста. Она отыщет продырявленную шляпу среди зарослей камыша, схватит ее цепкими зубами и помчится назад, навстречу своему любимому хозяину…

Так они и будут бежать навстречу друг другу… Огненно-рыжая охотничья собака и длинноволосый, бородатый художник…

Оба радостные, взволнованные, счастливые…